

ШАДМАНОВ КУРБАН

**АНГЛИЙСКАЯ ДУХОВНОСТЬ И ЯЗЫК:
ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА
ЗАПАД-ВОСТОК**

ФАН

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

БУХАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ШАДМАНОВ КУРБАН

**АНГЛИЙСКАЯ ДУХОВНОСТЬ И ЯЗЫК:
ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ЛИНГВОФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА
ЗАПАД-ВОСТОК**

Ташкент
Издательство «Фан»
Академии наук Республики Узбекистан
2009

К. Шадманов. Английская духовность и язык: взаимообусловленность лингвофилософского диалога Запад-Восток. – Т.: Фан, 2010. -327с.

В книге на широком историко-литературном фоне рассматриваются общие проблемы становления и развития английской философии и языка эпохи Возрождения, методологические принципы истолкования историко-философского знания. Отдельные главы посвящены сравнительному анализу культур Востока и Запада и, в частности, начальному этапу формирования философии европейского Возрождения сквозь призму линии преемственности мусульманского возрождения, идущей от Востока к Ренессансу Запада. Рассмотрение теоретических вопросов сопровождается текстовыми иллюстрациями и структурно-семантическим анализом.

Для преподавателей, аспирантов, научных работников, студентов.

Ответственный редактор:
доктор философских наук, профессор К.Х. ХАНАЗАРОВ

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Х. НИГМАТОВ
доктор философских наук, профессор Х. САЛАМОВА
кандидат философских наук, доцент О. ШАРИПРОВА

ВВЕДЕНИЕ

Независимость, обретенная Узбекистаном, открыла перед нашим народом новые перспективы. Мы начали по-новому осмысливать наше бытие, нашу жизнь. В связи с независимостью возникли новые, серьезные и непростые задачи перед представителями общественных наук Узбекистана, в том числе философии. Это нетрудно понять, ибо, во-первых, Узбекистан имеет богатейшие традиции в области философии и, во-вторых, само новое положение нашей Республики как независимого государства требует глубокого философского осмысления. Третий аспект этой проблемы - необходимость широкого изучения истории зарождения и формирования европейской классической философии, которая сыграла огромную роль в становлении и развитии системы современной философии, ее сущности и содержания.

Последние десятилетия в европейской и мировой практике отмечены многими позитивными инициативами, предлагающими новые стратегии образования, включающие также и кардинальные изменения отношения к философскому знанию как к важнейшему компоненту общей и индивидуальной культуры. В свете этих обстоятельств особую актуальность и значимость обретает постановка целого ряда назревших проблем, решение которых связано с объективным освещением истории как основного источника формирования национальной идеологии. Прежде всего, это необходимость адекватного осознания и сохранения в современной духовной культуре, а также в каждодневной практике, особой, ничем не заменяемой ценности классического «философского наследия, особенно европейского, способного, как и в предыдущие эпохи, основательно влиять на формирование высокой духовности» и на уровне отдельной личности, и на

уровне социальной группы, нации, общества в целом¹. Это очень важная постановка вопроса, если учесть, что XX век охарактеризовался невиданными ранее яростными атаками философского дилетантизма на отмеченное классическое содержание философии и бесчисленными попытками заменить собственно философское знание его произвольными, но, при этом, активно внедряемыми в массовое сознание, субъективными интерпретациями.

Западная классическая философия Нового времени нашла свое достаточно фундаментальное воплощение в английской философии, начало становления которой приходится в основном на эпоху Возрождения. Изучение и анализ сложных обстоятельств ее зарождения как системы может представлять методологический интерес, во-первых, для изучения особенностей развития нынешней узбекской философии в сравнительном плане. Во-вторых, в плане восстановления исторической справедливости явится серьёзным шагом на пути вскрытия влияния Восточной, в частности философии Средней Азии, на Западную, в том числе на английскую, которое до сих пор не нашло своего достаточного освещения в отечественной и зарубежной научной литературе. В-третьих, всё убыстряющиеся темпы глобализации ведут к прогрессирующему росту роли и влияния английского языка во всемирной экономике, науке, философии и общественно-политической жизни. Это важно учесть в конкретных условиях Узбекистана, ибо независимость открыла широкие возможности для его интеграции в мировое сообщество. Философия Узбекистана должна выходить на международный уровень и в этом смысле глубокое изучение английской и англоязычной философии, того определенного влияния, которые оказали на нее философские идеи мыслителей Средней Азии, - один из действенных путей пропаганды нашей страны.

¹ Каримов И.А. Идеология национальной независимости – убеждение народа и вера в великое будущее // Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Т.8.-Т.: Ўзбекистон, 2000.-С.490-492.

Эту задачу невозможно выполнить, как указал Президент И.А.Каримов, без изучения истории и философии, без стремления досконально знать историю становления основных философских учений современного мира, без издания на узбекском языке произведениях таких великих философов, как Аристотель, Бэкон, Гегель, признанных во всем мире, и “без ознакомления нашей интеллигенции, в частности молодёжи, с их идейными взглядами, способствующими интеллектуальному совершенствованию человека”¹. Этот недостаток надо выправить, в частности, на примере английской философии, в её взаимосвязи с восточной философией, давшей миру выдающихся мыслителей, тем самым открыть возможность для общей комплексной постановки данной проблемы и установления её методологического значения. Последнее обусловлено тем, что фокусирует в себе фундаментальные задачи культурно-исторического знания на современном этапе.

Задачи эти, связанные с исследованием процессов развития культуры как системы, с выявлением в них противоречивого единства и взаимозависимости общих и регионально-неповторимых свойств, как нельзя лучше стимулируют поиск в данном направлении и задают ему исходные теоретические ориентиры сравнительного изучения культур Востока и Запада, установления видов эквивалентности культурных явлений и в области истории философии.

Сегодня восстановление исторической справедливости, истины – важная задача науки и её исследователей. Изучение и возрождение слабо изученной части здорового духовного наследия и, как результат, возвращение к нему широких масс выступает опорой, интеллектуальным и эмоциональным фактором в воссоздании суверенного Узбекистана и вступлении его, вместе с мировым сообществом, в обновляющуюся цивилизацию третьего

¹ Каримов И.А. Идеология национальной независимости – убеждение народа и вера в великое будущее // Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Т.8.-Т.: Ўзбекистон, 2000.-С. 492.

тысячелетия. Правдиво освещенная история, как подчеркнул Президент И.А.Каримов, “является основным источником формирования национальной идеологии, ибо, не зная истории, невозможно осознать ее философскую основу”¹. Поэтому объективно освещенная проблема духовности, ее богатства и роли в интеллектуальном и нравственном воспитании приобретает сегодня особенно важное значение. И вполне закономерно, что среди наиболее важных приоритетов развития Узбекистана на ближайшую перспективу Президент И. Каримов особо выделил проблему дальнейшего обновления общества, подчеркивая, что “мы все должны четко осознавать, что от духовного возрождения народа, сохранения традиций, развития культуры и искусства зависит положение дел в других сферах, зависит насколько результативными будут проводимые реформы”².

Современный крупномасштабный социокультурный кризис начала XXI века, связанный с геополитическим переделом мира после крушения СССР, вызывает к жизни оправданное внимание ученых, государственных деятелей, политических лидеров на необходимость в нынешних условиях выработки новой парадигмы исторического видения с акцентом на внутренние гарантии духовно-этического порядка, прямо и непосредственно связанные с нравственными качествами людей³.

Как известно, философия исходит из признания движения и развития мира и человеческого мышления как результата действующих внешних и внутренних противоречий. Это положение в полной мере относится и к языку, поскольку язык есть непосредственная действительность мысли. Между тем, многие проблемы, связанные с развитием и движением языковой

¹ Каримов И.А. Идеология национальной независимости – убеждение народа и вера в великое будущее // Наша высшая цель – независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Т.8.-Т.: Ўзбекистон, 2000.-С. 492.

² Каримов И.А. Узбекистан, устремленный в XXI век. – Т.: Ўзбекистон, 1999 -С. 17.

³ Стрижко В.А. Краткое слово о философии для лидера. – Харьков: Экограф. 2002. - С. 104; Философия истории. Под. ред. А.С. Панарина. - М., 1999.-С.22.

системы, до сих пор остаются нерешенными. Слабо изучен масштаб и характер изменений понятий в системе языка вообще, совсем не изучен внутренний механизм эволюции философской терминосистемы английского языка. Исследований, посвященных этой серьезной проблеме, буквально единицы. Причина в следующем: изменения, происходящие в течение сравнительно короткого времени, обнаружить значительно труднее, нежели другие. Они минимальны по объему, протекают быстро и по этой причине практически неразличимы. В то время как при сопоставлении нескольких временных срезов, разделенных столетиями, гораздо легче обнаруживаются существенные кваликативно-квонтативные изменения.

Философские понятия представляют собой высшую форму мыслительной абстракции. Но известно, что процессы абстракции и обобщения не существуют в неизменном виде на всех этапах исторического развития. Развитие абстрактно-философских значений тесно связано с развитием самой категории абстрактного и поэтому представляет безусловный интерес, так как развитие значений категорий является необходимым компонентом исследования законов развития человеческого мышления и познания, составной частью теории познания любой философской системы.

В условиях современного развития науки и техники особо важное значение приобретают проблемы исследования путей и средств становления и развития системы философских категорий¹. Категории – это понятия философии. А, как известно, ни одна область знания не может существовать без понятий, через которые она себя выражает. Однако у философских категорий особый статус, отличный от понятий других наук и систем знаний – они отражают наиболее общие и существенные свойства, закономерности природы, общества и мышления, универсальные способы отношения

¹ См.: Материалы “XXI Мировой Философский Конгресс. Философия лицом к мировым проблемам”//XXIst World Congress of Philosophy. Abstracts. Istanbul, Turkey, 2003.

человека к миру. Именно потому, что философия возникает и существует в человеческой культуре из-за необходимой потребности каждой конкретной личности и всех без исключения людей в общей ориентации, самовыражении и самоопределении в окружающей социальной и природной действительности, философия сформировала систему понятий, специфический категориальный язык.

Выявление путей возникновения системы, дальнейшего ее развития и оформления важно в двух отношениях. Во-первых, раскрывая основные особенности генезиса философской категориальной системы, мы можем найти новые средства построения такой системы в других областях науки, повышающие эффективность не только теоретических, но и эмпирических методов научного исследования. Во-вторых, в процессе формирования основ определенной системы категорий, с наибольшей глубиной выявляется эвристическая роль философских идей в углублении и расширении научных понятий.

Сформулированное понятие, как известно, не остается чем-то раз и навсегда данным, косным, застывшим. Ищущая философская мысль многократно возвращается к нему, выверяя его границы, содержание, смысл и значение, а также все возможные взаимосвязи с другими понятиями. Скрупулёзно скомпонованная, многократно переосмысленная и постоянно уточняемая система философских категорий позволяет приблизиться к адекватному осмыслению и вербально точному описанию всей многосложности бытия.

Образование системы категорий английской философии - результат процесса многовекового развития английского общества, его культуры и языка. Раскрытие объективных предпосылок и закономерностей этого процесса - важная научная задача, стоящая перед философами.

Многоплановость и широкая распространенность философских понятий со всей остротой ставят задачу систематизации методов ее исследования. Это

предполагает, прежде всего, установление наиболее общих тенденций в ее развитии. Такие тенденции отчетливо проявляются в изменении философских понятий, поскольку они очень близки, в плане выражения, к словам и словосочетаниям общелитературного языка. В то же время значение философских категорий значительно отличается от соответствующих общелитературных понятий. В них актуализируется новый компонент, который является тем смыслоразличительным пределом, где концентрируется осмысление части явлений объективной реальности, выступающей в качестве основной дифференцирующей при их научном рассмотрении.

Изучение историко-философского процесса не имеет самодовлеющего значения. Знать прошлое необходимо для того, чтобы лучше осознать настоящее и предвидеть, в каком направлении пойдёт развитие в будущем. К истории английской философии, становления её категориально-понятийного аппарата это имеет прямое отношение.

Специфика того или иного явления в полной мере проявляется, как правило, на таких ключевых этапах его развития, когда оно достигает мудрой зрелости. Философия в этом плане не составляет исключения. С этой точки зрения этап развития восточной философии (IX-XIII вв.), на котором оказалось возможным осознать и выделить то, что оказалось фундаментально востребованным научным мировоззрением Запада, это и есть этапная её зрелость, когда можно уверенно судить не только о её уникальной специфике, но и её не менее уникальной ценности. Относительно именно таких этапов, ключевых по своему характеру, можно и должно говорить, что проблема истолкования философии как отражения бытия и представляется по-настоящему глубокой историко-философской проблемой.

Взгляд на историю английской философии в ее органической связи с этапами ее становления, аспектами взаимосвязи и взаимообусловленности через призму преемственности традиций Центрально-азиатской и Западной

философии является актуальным и открывает новые исследовательские аспекты развития философской мысли и формирования теории философии Востока и Запада в условиях глобализации. Недостаточная изученность в отечественной и зарубежной философии генезиса ее понятийно-категориальной системы, в данном случае английской философии Возрождения в становлении современной мировой философии, обусловили необходимость разработки данной темы. Исходным объектом изучения является становление философии, которое одновременно означает становление ее понятийного аппарата.

Исследование данного комплекса проблем на стыке наук, интересно тем, что предполагает специальный методологический анализ условий интеграции междисциплинарного знания с позиций научной теории познания, а анализ отношений между языком и сознанием, реализованный в контексте социально-организованной деятельности, в свою очередь, может способствовать созданию предпосылок для дальнейшего исследования проблемы отношения "языкового сознания" и "речевого мышления".

Об истоках истории изученности проблемы

Сравнительный анализ культур Востока и Запада занимает важное место в мировой компаративистике. Значение подобного анализа состоит, в частности, в широкой исторической перспективе, которую он открывает, стимулируя обобщения всемирно-исторического характера.

В последнее время исследователи уделяют серьезное внимание сравнительному анализу этого культурного аспекта прогрессирующего движения мировой цивилизации, особенно в сфере истории философии, литературоведения и лингвистики. И прежде всего в этой области знания у нас в стране и зарубежом были обобщены некоторые важные принципы сравнительного изучения объектов культурно-исторического процесса, т.е. имеется в виду дифференциация различных видов сравнительного исследования в зависимости от того, каков источник общности сравниваемых

объектов – обусловлена ли эта общность единством происхождения, разными взаимовлияниями или же наличием некоторых общих закономерностей функционирования и развития объектов.¹

Несмотря на значительный прогресс в разработке методологических проблем сравнительного изучения истории философии за последние годы, остаются все ещё нерешенными некоторые из них, имеющие фундаментальное значение. К их числу прежде всего относится проблема эквивалентной компаративности объектов при сравнительном изучении культур Востока и Запада. Ждет своего серьезного исследователя и проблема рецепции средневековой Западной Европой философского наследия восточных перипатетиков².

В последние годы во всем мире культура и философская мысль Центральной Азии – древней земли узбекской – привлекает все большее внимание как специалистов-ученых, так и самых широких читательских кругов. Интерес этот не случаен, так как нити, связывающие современную культуру со средневековой не только не ослабевают, но все более укрепляются и расширяются. Меняющийся в исторической перспективе образ средневековых мыслителей вызывает живой интерес у человека XXI века выявившимися в них ещё в те времена общечеловеческими культурными ценностями.

Современная гуманитарная наука значительно преуспела в изучении наследия прошлого. Разработаны новые методы анализа археологических

¹ Культурное наследие Востока// Теоретические проблемы истории культуры Востока.-Л.,1985; Абдурашидов М. Методологическое значение применения конкретности для изучения истории культуры (На материалах Средней Азии): Дис. ... канд. филос. наук. – Т., 1989; Дадабаев А.П. Ибн ал-Кифти «Тарихал-хукамо» как источник культуры Ближнего и Среднего Востока: Дис. ... канд. филос. наук. – Т., 1989; Маданиятимизнинг безавол дурдоналари. Британия кутубхоналаридаги буюк алломаларимизга оид манбалар. - Лондон, 2002; Келлер Г.С. Проблема взаимодействия Востока и Запада в историософии евразийства: Дис...канд. филос. наук. - Мурманск, 2003; Старцев М. Е. Деконструкция как способ философствования: историко-философский анализ: Дис...канд. филос. Наук. – Саратов, 2005; Фалсафа асослари (Тузувчи ва маъсул мухаррир Қ.Назаров). – Т.: Ўзбекистон, 2005.

² Аликулов Х. Этические воззрения мыслителей Средней Азии и Хорасана.- Т.: Фан, 1992; Мусинов Ф. Якин ва Ўрта Шарқ фалсафасида ақл хакидаги таълимотлар тарихидан (IX-XII асрлар): Фалсафа фанлари номзоди...дисс. – Т., 1999; Файзихужаева Д. IX-XI асрларда Марказий Осиё мутафаккирларининг мантика оид карашларида исботлаш муаммолари: Фалсафа фанлари номзоди...дисс. – Т., 1999; Муравьева М.Е. Трансформация гуманистических идеалов свободы и социальной справедливости в истории философских мысли: Дис...канд. филос. наук. – Смоленск, 2005.

находок, усовершенствованы способы хронологизации древних источников, введены в научный оборот многочисленные, вновь открытые арабо-персоязычные тексты, существенно уточняющие представление о материальной и духовной культуре средневекового Востока, колыбелью которого, вне сомнения, можно считать Центральную Азию.

В результате многие традиционные и, на первый взгляд, хорошо изученные проблемы средневековой культуры предстают перед нами новыми своими гранями, которые были закрыты для специалистов ещё совсем недавно – в годы тоталитаризма. Даже такие классики как Гомер, Платон, Аристотель продолжают давать богатый материал для современной науки, а что говорить о громадной средневековой эпохе, особенно IX-XIII вв., где каждое имя открывает перед учеными широкие горизонты для исследования!

Изучение философии развитых стран современности открывает новые исследовательские горизонты и возможности обогащения лексикона современной узбекской философии.

Обзор и анализ имеющихся публикаций последних лет свидетельствуют о том, что в настоящее время особую актуальность приобретает исследование системы категорий философии.¹ Интенсивный рост научных знаний, новейшие материалы и методы науки требуют уточнения, обогащения, конкретизации содержания ряда традиционных категорий философии, выделение в качестве категорий понятий, которым до настоящего времени не придавалось этого значения, обуславливают необходимость развития, а в какой-то мере и пересмотра существующих теоретических положений о взаимосвязи категорий.

Решение этой задачи должно быть основано на тщательном исследовании каждой категории в отдельности и в ее взаимосвязи со всеми

¹ Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Межд. конференция. Москва, 15 мая 2001 г.; XXI Мировой Философский Конгресс «Философия лицом к мировым проблемам». Резюме. Стамбул, 10-17 августа 2003 г.; Марказий Осиё: цивилизация тараккиёт йуллари. Халкаро илмий анжуман. - Тошкент, 2-3 июль 2003; Файзуллаев О. Фалсафа ва фанлар методологияси. –Т.: Фалсафа ва ҳуқуқ, 2006; International Journal of Central Asian Studies Vol.8.- Seoul – Tashkent, 2003.

другими категориями, определения ее места в общей системе категорий диалектики, поскольку категории – наиболее общие понятия, отражающие предельно широкие характеристики мира¹, а их взаимосвязь – есть важнейшая черта; более того, их содержание является текучим, переливающимся друг в друга, так как категории обладают таким свойством, что «объяснения одного предполагают обращение к другому, ко всему категориальному ряду, т.е. ко всей системе философских категорий»².

Особенности становления и развития английской философии Возрождения (XIV-XVII вв.) в аспекте категориально-понятийном представляется актуальным в силу того, что Европейская классическая философия Нового времени нашла свое достаточно фундаментальное воплощение именно в истории английской философии, когда поворот в трактовке истории философии как науки намечается в начале XVII в. и связан именно с именем Френсиса Бэкона³ и изучение, и уточнение особенностей развития и дальнейшего совершенствования ее как системы может, несомненно, дать много полезного и для изучения богатейшего наследия узбекской философии.

В тех немногих работах, которые касаются проблемы развития категорий, метод исторического исследования сводится в основном к анализу философских и научных теорий. Фундаментальных работ, посвященных историко-языковому анализу проблем становления и развития, взаимосвязи категорий и понятий, их оформляющих, в отечественной, да и в зарубежной, науке пока нет. Исследований историко-генетических связей различных категорий английской философии при решении сложной проблемы разработки системы философских категорий при определении исходного

¹ Лазарев Ф.В., Трифонов М.К. Философия. – Симферополь, 1999. – С.10; Саифназаров И. и др. Философия: (Курс лекций). – Т.: Шарк, 2002. – С.16; Жаҳон фалсафаси тарихидан лавҳалар. (Тажрибавий матн). – Т.: Файласуф. миллий жамияти нашри, 2004; Фалсафа асослари. / Тузувчи ва маъсул муҳаррир - К.Назаров/ - Т.: Узбекистон. 2005; World Book Encyclopedia. – Chicago, 1995, v. 15. – p. 383-385.

² Стрижко В.А. Краткое слово о философии для лидера. – Харьков: Экограф, 2002. – С. 68.

³ Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. – М.: Наука. 1983. С.163.

начала в ее формировании, также насчитываются буквально единицы¹. Таким образом, категориально-понятийный аспект становления и развития английской философии разработан еще явно недостаточно, за рамками исследования остаются до сих пор основания возникновения понятий, категорий и та эволюция, которую эти понятия претерпели, прежде чем они превратились в категории философии².

Современная англистика не располагает системным описанием общей истории английской терминологии философского характера на широком фоне социально-исторического порядка, с одной стороны, и развития английского литературного языка с разнообразием его общественных функций - с другой. Проблема выделения английской философской лексики представляет собой значительную трудность, поскольку до сих пор сама методика исследования лексики определенного регистра еще в достаточной степени не разработана. В этом плане данная диссертационная работа является своеобразным синтезом существующей методики анализа и интерпретации терминологической лексики в плане диахронии и в определенной степени продолжением разработки принципов и путей анализа историко-философского материала на примере конкретно взятого языка и исторического среза.

¹ Дадабаев А.П. Ибн ал-Кифти «Тарихал-хукамо» как источник культуры Ближнего и Среднего Востока: Дис. ... канд. филос. наук. – Т., 1989; Чулиев П. Преемственность и ее роль в развитии культурных традиций: Дис. ... канд. филос. наук. – Т., 1989; Имомходжаева А. Ибн Сина и Аристотель: Развитие логических идей: Дис. ... канд. филос. наук. – Т., 1990; Жакбаров М. Комил инсон ғояси: тарихий-фалсафий тахлил. - Т.: Абу Али Ибн Сино, 2000; Кравец А. Типологическая структура смысла.// XXI Мировой филос. Конгресс: Резюме. – Стамбул, Турция, 2003. – С.208; Малкина С.М. Стратегии деконструктивистской герменевтики в Западно-европейской философии XX в: Дис...канд. филос. наук. –Саратов, 2004; Agashkova E.B. The Essence of the Notion 'System' for System Thinking.// XXI World Congress of Philosophy. Abstracts. – Istanbul, Turkey, 2003. – P.5; Hoerz H. Der Dialektische Determinismus in Natur und Gesellschaft. Berlin, 1986; Klowski J. Der Historische Ursprung des Kausalprinzips. – Archiv fur Gesschichte der Philosophie, 1986, Bd. 48.; Korch H. Das Problem der Kausalitat. Berlin, 1965; Westerkhoff J. The ander determination of Typing.// XXI World Congress of Philosophy. Abstracts. – Istanbul, Turkey, 2003. – P. 423.

² Малкина С. М. Стратегии деконструктивистской герменевтики в западно-европейской философии XX в.: дис. ... канд. филос. наук. –Саратов, 2004; Маслиева О.В. Становление категории причинности.- Л.: Наука, 1980; Шадманов К. Язык – идеология- семантика.- Т.: Фан, 1992; Он же. Особенности английской философской мысли и лексики XIV-XVII веков. – Т.: ТФИ, 2003; Жумабоев. Ю. Ўзбекистонда фалсафий ва ахлокий фикрлар таракқиёти тарихидан. - Т.: Ўқитувчи, 1997; Насыров Р. Тасаввуф таълимоти, унинг мохияти ва ахамияти. –Т.: Фан. 1996; Неъматов Б. Форобий ва ижтимоий-сиёсий таълимотлар ривожиди ворислик.: Фалсафа фанлари номзоди...дисс. – Т., 1998.

Исследование глубинных основ образования категорий английской философии представляет чрезвычайный интерес для изучения их содержания, а также для всестороннего анализа их логической, методологической и эвристической функций по отношению к понятиям и законам частных наук. Изучение оснований и истории развития значения этих фундаментальных понятий английской философии позволяет вскрыть новые смысловые нюансы и аспекты категорий, выявить определенные закономерности функционирования, тенденции и законы развития философских понятий. Обнаружение этих закономерностей открывает возможности для своевременного приведения философских понятий в соответствие с развивающимся знанием и структурой научного мышления, а также для определения тенденций их дальнейшего развития.

На определенном этапе своего становления категории мышления как наиболее общие понятия получали свое закрепление в лексике и грамматической структуре языка; поэтому история языка может служить вспомогательным средством для исследования процесса развития английских философских категорий, начиная с того периода их существования, когда они фиксируются в языке. Этимология соответствующих слов абстрактно-философского порядка дает известную возможность вскрыть глубинное содержание философских категорий, а эволюция значений этих слов в естественном языке и данные исторического изменения грамматических конструкций позволяют до некоторой степени наблюдать развитие содержания выражаемых ими понятий. Данные же по становлению философской терминологии, относящейся к той или иной категории, позволяют проследить процесс формирования конкретно взятой категории уже внутри философских систем. Особого внимания заслуживают, с этой точки зрения, понятия этики в контексте коренного преобразования ею философии позднего Возрождения. Обращаясь к исследованию истории мировой этической мысли в категориально-понятийном аспекте, необходимо

учитывать то обстоятельство, что до сих пор сравнительно более изученной является у нас этика Запада, хотя этимолого-генетические корни ее до сих пор не нашли своего достойного освещения в научной литературе.

В отечественной и зарубежной литературе изучению этического наследия прошлого уделяется большое внимание. Довольно обстоятельно проанализированы основные этапы развития этической мысли: античность, Ренессанс, классицизм, Просвещение. В этом отношении представляют большой интерес исследования В.Ф. Асмуса, А.С. Богомолова, А.Ф. Лосева, М.Ф. Овсянникова, Т.И. Ойзермана, В.К. Чалояна, Н. Рахматуллаева, Ф. Сироджева и других ученых¹. Осуществлена большая работа по изучению истории эстетико-этической мысли Востока и Центральной Азии, в особенности этики выдающихся ученых-энциклопедистов Мухаммеда ал-Хорезми, Абу Аббоса ал-Фергани, Абу Наср Мухамеда ал-Фараби, Абу Рейхана Беруни, Абдуллы Джаффара Рудаки, Абулкасима Фирдавси, Абу Али ибн Сины, Хафиза Шерози, Шайха Саъди, Джалолиддина Руми, Мирзо Улугбека, Бахауддина Накшбанд, Абдурахмана Джами и Алишера Навои.² Изданы и прокомментированы важнейшие памятники мировой этической мысли. Таким образом подготавливаются предпосылки для создания обобщающего труда по истории мировой и Восточной этической мысли.

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: Высш. школа, 1986; Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. – М.: Наука, 1983; Долина В.Г. Проблема обоснования морали в философии (Концепции британских моралистов XVIII века А.Шефтсбери, Ф.Хатчесон, Д.Юм): Дис...канд. филос. наук. – Калининград, 2003; Овсянников М.Ф. История эстетической мысли. – М.: Наука, 1984; Овсянников М.Ф. Эстетика в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Наука, 1988; Ойзерман Т.И. философия, наука, идеология. – М.: Наука, 1977; Чалоян В.К. Восток - Запад: Преемственность в философии античного и средневекового об-ва. – М.: Наука, 1979; Рахматуллаев Н. Философские взгляды Ибн Сино в книге «Указания и наставления». – Душанбе: Дониш, 1980; Сирочев Ф. Масъалаҳои фалсафаи ҳаёти дар китоби «Начот» и - Ибни Сино. - Душанбе: Дониш, 1980.

² Аликулов Х. Этические воззрения мыслителей Средней Азии и Хорасана. - Т.: Фан, 1992; Болтаев М.Н. Абу Али ибн Сино – Ўрта аср Шарқ буюк мутафаккири, қомусий олими. – Т.: Фан, 1980; Джумабаев Ю. Из истории этической мысли в Средней Азии. – Т.: Фан, 1978; Казибердов А.Л., Муталибов С.А. Абу Наср ал-Фараби. Исследования и переводы. –Т.: Фан, 1986; Комилов Н. Тафаккур карвонлари. –Т.: Маънавият, 1998; Конрад Н.И. Запад и Восток.- М.: Наука, 1972; Крачковский И.Ю. Избр. Соч; –М.-Л., 1956; Муминов И.М. Выдающиеся мыслители Средней Азии. – М., 1963; Он же. Ўрта Осиёда ўрта асрдаги илғор табиий-илмий ва фалсафий фикрлар тарихига оид. В 3-х т. – Т.: Фан, 1972; Насыров Р. Тасаввуф таълимоти, унинг моҳияти ва ахамияти. –Т., 1996; Сулейманова Ф. Восток и Запад. - Т.: А. Кадъри, 2001; Хайруллаев М.М. Уйғониш даври ва Шарқ мутафаккирлари. - Т., 1971; Ханазаров К.Х. Пути и пугы нашей философии./ Правда Востока. -2002. -9 окт.

Особую ценность в этом отношении имеют труды А. Аликулова, М. Болтаева, И. Брагинского, П. Гринцера, А. Джалалова, В. Захидова, Ю. Джумабаева, А.Л. Казибердова, А. Каюмова, Н. Комилова, Н. Конрада, И. Крачковского, И. Муминова, С.А. Муталибова, Р. Насырова, И. Орбели, Ф. Сулеймановой, С. Шермухамедова, М. Хайруллаева, К. Ханазарова, А. Файзуллаева, И. Толстого, Б. Рифтина и других.

Поистине ренессансное развитие терминологии на национальных языках происходит в настоящее время в связи с вхождением Республики Узбекистан в мировое содружество наций. Терминологическая работа в Республике получает невиданный ранее размах с целью разрешения стоящих перед национальной терминологией актуальных задач. Следует при этом особо заметить, что за последние годы в Узбекистане стало уделяться большое внимание исследованиям в области историко-сопоставительного изучения философии языков в различных аспектах: собственно лингвистическом, социолингвистическом, психолого-педагогическом и др.

Определяя стратегию развития независимого общества, Президент И. А. Каримов особо отметил, что в важном деле построения нового общества “мы должны использовать мощный духовный потенциал Востока, философии Ислама, в развитие которой узбекский народ внес неоценимый, всеми признанный вклад”.¹ Заметным явлением в этом направлении стали фундаментальные труды узбекских² учёных-философов Института философии и права имени И.М. Муминова Академии наук Республики Узбекистан Х. Аликулова, К. Назарова, Р. Насырова, А. Файзуллаева, А. Шарипова, а также А. Джалалова, М. Кадырова, С. Шермухамедова, К. Ханазарова и других.

¹ И.А. Каримов. Наша важная цель- независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Доклад на Первой Сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва 22 января 2000 г. // Правда Востока. – 2000. - 23 янв.

² Янги ва энг янги давр Ғарбий Европа фалсафаси. –Т.: Шарк, 2002; Қадимги ва Ўрта аср Ғарбий Европа фалсафаси. –Т.: Шарк, 2003; Жаҳон фалсафаси тарихидан лавҳалар.-Т.: Файласуфлар миллий жамияти нашриёти.-Т.: Шарк, 2004; Фалсафа. Қомусий луғат. (Тузувчи ва маъсул муҳаррир Қ.Назаров). – Т.: Ўзбекистон, 2004; Фалсафа асослари.-Т.: Ўзбекистон, 2005.

Если говорить о Западной традиции изучения проблемы эволюции английской философии Возрождения, то здесь следует, прежде всего, сказать о теоретико-познавательных разработках различной значимости. В них, в целом, предлагается лишь частичное разъяснение отдельных проблем историко-философского знания, культуры и философии в контексте взаимовлияния Востока и Запада, и рассматривающих те или иные аспекты эволюции понятийно-категориального аппарата философии. В частности, вопросы, связанные с аспектами культурных связей Востока и Запада, особенностями мусульманского мировоззрения, раскрыты в работах Габриэли, Густава фон Грюнебаума, Режи Блашэра, Шарля Пелла, Луи Масиньона и др.¹ Значительный интерес представляют исследования, рассматривающие некоторые вопросы механизма понятийно-терминологического оформления философии, но в них отсутствует обобщенная системная концепция методологического анализа историко-философского процесса и знания, в частности. Попытки анализа истории формирования и развития этической мысли предпринимались неоднократно Шаслером, Циммерманом – в Германии, Бозанкетом, Найтом, Гильбертом и Куном, Бертсли – в Англии, Кроче – в Италии, Байе – во Франции². В их трудах можно найти ценные фактические данные и интересные наблюдения, но в силу неправильности их исходных методологических принципов, верной картины о развитии этики мы не получаем. О становлении же категориально-понятийного аппарата этики и вовсе говорить не приходится. Между тем налицо признаки преемственности и в этой ветви философского знания, т.е. этики – науки о морали. Дело в том, что традиционно изучение философии на Востоке начиналось с этики – необходимого знания по культуре общения. Эта линия красной нитью прослеживается и в творчестве Восточных перипатетиков (IX – XIII вв), отражаясь на Ренессанской философской мысли

¹ См.: Арабская средневековая культура и литература. Сборник статей зарубежных ученых. – М.: Наука, 1978.

² Schasler M. Kritische Gesschichte der Asthetik. Berlin, 1872; Basanguer B. A History of Aesthetic. L., 1892; Crose B. Estetica come scienza dell'espressione e come linguistica generale. Bari, 9-ed., 1950; Knight W. The Philosophy of the Beautiful. N.-Y., 1895; Chambers F.P. The History of Taste. N.-Y., 1932; Bayer R. Histoire de l'asthetique. Paris, 1961.

Запада, что особенно заметно на примере развития английской философии этого периода. Френсис Бэкон, пионер разработки «естественной» философии, был и одним из тех, кто положил в Англии начало концепции «естественной» морали, построению этики без помощи религиозных представлений, исходя из рационально понятых посюсторонних жизненных устремлений и аффектов человеческой личности.

Если в средневековой философии Востока проблема человеческого счастья и морали была исходной, а сама идея счастья связывалась со справедливым социальным бытием как, например, у Фараби («Добродетельный град»), Ибн Сина («Справедливый град»), Ибн Рушда («Совершенный град»), то такая же параллель прослеживается и в истории английской философской мысли XIV-XVII веков, к примеру, у Томаса Мора («Утопия»), Френсиса Бэкона («Новая Атлантида», «Опыты и наставления»), Джона Локка («Опыт о человеческом разумении»), Шефтсбери («Эстетические опыты»). Особое место при этом занимают труды морально-дидактического характера, тяготеющие к эпическим полотнам – картинам жизни, социальным эссе, хроникам, романам о воспитании чувств и этике поведения. Идеино – философское осмысление окружающей жизни достигает в этих художественных формах уровня, позволяющего рассматривать их как отражение мировоззрения эпохи и диалектики общественного развития. Труды Томаса Мора («Утопия», «Полемика с Лютером»), Фр. Бэкона («Опыты и наставления»; «Максимы»; «Новый Органон»), Э. Роттердамского («Похвала Глупости»), Бена Джонсона («Древо, или Мысли о людях и делах»), Дж. Путенгема («Искусство английской поэзии»), Т. Элиота («Наставник»), Т. Уилсона («Искусство риторики»), Джона Уилкинза («Очерк о вещественном письме и философском языке»), Ральфа Левера («Искусство Разума»), Дж. Локка («Опыт о человеческом разумении»), будучи органическим единством многоплановых аналитических исследований важнейших сторон

общественной жизни и анализа – «расщепления» чувств и мыслей отдельной человеческой личности, наполнены поистине эпохальным сущностным содержанием. Не случайно во все времена творения такой высоты и уровня были не только «эстетическим предметом, но и философской концепцией бытия и социологическим трактатом, и учебником жизни, максимой морали и поведения»¹. Характерно, что эта литература эпохи носила синкретический, восходящий к античности, характер единого целого с философией, общественными теориями и научным знанием. Примечательным при этом следует признать, что, если на ранних ступенях развития такая литература воспринималась прежде всего как предметная деятельность, то в эпоху позднего Возрождения и в Новое Время стало восприниматься по преимуществу как особый способ познания. Высшие достижения авторов художественной мысли эпохи связаны с этим способом как наиболее близким к научным методам мышления (Кристофер Марло, Уильям Шекспир, Джон Донн, Эдмунд Спенсер, Бен Джонсон, Томас Нэш, Томас Элиот, Джон Чик, Джон Драйден, Ричард Мелкастер и др.).

В настоящее время в некоторых работах, посвященных проблеме становления и развития отдельных категорий, используются данные истории языка.² Но, во-первых, работ такого рода не очень много, во-вторых, в большинстве из них использование материалов истории языка является скорее иллюстрацией, чем сознательно применяемым методом исследования и, наконец, в-третьих, комплексного характера исследований особенностей становления и развития английской философии XIV-XVII вв. в категориально понятийном аспекте с применением истории языка в качестве

¹ Кант И. Соч.: В 6-ти т. – М., 1964. – Т.3. –С. 173, 223.

² Якобсон Г. Цели и методы этимологизации слов, выражающих некоторые абстрактные понятия. // Этимология. -М., 1969; Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. - М.: Наука, 1977; Рузавин Г.И. Научная теория. Логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1978; Маслиева О.В. Становление категории причинности.- Л.: Наука. 1980; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени. - М.: Наука, 1982; Макаров М.Г. Отражение становления категории цели в развитии языка.// Уч. Зап. Тарту. Ун-та, вып. 324 . – Тарту, 1984; Гафаров Х.С. Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера (Становление и развития): Дис...докт. филос. наук. – СПб., 2003; Патрахина Т.Н, Герменевтическая философия Готфрида Шпета: Дис...канд. филос. наук. – Нижневартовск, 2005.

метода развития категорий английской философии, не существует на сегодняшний день ни в отечественной, ни в зарубежной историко-философской науке и языкознании. Хотя следует отметить, что общая постановка проблемы языка и его истории в качестве средства исследования философских понятий, а также подходы к ее решению, имеются уже в работах классиков мировой философии (Платон, Аристотель, Фараби, Ибн Сина, Беруни).

Известно, что в философии Нового времени большую роль языка в теории познания признавали Френсис Бэкон, Джон Локк, Гегель, Л.Фейербах, П.Лафарг¹. В настоящее время отдельные зарубежные философы, также обращают внимание на вопрос о роли истории языка как средства исследования философских понятий и практически используют материал, который она предоставляет для анализа философских понятий и категорий (Б.Рассел, Ф.Кайнц, П. Рикер, М. Синтоннен, К.-О. Апель, Р. Карнап, Л. Витгенштейн, Г.-Г. Гадамер, А. Лоренцер, Ю. Хабермас и др).²

С учетом специфики нашего исследования, особо следует остановиться на представителях философской герменевтики, абсолютизирующих роль языка не только в теоретическом и повседневном мышлении, но и вообще в современной жизни людей и в истории человечества. Известно, что философию давно интересовали проблемы языка, и, прежде всего, с точки зрения выявления философски значимых внутренних закономерностей развития языковых феноменов и раскрытия взаимодействия языка и

¹ Бэкон Френсис. Соч. в 2-х т. Т.1. Новый Органон. - М.: Мысль, 1971. -С. 331-335; Локк Джон. Сочинения в 3-х т.: Т.1-2: Опыт о человеческом разумении. - М.: Мысль, 1985.- С.459-478; Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М.: Мысль, 1974. -С.264-265, 407; Лафарг П. Соч., т.III. -М.-Л., 1931., - С. 47; Фейербах Л. Избр. филос.произведения. М.,1955. -С.463.

² Рассел Б. История западной философии. - Новосибирск, 1999; Kainz F. Philosophische Etymologie und historische Semantik. Wien, 1969; Ricoeur P. The Conflict of Interpretation. Essays in Hermeneutics. Evenston, 1972; Apel K.-O. Intentions, conventions in hermeneutics and analytic philosophy of language// Meaning and understanding. Berlin – N.-Y., 1981. P.79-111; Carnap R. Der Logische Aufbau der Welt. Berlin, 1928; Wittgenstein L.Philosophical Investigation. Oxford, 1958; Gadamer H.-G. Truth and Method. – N.-Y., 1975; Lorenzer A. Wittgensteins Sprachspiele in der Psychoanalyse. – Psyche, Bd 28. – Frankfurt am Main, 1974; Habermas J. Technik und Wissenschaft als “ideologie”. Frankfurt am Main, 1968; Habermas J. Dispute on the past and future of international law. Transition from national to a postnational constellation// XXI World Congress of Philosophy . Abstracts.- Istanbul, Turkey. 2003

познания. Уже Лейбниц обратил внимание на проблемы воздействия истории народов на изменение языка. За последние 20-25 лет центром притяжения всех течений зарубежной философии и социологии стала философская герменевтика - искусство и теория истолкования текстов. В этом смысле герменевтика возникла вместе или вслед за появлением письменности и с тех пор имеет право на существование, ибо проблема правильного или искажающего понимания и толкования письменных источников была всегда и остается в наше время актуальной для каждого грамотного человека.

Наряду с «критическим рационализмом» это течение в лице Г-Г.Гадамера, П.Рикера, К-О.Апеля, Э.Бети, Э.Корета, А.Лоренцера, отчасти Ю.Хабермаса стало особенно популярным. О философской герменевтике начали много говорить и писать не только в Германии, Австрии и Швейцарии, но затем также и во Франции и Италии, Голландии и Дании, Испании и Португалии.

С конца 70-х годов XX века по ведомству герменевтики ее пропагандисты записывают и логических “аналитиков” и “раннего” и “позднего” Л. Витгенштейна, который в конце 40-х - начале 50-х годов XX века стал фактически лидером всего лингвистического позитивизма, и всю феноменологию, и весь экзистенциализм. Впрочем, происхождение основной ветви философской герменевтики от экзистенциализма «позднего» М. Хайдеггера бесспорно.¹

Так утверждается философская герменевтика, возникшая в качестве теории и метода определенного, тенденциозного истолкования тех или иных идей в определенной форме их выражения и тех классических источников, в которых эти идеи изложены. Иными словами, историю философии начали переписывать в ином, чем прежде, ключе – в ключе доминирования герменевтических идей, будто бы имевшего место на всем протяжении

¹ Герменевтика: история и современность. –М.: Мысль, 1985. –С. 5.

многовекового развития теоретической мысли¹. Философствующие герменевтики заменили стремления к истине поисками интерпретаций, т.е. по сути дела на место теории познания поставили конвенционалистскую семантику. Рассуждая о причинах такого «бума» герменевтики и обретения ею значительного влияния, А. Димер, бывший президент Международной федерации философских обществ (1978-1983), связал всё это с возникновением на Западе «герменевтической ситуации», под которой он, прежде всего, имел в виду то, что возник «кризис доверия» ко всем ныне существующим в современном обществе философским учениям, что распространяется разочарование в утверждавшихся прежде ценностях, осознания их девальвации, полного обесценения.² Основатель современной нам философской герменевтики Г.-Г. Гадамер в своём главном сочинении «Истина и метод» (1960) заявлял, что они (т.е. философы Запада – К.Ш.) утратили то наивное неведение, с помощью которого традиционные понятия призваны были поддерживать собственное мышление человека. На смену убеждённости пришли неуверенность во всём, полный скептицизм. Это вовсе не означало, что герменевтика как философское построение всего лишь метод выражения упаднических настроений. Наоборот, герменевтика как теоретически обоснованное и методически выверенное истолкование текстов, разработанная в рамках историко–филологической науки XVIII века, всё более активно вмешивается в теоретическую и идеологическую деятельность самых различных философских и культурных объединений, претендует на универсальность своего положения.

¹ Об истории возникновения и этапов эволюции философской герменевтики: Герменевтика: история и современность. – М., 1985; Малкина С.М. Стратегии деконструктивистской герменевтики в Западно-европейской философии XX в.: Дис...канд. филос. наук. –Саратов, 2004; Gadamer H.G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik. Metakritische Erläuterungen zu "Wahrheit und Methode"-Theorie-Diskussion. Hermeneutik und Ideologiekritik. Frankfurt am M., 1971; Habermas J. Zur Rekonstruktion des historischen Materialismus. Frankfurt am M., 1976; Betti E.D. Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1962; Ricour P. The Conflict of Interpretations. Essays in Hermeneutics. Evanston, 1972; Apel K.O. Sprechaktheorie und transzendente Sprachpragmatik zur Frage ethischer No-Sprachpragmatik und Philosophie. Frankfurt am M., 1976; Lorenzer A. Wittgensteins Sprachspiele in der Psychoanalyse.- Psyche, B1.28. Frankfurt am M., 1974; Komel Dean. Hermeneutics and Historical Question of Philosophy. Istanbul, 2003.

² Diemer A. Elementarkurs der Philosophie. Hermeneutik. Dusseldorf.-Wien, 1977, S.11-20.

Герменевтика, начавшая своё существование как искусство толкования, перевода и интерпретации текста, трансформировалась в интуитивистскую философию понимания. Претензии новейшей герменевтики на то, что её методология позволяет достичь глубокого проникновения в глубины познания, оказались несостоятельными: ущербность её метода – обратная сторона её мировоззренческой шаткости и немощи.¹

Таким образом, несмотря на значительное количество работ, в той или иной степени затрагивающих проблему становления и развития английской философии Возрождения, исследований, связанных с формированием и развитием категориально - понятийного аппарата английской философии, явно недостаточно. Причем исследование данного аспекта во многом находится еще в стадии становления. Поэтому настоящая исследовательская работа представляется весьма правомерной, поскольку:

а/ лексикон английского языка Возрождения резко расширяется, отражая возникновение качественно новых понятий и отношений в связи с историческими особенностями этого периода в развитии Англии и английского языка, что влечет за собой появление новых слов, семантика которых определяется потребностью в слове национального языкового сознания для выражения этого нового понятия;

б/ лингвистическое исследование с этой точки зрения может пролить свет на историю философской мысли. Этимология может показать каков был образ жизни данного народа, когда складывался его язык. И задача исследователя при этом заключается в реконструкции духовной жизни, идеи народа, изучаемой им. Запас слов раскрывает запас идей, а способ метафорического, ассоциативного использования старого слова в новом смысле, когда люди хотели выразить новую идею, говорит о том, каким запасом идей они обладали до того, как эта идея родилась;

¹ Герменевтика: История и современность. - М.: Мысль, 1985. -С. 161.

в/ в то же время следует отметить, что всякая система обладает определенным категориальным аппаратом, уяснение которого необходимо для понимания как самой философской системы, так и той мировоззренческой доктрины, которая лежит в ее основе. Диахронический анализ этой систематики в ее эволюции в рамках значительных научно-культурных традиций предполагает системно-контекстуальное исследование и их ключевых понятий и категорий, а также эксплицирующих их терминов, выявление и объяснение тех трансформаций, которые они претерпевали в ходе своего исторического развития.

С этой точки зрения масштаб, характер изменений смысла понятий в системе английской философии и ее важнейшей ветви - этики изучен весьма слабо; г/ совсем нет работ по изучению внутреннего механизма эволюции философской терминологической системы английского языка. Отсутствие более или менее единого понимания динамики становления и развития английской философии Возрождения требует его теоретического и категориального осмысления.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУКИ ПРОШЛОЙ И
СОВРЕМЕННОЙ: ФОРМЫ НЕАДЕКВАТНОГО
ВОСПРИЯТИЯ ЕЁ СУЩНОСТИ И ГРАНИЦ ПРОБЛЕМНОГО
ПОЛЯ

Методологические принципы истолкования историко-философского
знания

Прежде чем приступить к общей характеристике периода, взаимосвязи философии и языка в эпоху Возрождения, считаем необходимым остановиться на методологических принципах истолкования историко-философского знания, поскольку исследователь-историк философии должен всегда помнить, что качественное своеобразие общественного, исторического бытия требует для адекватного его постижения соответствующих методологических установок, познавательных принципов.

История философии в специальном смысле этого слова стремится воспользоваться мостками, чтобы осуществить мысленный переход в прошлое, где он должен узнать о том, что не перешло в настоящее, к тому же (с точки зрения воссоздания целостного образа этого прошлого) постичь его во всем присущем ему своеобразии. Необходимость решения этой проблемы чрезвычайно усложняет эту задачу понимания и интерпретации прошлого, но эта задача, тем не менее, должна быть решена и отнюдь не ради удовлетворения любопытства. Мы акцентируем внимание на этом потому, что в литературе последних лет можно встретить немало скептических замечаний относительно ценности, актуальности научной истории. Однако, подобно тому, как “теоретическая история” прошлого невозможна без “исторической истории” настоящего, так и научное изучение процессов, совершающихся в наше время, и прогнозирование будущего невозможно без максимально полного познания прошлого.

Чтобы выявить элементы прошлого в настоящем, нужно знать каким было это прошлое. Чтобы отличить их от того что составляет своеобразие сегодняшнего, нужно понять специфику прошлого. Чтобы постичь закон перехода от одного состояния к другому (а без этого нельзя прогнозировать будущее развитие), необходимо знать прошлое, уметь сопоставить его с настоящим, и на основе этого выявить возможное будущее, помня , при этом, что историчность истины проявляется в том, что она отражает не поверхностный слой действительного бытия , а всю диалектическую многоплановость объективной реальности в единстве её действительностной и возможностной сторон.

Изучение истории философии показывает, что чем дальше мы отходим от эпохи жизни и деятельности того или иного мыслителя-философа, тем многочисленней и многосторонней становится толкование его учения, его философской системы, его взглядов и установок. Это, видимо, не только неизбежно, но и естественно, так как, основывая свои взгляды, вместе с тем, он в них отражал всеобщие законы бытия. Он не мог отрицать его в объективистской или субъективистской форме.

Истолкование историко-философского знания - весьма обширная сфера науки. Поэтому мы здесь попытаемся дать как бы краткий обзор ее основных граней и аспектов. При этом мы рассчитываем на то, что данный обзор поможет нам глубже и шире представить вопрос о том, какой длительный и сложный путь преобразований проходила английская философия Возрождения.

В современных условиях правильный выбор методологической основы определяет не только методологическую сущность исследования, но и ее перспективность и результаты. Поистине странную, на первый взгляд, картину представляет история осмысления философских учений прошлого. Мыслитель, его воззрения в сознании восприемников как бы множатся, представляясь в различных, подчас диаметрально противоположных образах.

Амплитуда истолкования одного и того же учения зачастую так велика, что возникает сомнение вообще в возможности пробиться сквозь их толщу к адекватному пониманию существа историко-философского феномена.¹

К примеру, Б.Спиноза (Бенедикт) (1632-1677). Его от нас отделяют несколько столетий и о сущности его воззрений мы имеем возможность судить на основании его подлинных произведений. Спинозизм в истории философии рассматривался как рационализм и иррационализм, пантеизм и теизм, натурализм и акосмизм, монизм и плюрализм, фатализм и волюнтаризм. Если в XVII- первой половине XVIII века Спиноза почти единодушно признавался "атеистическим Евклидом", то с конца XVIII века в представлении немецких романтиков он - это "богопьяный человек" (Новалис), преисполненный "религии и святого духа" (Шлейермахер).

Эту тенденцию в XIX веке продолжают Э.Ренан, В.Соловьев.² Типична она и для многих современных интерпретаторов учения великого голландского мыслителя, который при жизни подвергался как злостный безбожник преследованиям и гонениям со стороны ревнителей иудаизма и который сегодня провозглашается современными сионистскими идеологами "наиболее еврейским среди всех мыслителей", "выразителем национального мировоззрения на религиозно-моральной почве".³

Такое "разнообразие познаний", где позиция историка философии зачастую заслоняет собой объективный образ истории философии, характерно не только при оценке отдельных мыслителей, но и целых этапов развития философской мысли. Взгляд на всю предшествующую историю философии как на собрание ложных мнений и заблуждений, свойственный некоторым ранним представителям философии Нового Времени, толкование итальянскими ренессансными мыслителями философии средневековья как эры темноты и упадка, являлись, по меткому выражению Н.И.Конрада, "в

¹ Трактровка этого термина дается Аристотелем в его произведении "Об истолковании".

² Соколов В.В. Спиноза. – М.: Мысль, 1973. -С. 192-216.

³ Groen J.J.Spinosa: Philosopher and Prophet. – In: Spinoza on Knowing, Being and Freedom. Assen, 1974. P.78.

сущности представлением о желаемом настоящем и будущем, проецированием в прошлое идеалов, обращенных к современности... Поэтому при установлении поступательного хода истории с подобного рода оценками считаться следует, но, главным образом, для того, чтобы представить себе более конкретно то, что общество данной эпохи желало или не желало для себя, что оно считало прогрессивным"¹.

Проблема историко-философского истолкования оказывается одной из "горячих" точек, вокруг которых разворачивается острая борьба в современном мире. Основным является уяснение места, занимаемого философом в борьбе мнений и толкований, хотя отношение философского учения к религии, несомненно, составляет один из существенных параметров при оценке позиции мыслителя прошлого. Однако в ответе и на этот, по существу, исходный в историко-философском исследовании, вопрос, подчас, тоже трудно обнаружить полное единство мнений. Историк языка философии не является свидетелем процесса интеллектуального творчества, который он стремится объяснить. История - наука о прошлом, и она не позволяет исследователю наблюдать объект в его непосредственной данности. Исследователь имеет дело лишь с "отпечатками", представляющими более или менее точный "оттиск" результатов философского творчества. К этому следует добавить факторы, обусловленные своеобразием отношения историка языка философии (т.е. исследователя языка философии) к изучаемой им истории. Ведь обращаясь к материалам прошлого, мы видим в них не объект музейного любопытства; прошлое нас всегда интересует с позиции проблем, актуальных в нашем "сегодня". Отмечая эту особенность, обуславливающую специфическую судьбу произведения в его реальном функционировании в истории, Гегель в свое время писал: "Произведение есть, это значит, оно есть для других индивидуальностей, и для них она есть чуждая действительность, вместо которой они должны выявить свою действительность, чтобы своим

¹ Конрад Н.И. Запад и Восток. – М.: Наука, 1972. -С.479.

действием сообщить себе сознание своего единства с действительностью; их интерес к названному произведению, выявленный их первоначальной натурой, иной, нежели специфический интерес этого произведения, которое таким образом сделалось чем-то другим. Произведение, следовательно, вообще есть нечто преходящее, что угасает благодаря противодействию других сил и интересов и воспроизводит реальность индивидуальности скорее исчезающей, чем завершенной"¹.

Разрешить это замеченное Гегелем диалектическое противоречие между индивидуальным замыслом произведения и его общим социальным смыслом - одна из сложнейших задач историко-философского исследования. Если при этом учесть мировоззренческую сущность философии, обусловленный ее спецификой, глубоко интимный характер связи философии со своей историей, то станет ясно, насколько задача адекватного историко-философского истолкования сложна даже в сравнении с историческим истолкованием вообще.

Не может быть «беспредпосылочного», «незаинтересованного» отношения к истории. «Историк, - пишет известный французский историк науки Александр Койре, - проектирует в истории интересы и шкалу ценностей своего времени, и только в соответствии с идеями своего времени – и своими собственными идеями – он производит свою реконструкцию. Именно поэтому история каждый раз обновляется, и ничто не меняется более быстро, чем неподвижное прошлое”².

Но как в этом потоке обновлений выявить адекватное изображение прошлого, отделив его от искажений? Как соотносить многозначность истолкования и закономерность историко-философского процесса? Возможно ли вообще объективное, адекватное историко-философское истолкование? Если да, то почему все же и после него возникают новые

¹ Гегель. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. - М.: Соцэкгиз, 1959. - С. 216.

² (Цит. по кн.: Черняк В.С. Генезис классической науки (По поводу исторической концепции А.Койре)// Вопросы философии. -1976.- № 10. -С.42.).

истолкования? Если нет, то какой тогда смысл имеет вообще любое истолкование? Исключают ли различные истолкования друг друга или же они дополняют друг друга? Если дополняют то как это происходит – простым суммированием, интегрированием или каким-либо иным способом? К этому сводится сущность вопросов, выдвигающих сегодня проблемы понимания в центр методологических поисков историко-философской науки¹. В современной зарубежной философии это нашло отражение в развернувшейся в 70-ые годы XX столетия широкой дискуссии о герменевтике², - традиции смыслового анализа текстов, восходящей к античной риторике, раннехристианской экзегетике, концептуально сформировавшейся в раннем движении Реформации с его установкой на необходимость буквального прочтения священного писания в интерпретации, отличной от догматической, а также в эстетике романтизма с его установкой на адекватное понимание автора и мира его переживаний. Обобщением герменевтики как самостоятельной традиции философского анализа занимались В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, П. Рикёр, Г. Миш, М. Вах, П. Сцонди, Е.Д. Хирш, Гуссерль и др.

Если основы герменевтики как общей теории интерпретации были заложены Ф. Шлейермахером, то Дильтей развивал герменевтику как методологическую основу гуманитарного знания. Эта его линия была продолжена Г. Мишем, М. Вахом, Ротханером и другими. П. Сцонди является представителем “литературной герменевтики”. Следует указать, что многие представители герменевтики как метода интерпретации текстов (Бетти, Е.Д. Хирш и др.) решительно протестуют против попытки превращения герменевтики в философию. Необходимо поэтому отличать

¹ Интерпретация как историко-научная и методическая проблема. - Новосибирск, 1986; Современная Западная философия: Словарь. -М.: Политиздат, 1991. -С. 74-76.

² Герменевтика-1) теория и практика истолкования текстов;2) течение в совр. философии. Герменевтика как теоретически обоснованное и методически выверенное истолкование текстов разработана в рамках историко-филологической науки XVIIIв. (Г.Ф. Майер, Х.Вольф, А.Бек, Ф.Аст и др.), основы которой как общей теории интерпретации заложены были Ф. Шлейермахером.

философскую герменевтику от традиционной. Проект герменевтики как онтологии развит в работах Хабермаса, Апеля, Рикёра. К.-О. Апель ставит герменевтику на службу философского синтеза, долженствующего слить воедино “философию анализа” с “философией существования”. В направлении ограничения притязаний философской герменевтикой на универсальность разрабатывает эту проблематику Ю. Хабермас. В 70-х годах XX в. появилась новая разновидность герменевтики как философской дисциплины: теперь речь пошла уже об оправдании неизбежной и неизменной связи духа, жизни, сознания с обыденным языком¹. По определению Х.-Г. Гадамера, задача философской герменевтики состоит в том, чтобы “раскрыть герменевтическое измерение в его полном объёме и основополагающем значении для всего нашего миропонимания, во всех его проявлениях, от межчеловеческой коммуникации до общественной манипуляции, от опыта отдельного человека как в этом обществе, так и с этим обществом, от построенной из религии и права, искусства и философии традиции и до эмансипаторной энергии рефлексии революционного сознания”².

Таким образом, реальная проблематика, стоящая за герменевтической теорией интерпретации, не исчерпывается анализом понимания текстов; она затрагивает более глубокие и обширные пласты познания – его историко-культурную, языковую, личностную и проблемную обусловленность, феноменологию экспериментальной деятельности. При таком подходе подчеркивается активность человека в научном познании, историческая определенность этого познания. Однако преимущественное внимание уделяется, с одной стороны, личностным, феноменологическим аспектам

¹ Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985. – С. 29; Пазолини Б. Соотношение эпистемологии и герменевтики в неопрагматизме Р.Порти: Дис...канд. филос. наук. –Новосибирск, 2005. – С.8-15.

² Gadamer H.-G. Rhetorik, Hermeneutik und Ideologiekritik. Metakritische Erläuterungen zu «Wahrheit und Methode»- Theorie –Diskussion. Frankfurt am Main, 1971. S.57.

понимания, с другой стороны, историческая обусловленность знания сводится к языковым детерминациям.

Возникает вопрос: почему именно сегодня проблемы историко-философского истолкования выдвигаются на первый план? Ведь сама по себе сущность понимания учений прошлого, обусловленная этим многозначность историко-философских интерпретаций осознавалась давно. Во всяком случае, античными скептиками она уже была выявлена достаточно остро. Не раз отмечали ее и в последующие времена. Акцент же именно на методологических проблемах историко-философского истолкования обусловлен чрезвычайной актуальностью разработки проблемы понимания как таковой¹, которое, на наш взгляд, является одной из важнейших сторон человеческого освоения мира, характеризующее качество и степень этого освоения. В этом смысле историко-философское понимание оказывается спецификацией более широкой проблемы, выдвигаемой на первый план логикой современного исторического развития.

Попытаемся, прежде всего, выявить случаи, в которых употребляется в современном языке "понимание". Понимание как процесс и результат осмысления выступает в настоящее время как словесная, многогранная и комплексная философская проблема, привлекающая пристальное внимание исследователей². Понимание необходимо для прогресса научного знания, но прогресс - это не столько рост объема знаний, сколько их качественная трансформация и углубление. Новое углубленное понимание явлений и процессов делает знание доступным для всего научного сообщества и общества в целом, а проблема понимания занимает центральное место в теории коммуникации и имеет прагматический, семантический и семиотический аспекты. Решение проблемы понимания во многом, видимо,

¹ См., напр., С.С.Гусев, Г.Л.Тульчинский. Проблема понимания в философии. -М.: Политиздат, 1985.; Чубукова Е.И. Язык и коммуникация (Проблема метода исследования в современной Западной философии): Дис... докт. филос. наук. -СПб., 2004.; XXI st World Congress of Philosophy. Philosophy Facing World Problems. Abstracts. - Istanbul, Turkey, 2003.

² Понимание как логико-гносеологическая проблема. -Киев, 1982; Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. -Новосибирск, 1985.

зависит от разработки общей теории метафоры. Изменение и развитие понятий является одним из главных объектов изучения в теории понимания и рассмотрение зависимости этих двух концептов - значения и понятия - будет способствовать решению ряда задач, связанных с углублением теории понимания.

Американский исследователь Ирвин Дж. Ли указывает 7 основных значений этого термина: 1. понимание означает умение следовать заданному или избранному направлению: X познакомился с железнодорожным расписанием. Он понял его, если после знакомства сумел правильно выбрать нужный ему поезд; 2. понимание есть способность прогнозировать: Y высказал некоторое намерение, а X предположил те действия, которые последуют вслед за этим. Если действия Y по реализации своего намерения совпадают с предположением, высказанным X, то значит X понимает Y; 3. понимание означает способность дать словесный эквивалент: если X передал своими словами, то, что высказал Y, а Y подтвердил верность изложения, то значит X понял Y; 4. понимание характеризует согласование программ деятельности: X понимает Y, если они достигают согласия, как нужно действовать в конкретной ситуации; 5. понимание означает способность решить проблему: X понимает проблему, если он может описать последовательность действий, приводящих к их решению; 6. понимание выражается в соотносимости высказываний о предмете сообщения, оно означает способность осуществить приемлемую реакцию: X и Y могут быть различного мнения относительно определенного предмета, они могут спорить по поводу его. Но обязательной предпосылкой спора должно быть единство языка, к которому прибегают участники дискуссии. Как бы различны ни были защищаемые ими позиции, они должны хорошо понимать друг друга. Иначе спора не получится; 7. понимание означает реализованную способность правильно провести рассуждение, способность прилагать к изменившимся явлениям действительности уже

имеющиеся знания о ситуациях или объектах.¹ "Понимание, - писал В.Гейзенберг, - означает адаптацию нашего концептуального мышления к совокупности новых явлений"².

Несмотря на разнообразие приведенных в классификации случаев употребления термина «понимание», в них можно выделить некоторые общие характеристики, позволяющие уяснить сущность его. Прежде всего, понимание, будучи чрезвычайно близким к знанию, тем не менее отличается от него. Если знание характеризует определенное отношение к объекту, то понимание - к знанию о нем. Понимание в этом смысле выступает как результат знания о знании. Оно характеризует способность выявлять содержательный план в тексте, являющемся материализацией определенного знания. Понимание связано с процедурой раскрытия реального смысла текста. Характеризуя субъект-субъектное отношение, понимание обладает диалогическим характером; оно предполагает взаимодействие, при котором активным компонентом выступает не только автор высказывания, но и его восприимчивый, стремящийся к пониманию мысли, заключенной в высказывании. Посредством слова мысль не только передается, но и пробуждает в восприимчивом собственную мысль. Их совпадение и есть тот результат отношения, которое характеризуется термином "понимание".

По меткому замечанию А.А.Потебни пламя свечи, от которого зажигаются другие свечи не дробится, поскольку в каждой свече воспламеняются свои газы; так при понимании мысль говорящего не передается следующему, но последний, понимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место, сходное с местом говорящего. Тем самым, понимание выступает результатом и существенной предпосылкой межчеловеческого общения как важнейшей характеристики человеческого бытия, человеческой деятельности. Это позволяет выявить

¹ Lee J.J. Why Go Astroy. – In: Language, Meaning and Maturity. Selection from ETC (A Review of General Semantics). 1943-1953 (Ed. by Hayakawa).N.-Y., 1972. P. 42-49.

² Гейзенберг В. Что такое «понимание» в теоретической физике? // Природа. – 1981.- №4. - С. 77.

отношение проблемы понимания к ключевым вопросам человеческой истории. "В конечном итоге, - справедливо отмечает В.П.Иванов, - всю историю общества правомерно рассматривать как процесс общения, протекающий одновременно на синхронном и диахронном уровнях, т.е. в виде непосредственной коммуникации и взаимопонимания и в форме отношения живущих к общему для них наследию предков..."¹. Последнее определяет роль и значение исторического (в том числе и историко-философского) понимания. Посредством него осуществляется приобщение к культурному наследию прошлого. Понимая историю, минувшее, человек неизбежно должен осуществить выход за пределы того, что непосредственно дано в нем. Таким образом, обращение к прошлому служит своеобразной рекогносцировкой способности выйти за пределы, за рамки собственного, непосредственно данному нашему "Я". А эта способность чрезвычайно важна для успешной творческой деятельности в настоящем. Она выступает существенным фактором, обеспечивающим устремленность творческой деятельности в будущее. Смысл человеческой деятельности - в созидании, но "создать" означает "сделать, чтобы дать", дать иному сотворенное тобой. Умение видеть и осознавать это "иное", во имя чего, собственно, и осуществляется жизнь человеческая, существенным образом развивает способность понимания.

Сказанное объясняет важность процедур истолкования, которые обеспечивают понимание. Сущность человека, его деятельности не предстает в непосредственной данности: она опосредована материальными воплощениями, которые выражают сущность их творцов. Постигание этой сущности сопряжено с необходимостью перехода от "плана выражения" к "плану содержания", "дешифровки" значения, закодированного в знаке. А это возможно при условии овладения "кодом", соответствующей системой правил, согласно которым значение «шифруется» в знаке.

¹ Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание- искусство.- Киев: Наукова думка, 1987. -С 153.

Углубляющиеся формализация и математизация естественно-научного знания, широкое применение аксиоматического и гипотетико-дедуктивного методов делают весьма актуальной проблему истолкования как данных наблюдения, так и средств их описания – проблему, явно не фигурировавшую в науке Нового времени, когда наблюдения рассматривались как самодостаточное и самоочевидное.¹ Совокупность процедур, связанных с пониманием текста, будем называть истолкованием. Нас, прежде всего, будут интересовать теоретико-познавательное содержание и методологический статус истолкования как "понимающей" процедуры, связанной с выявлением и толкованием смысловых структур. Термин "истолкование" мы употребляем в широком смысле этого слова, трактуя его как способ понимания текста. В этом смысле истолкование включает в себя ряд процедур, основными среди которых являются интерпретация, описание и объяснение. Исследование сущности, видов и функций интерпретации неизбежно предполагает обсуждение комплекса теоретических и методологических вопросов. Так, помимо экспликации смысла термина "интерпретация" необходимо выявить познавательные функции, выполняемые интерпретацией в разных сферах интеллектуальной деятельности, основания классификации ее видов, факторы, влияющие на ее реализацию.

Проблема интерпретации относится к той сфере знаковой проблематики, исследование которой требует прямого обращения к философии, так как интерпретацию нельзя считать абсолютно произвольным процессом, вызванным спонтанным желанием или намерением субъекта свободного от каких-либо ограничений. И первый ограничивающий произвол субъекта фактор, который оказывает свое воздействие на характер интерпретации, это семиотическая определенность интерпретируемого явления. Термин

¹ Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема (Новосибирск, 1985), где внимание концентрируется в основном на роли интерпретации в методологии естественных наук, в силу наметившейся в ней - в последнее время - экспансии герменевтического подхода.

"интерпретация" часто употребляют в значении, аналогичном истолкованию. Рассматривая процедуру интерпретации как одну из составных частей истолкования, мы имеем в виду узкое ее понимание. В этом смысле она означает процедуру установления значения терминов и высказываний теоретической системы, отраженной в тексте.¹

Понятия смысла и интерпретации принципиально соотносимы и взаимодополняемы: в них выражается основное содержание сложной и комплексной проблемы понимания человеком действительности. Особого внимания связи заслуживает рассмотрение одних из центральных понятий проблемы понимания, как смысл и интерпретация, роль и значение которых прослеживается, к примеру, в различении двух основных традиций в философии, связанных с проблемой понимания:² 1."аналитическая традиция", развиваемая главным образом в рамках англоязычной философии языка, ориентированной на логический и семантический анализ естественного языка и формализованных языковых систем и 2."герменевтическая" традиция, развиваемая в рамках "континентальной" европейской философии (в Германии и Франции), ориентированное на процедуры толкования текстов и явлений культуры, выявления общекультурных контекстов осмысления, специфику познания человеком человека, включая человека другой эпохи или культуры. Хотя такое различие весьма условно, оно высвечивает достаточно существенные моменты, на которых следует остановиться более подробно.

1. "Аналитическая" традиция с ее установкой на анализ значений и семантики языковых выражений в конечном итоге имеет целью построение

¹ Термин "значение" трактуется нами и как смысл, и как референция интерпретируемого явления. Ясно, что такое представление о значении уязвимо для критики со стороны тех, кто трактует значение либо как смысл, либо как референция. Однако вплоть до настоящего времени отсутствуют общепринятые аргументы в пользу первой или второй точки зрения. Безусловно, более тонкий анализ позволит различить формы процедуры истолкования для случаев установления смысла и референции объекта истолкования.

² Современная Западная философия. Словарь. – М.: Политиздат, 1991. - С.235-236; Parret H. Context of Understanding - Amsterdam, 1980, P.1-10; Apel K.-O. Intentions, conventions and reverence to things: dimension of understanding meaning in hermeneutics and analytic philosophy of language. -In.: meaning and understanding. Berlin - N.-Y.,1981, P.79-111.

теории смысла (Theory of Meaning), а "герменевтическая" традиция с ее установкой на толкование текстов, знаков культуры, внутреннего мира личности имеет конечной целью построение теории интерпретации.

2. Аналитическая теория смысла формируется на материале рассмотрения "вневременного" механизма общения и коммуникации, а герменевтическая теория интерпретации обусловлена стремлением выявить именно "современный", исторический характер формирования этого смысла.¹ Развитие обеих традиций показывает их взаимодополнительность в связи с проблемой понимания. Если в силу определенных причин детальному исследованию была подвергнута "аналитическая" традиция, то традиции "герменевтической" только подвергаются обстоятельному критическому анализу в последнее время².

Интерпретация может быть определена "как установление системы (или систем) объектов, составляющих предметную область значений терминов исследуемой теории"³. Так же как анализ смысла предполагает процедуру его формирования и выявления - интерпретацию как "понимающую" процедуру, так и сама интерпретация предполагает наличие определенных смысловых структур, которые понимаются как процесс интерпретации⁴. Необходимо на основе результатов, полученных в процессе интерпретации, описать исследуемое явление, представив его тем самым с позиций реального участника данного исторического события (поскольку речь идет об историческом истолковании). И, наконец, объяснить его. Объяснение, в свою

¹ Именно на этой основе делаются попытки выработать основы их синтеза и обобщения (См., напр., материалы международного симпозиума в Биле, представленные в специальном номере ж. Диалектика, 1979, № 33; Резюме XXI Всемирного Философского Конгресса. Стамбул, Турция, 2003.

² Герменевтика: история и современность. - М.: Мысль, 1985; И.В.Бычко, К.Шадманов и др. Методологический анализ историко-философского знания. - Киев: Высша школа, 1984; Гайденок П.П. Хайдеггер и философская герменевтика // Новые течения философии в ФРГ. - М., 1986; *Texthermeneutik: Aktualitat, Geschichte, Kritik*. Paderborn, 1979; *Hermeneutics and Modern Philosophy*. N.-Y, 1986.

³ Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. - Киев: Наук. думка, 1974. -С. 110.

⁴ Тульчинский Г.Л. Интерпретация и смысл.// Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. -Новосибирск, 1986. -С. 33.

очередь, представляет процедуру подведения объясняемого явления (экспланандума) под определенные законы, теории (эксплананс).¹

Объяснение и интерпретация как составные части истолкования имеют, наряду с характеристиками, отличающими их друг от друга, много общего. В результате интерпретации устанавливается значение терминов и высказываний теоретических систем, что позволяет, в итоге, описать систему. Объяснение раскрывает сущность системы, позволяет ответить на вопрос, почему

ученый, мыслитель пришел к выводу такому, а не иному решению теоретической проблемы, проявлением каких закономерностей выступает данный результат духовной деятельности. Как видим, проблема истолкования, приводящая в итоге к пониманию, взятая в общем плане, чрезвычайно широка. Нас интересует лишь частный аспект ее, связанный с историко-философским истолкованием, специфика которого, с одной стороны, определяется своеобразием исторического познания вообще; с другой стороны, она обусловлена особенностями философии, развитие которой составляет объект изучения истории философии как науки. Задачи, решаемые историком, в том числе и историком философской мысли, в конечном счете сводятся к познанию прошлого, изучению того, что непосредственно не существует в настоящем. Историческое исследование имеет дело, как правило, с опосредованным бытием. В качестве источника знания о прошлом оно вынуждено обращаться к тем «следам», которые дошли до нас от событий минувшего.

Поскольку нас непосредственно интересует комплекс проблем, связанных с историко-философским пониманием, то в данном случае речь следует вести о тексте как материализации знания. По отношению к тексту "язык оказывается системой правил и может рассматриваться как некий

¹ Термины введены Г.Кемпелем и П.Оппенгеймом: Explanandum (лат.) - то, что надлежит объяснить, - представляет собой совокупность положений, отображающих объясняемый объект. Explanans (лат.) - "объясняющий" совокупность объясняющих положений.

регулятивный способ перевода плана выражения в план содержания и обратно, т.е. как способ дешифровки"¹. Текст, содержащий изложение идей, характерных для того или иного течения философской мысли прошлого, и выступает в качестве "следа", по которому историк-исследователь философии "отыскивает" в процессе реконструирования интересующий его феномен. Строго говоря, в настоящем от прошлого сохраняется непосредственно не "следы", а "остатки", реликты. Сам по себе реликт не обладает свойством быть средством познания. Историк-исследователь должен увидеть в реликте "след" интересующих его событий прошлого прежде, чем этот реликт "заговорит". Таким образом, реликт становится историческим источником и выступает как средство познания прошлого лишь в связи с постановкой определенной познавательной цели. Статус источника придается ему исследователем. Всякий исторический источник субстанционально является реликтом, но не всякий реликт функционально выступает как исторический источник. Следовательно, между реликтом и историческим источником имеется не субстанциональное, а функциональное различие, определяемое различиями в их назначении и их практическом использовании для достижения тех или иных целей субъекта.

В силу отмеченной особенности историческое знание всегда опосредовано, а объект его носит реконструктивный характер. Это обуславливает неминуемую неполноту знаний о прошлом и их вероятностный характер, что чрезвычайно осложняет процесс исторического истолкования. Потребность в познании прошлого не составляет специфической характеристики лишь определенного класса исторических наук. Ретроспективная функция реализуется в процессе любого современного научного исследования, ибо она вытекает из требований принципа историзма, в равной степени обязательного для любой отрасли научного

¹ Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. – Киев, 1974. - С. 3.

знания. При этом не стоит забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.¹

Обращение к прошлому как предыстории современного состояния объекта не является внешним, энциклопедическим украшением по отношению к актуальному исследованию. Оно обусловлено взглядом на явления действительности как процессы, протекающие во времени. Действительно, научное познание объекта невозможно вне его генетического анализа. Именно поэтому взгляд на прошлое, которое осмысливается как предыстория настоящего, современного, а новое рассматривается как преобразованное старое, позволяет понять само современное как закономерный результат предшествующего развития. Без этого понимание его будет неполным. Такой подход несомненно важен не только для исторических наук, но и общественных наук. И всё же при всей своей важности он недостаточен для реализации того особого отношения к прошлому, которое отличает «теоретическую историю» от «исторической теории» (историю как науку в узком смысле этого слова от науки, руководствующейся принципом историзма в подходе к объекту своего изучения).

С точки зрения отношения прошлого к настоящему, изучающему это прошлое, в нем (в прошлом) содержатся: а) зародыши определенных элементов, нашедшие свое позитивное развитие в настоящем; б) то, что было отброшено последующем развитием и тем самым погибло вместе с эпохой, породившей его; в) те элементы, которые перешли в последующую эпоху, сохранившись в ней как атавизм, пережитки прошлого.

¹ Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). – Томск: ТГУ, 1973. -С. 167-168.

Теория «предыстории» позволяет выявить первый из названных компонентов, уяснить то, что объединяет прошлое с настоящим, но для «теоретической истории» этого недостаточно. Она призвана реконструировать картину прошлого сообразно собственной, этому прошлому присущей мере. А такое требование предполагает изучение всех названных компонентов прошлого, объясняет их в свете законов, специфически характерных этому прошлому. И «историческая теория» и «теоретическая история» начинают с одного и того же – с выявления «следов» прошлого. И в том, и в другом типе исследования выполняются процедуры, связанные с необходимостью понять эти «следы», - перебрасывается мост от настоящего к прошлому. Но если теоретическое исследование современного во взгляде на прошлое ограничивается учетом лишь тех элементов, которые по наведенным мосткам перешли в настоящее, к тому же существенно изменились, органически включившись в систему настоящего, то историк, в специальном смысле этого слова, стремится воспользоваться мостками, чтобы осуществить мысленный переход на берег прошлого, где он должен узнать и о том, что не перешло в настоящее, к тому же (с точки зрения задачи воссоздания целостного образа этого прошлого) постичь его во всем присущем ему своеобразии. Необходимость решения этой задачи чрезвычайно усложняет задачу понимания прошлого.

Научное изучение процессов, совершающихся в наше время, и прогнозирование будущего невозможны без максимально полного познания прошлого (с точки зрения задачи воссоздания максимально возможного целостного образа этого прошлого). Такое осознание специфичности прошлого чрезвычайно важно для гуманитарных наук, позволяя последним уяснить всю сложность задачи понимания прошлого, каким бы близким и внешне похожим оно не представлялось с позиций нашего «сегодня».

"Мы рассматриваем иллюзию всепонимания, - справедливо замечает С.С.Аверинцев, - как смертельную угрозу для гуманитарной мысли, которая

всегда и есть понимание "поверх барьеров" непонимания. ...Смысл каждой культуры прозрачен и общезначим в той мере, в какой это есть смысл, т.е. нечто по своей сути прозрачное и общезначимое; но столь же верно, что он "загадочен", и именно постольку, поскольку он "загадочен" нашему сознанию извне инстанциями, от нас независимыми"¹. Это в особой мере относится к историко-философской проблеме понимания, если учесть своеобразие философии и обусловленный им характер ее отношения к своей истории. Ведь для успешного решения задач истолкования прошлого в историко-философском познании необходимо четкое осознание отличия историко-философского отношения к предшествующей философской мысли от точки зрения актуального философского исследования с присущим ему взглядом на прошлое развитие философии как предысторию решения проблем, находящихся в центре внимания философского исследования. В данном случае разграничение этих двух подходов к прошлому затрудняется в силу специфического, внутреннего характера связи философии с историей философии.

Выступая в качестве обобщения всех родов, видов и типов знания, философия неизбежно включает и самое себя в предмет собственного исследования. Являясь самосознанием знания вообще, философия содержит рефлексию, самопознание в качестве непосредственного предмета собственного изучения. Но реализация этой задачи невозможна вне специального историко-философского анализа, что обуславливает чрезвычайно тесную связь философии с её историей. Именно это и создает подчас предпосылки для смешения задач историко-философского и собственно философского истолкования прошлого. Цели историко-философского исследования в таком случае ограничиваются рассмотрением

¹ Аверинцев С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (Два творческих принципа)// Вопросы литературы. - 1971. - №8. - С. 46.

прошлого как «предыстории» актуального философского учения, позиции которого разделяет историк философии.

Однако этим специфические трудности, возникающие перед историком философии, решающим задачи истолкования интересующего феномена, далеко не исчерпываются. Во многом они обусловлены своеобразием философии и особенностями её исторического развития.

Стремясь к предельно обобщенному постижению действительности, философия берет в качестве объекта своего исследования взаимоотношения человека с окружающей его действительностью. Поэтому предметом непосредственного философского рассмотрения оказываются проблемы, составляющие мировоззрение. Ведь спецификой последнего является то, что «оно выполняет в системе человеческих знаний и представлений совершенно определенную функцию, а именно: служить способом обобщенного осознания человеком своего отношения к окружающей действительности¹, определения своего места в мире, осознание цели и смысла своей жизни и деятельности». А это, обеспечивая отражение мировоззренческой, классово обусловленной позиции философа в его учении, позволяет выявить специфическое, присущее философии единство двух аспектов: а) научно-познавательного и б) мировоззренческого. Именно последний, мировоззренческий, аспект обуславливает ряд особенностей философии и её развития. В числе таких, среди прочих, обычно указывают на: 1) поразительную живучесть, если не сказать вечность, основной философской проблематики (в процессе истолкования эта особенность затрудняет выявление специфических отличий предшествующих учений от современных, уяснение того барьера, который нужно преодолеть на пути к пониманию учения прошлого) и 2) множественность противоборствующих, сосуществующих на каждом историческом этапе философских систем,

¹ Черноволенко В.Ф. Мировоззрение и научное познание. – Киев: КГУ, 1970. -С. 51.

концепций (в процессе истолкования это препятствует выявлению того что связывает между собой эти учения). Рассмотрим отмеченные особенности несколько детальнее.

Указывая на поразительную «живучесть» основной философской проблематики, Гегель в своё время подчёркивал, что если естественные науки в значительной степени развиваются путём «приращения» к уже решённым проблемам и установленным истинам новых, то история философии «проявляется, очевидно, скорее как зрелище всегда возобновляющихся изменений целого»¹. И действительно, сказанному нетрудно найти подтверждение в реальной истории философии. Проявлением этой особенности и является, в частности, тот факт, что классические философские учения сохраняют свою актуальность на протяжении чрезвычайно длительного отрезка времени.

Исследователи истории платоновской Академии отмечают пять этапов в её развитии - «Древнюю Академию», разработавшую идеи Платона под сильным влиянием пифагореизма; «Среднюю Академию», знаменующую выход академиков на путь скептицизма; «Новую Академию», углубившую скептицизм «Средней Академии» и с этих позиций критиковавшей догматизм стоиков. Наконец, четвертую и пятую Академии, которые заметно отходят от скептицизма и становятся на путь попыток эклектически сочетать философию Платона с учением стоиков, пифагорейцев и перипатетиков. Эти Академии по существу знаменовали пять этапов в девятисотлетней истории платоновской Академии. Спустя почти две тысячи лет после своего возникновения философия Платона возрождается в основанной Казимо Медичи во Флоренции «Платоновской Академии». А ещё по прошествии трёхсот с лишним лет, на рубеже XIX и XX вв., профессор Киевского университета А.Н. Гиляров, говоря о задачах философии своего времени, утверждал, что «истина лежит в совмещении платонизма с учением о

¹ Гегель. Лекции по истории философии. – Соч. - М.: Политиздат, 1932. -С.17.

развитии».¹ По его мнению, в истории философии «только немногим гениям суждено утверждать себя в живом сознании людей. Платон стоит во главе этих немногих».² Оставим в стороне вопрос о количестве тех, кто может «утверждать себя в живом сознании» людей, достаточно, что среди них философ, живущий в XIX-XX вв., находит мыслителя V веке до н.э. Факт поистине поразительный, тем более что он не является исключением.

Примерно столь же длительна история школ и течений, складывающихся на основе философской системы Аристотеля. Среди распространенных в XX в. философских школ и течений можно обнаружить и неоиндуизм, основывающийся на философско-религиозном учении VI-IV вв. до н.э., и неоконфуцианство, восходящее своими истоками к учению, возникшему во второй половине VI- начале V в. до. н.э., и, наконец, одно из наиболее крупных течений в современной философии - неотомизм, стремящийся решать философские проблемы современности, исходя из системы, созданной в XIII веке.

Говоря о «вечности» проблем как специфической черте философии, обеспечивающей сосуществование на равных, как современников, мыслителей отделенных друг от друга большим отрезком времени, следует быть предельно осторожным. Во-первых, спиралевидный путь, предполагающий возвращение к решению давних проблем, присущ в определенной степени научному познанию вообще. Во-вторых, не все проблемы философии носят «вечный» характер. И всё же «концентричность» расположения материала, побуждающая вновь и вновь возвращаться к решению одних и тех проблем, безусловно, отличает, прежде всего, развитие философии. Очевидно, это объясняется своеобразием философии, обусловленным мировоззренческой её функцией.

¹ Гиляров А.Н. Источники о софистах. Платон как исторический свидетель. Т. I – Киев: Б.и., 1891. -С.5.

² Там же - С. 283.

Философские концепции не только пробуждаются к жизни мировоззренческими потребностями, они существенно отражают эти потребности в своих результатах. Наличие этого мировоззренческого момента в философском знании является основой живучести этих систем, вернее, проблем, решаемых в пределах системы. Порожденная конкретно исторической ситуацией, философская система отражает ее на предельно высоком уровне абстракции. Здесь как бы в значительной степени стираются специфические черты ситуации. В философии выражается лишь обобщенная схема ситуации и возможных путей её объяснения. А это обуславливает отображение в философии и тех моментов, которые, преломляясь в классовом сознании, характеризуют непреходящее в конкретной ситуации.

Мировоззренческий аспект философского знания обуславливает и плюрализм сосуществующих философских подходов к решению той или иной проблемы. Эту особенность истории философии В. Дильтей характеризовал как «анархию философских систем», которая, по его мнению, составляет специфический способ существования философии. Конечно, и в истории любой науки констатируется борьба различных школ, наличие наряду с реальными проблемами псевдопроблем, что обусловлено противоречиями, возникающими в ходе познания объективной действительности. И всё же лишь этим объяснить отмеченную особенность истории философии невозможно. Она является, прежде всего, результатом отражения в борьбе философских учений.

Обязательным признаком философского знания является всеобщий характер его обобщений. Но сама по себе всеобщность, будучи обязательной характеристикой философского знания, не исчерпывает специфику его. Ведь и в сфере конкретно-научного знания, в кибернетике, математике и т.д., также вырабатываются методы, имеющие основания претендовать на всеобщность. Тем не менее, они не превращаются в феномены философского знания. Отмечая эту особенность, С.Б. Крымский

разъясняет: «Дело в том, что, возвышаясь в познании законов до уровня всеобщности, конкретно-научное знание не раскрывает его в связи с бесконечностью. Конкретно-научное знание представляет свои объекты в финитной форме. И если в своей реальной основе объект оказывается бесконечным, то научное мышление использует методику «обрезания бесконечности», т.е. допускает грубейшие идеализации в целях представления объекта как конечного. Бесконечность в границах конкретно-научного знания оказывается неконструктивной. Такая интенция на финитное представление объектов определяется требованиями описания следствий теоретических построений в науке на языке эксперимента, который является конечным фрагментом общественно-исторической практики».¹

Философское же знание конструируется на базе обобщений всей общественно-исторической практики, определяется ссылкой на весь исторический опыт человечества, что позволяет свободно оперировать не только всеобщим, но и бесконечным. Это помимо прочего, делает особо ощутимым гипотетический характер знания, получаемого отдельным философом. Отмеченная гипотетичность не снимается до конца и в процессе обоснования полученного обобщения. «Философские гипотезы, - отмечает справедливо Т.И. Ойзерман, - никогда не были предположениями, т.е. высказываниями, за истинность которых никто не ручается. Напротив, они всегда выступали как убеждения, психологически абсолютно несовместимые с представлениями об их лишь возможной истинности. Философы никогда не употребляли формулы «мне кажется», их утверждения носили категорический характер».²

Каждое философское учение, школа вырабатывает, как правило, свой специфический язык, стремится сделать свои понятия все более точными.

¹ Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. – Киев, 1974. - С. 61.

² Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. – М.: Мысль, 1969. -С. 108.

Этот язык является общепринятым, по крайней мере, для представителей этой определенной школы или течения, он служит для целей коммуникации и экспликации научных результатов. И важным моментом для исследователя является как раз овладение этим специальным языком, ибо анализируя, вернее, проникая в мир идей и концепций мыслителя, исследователь усваивает, а затем и интерпретирует точку зрения на мир этого мыслителя (его школы, течения, учения), раскрывает лингвистическую эрудицию, словарное богатство и понятийный аппарат его, представленный в его трудах в систематизированном и точном виде, семантика единиц которого и аккумулировала в себе достижение философской мысли (этого) учения.

Множественность сосуществующих философских учений обуславливает в качестве одной из специфик философского языка многозначность терминов, которые приобретают различные значения, несут неодинаковую смысловую нагрузку в различных философских системах. Каждый философ вкладывает в философские понятия, которыми он оперирует, свое собственное содержание, свой собственный смысл. Это позволяет исследователю констатировать особую трудность сопоставления философских учений, "нерастворимость" их друг в друге, что, естественно, затрудняет истолкование.

В то же время с точки зрения герменевтического анализа именно семантических особенностей языка философии определенного учения (автора, школы) - в плане диахронии - эта особенность предоставляет широкое поле деятельности исследователю, учитывая кумулятивный характер развития философии как особого вида знания, понимая под кумулятивностью при этом способность той или иной научной дисциплины полностью или частично, но без изменений включать в свой состав содержание других научных дисциплин или предшествующих стадий своего собственного развития. Кумулятивность развития философии понимается здесь в самом простом и наивном смысле слова: каждая новая философская

концепция лишь добавляется к массе ранее созданных концепций, увеличивая общее разнообразие возможных систем мировоззрения. И она живет до тех пор, пока находятся люди, духовному складу которых она соответствует.

Отмеченные особенности обуславливают сложность и своеобразие решения проблемы историко-философского истолкования.

Резюмируя, отметим, что историко-философское истолкование может быть представлено как совокупность процедур многократной реконструкции, направленных на понимание исследуемого явления.

Реконструктивный характер знания, получаемого в результате историко-философского истолкования, обусловлен прежде всего тем, что это знание о прошлом, которое может быть мысленно воспроизведено лишь на основании «следов» и «отпечатков», сохранившихся в настоящем от того, что уже совершилось в минувшем.

Следующий этап реконструкции сопряжен с тем, что историко-философское познание направлено на исследование истории мысли. Мысль как таковая не может непосредственно быть дана историку. Единственным возможным способом существования мысли одного человека для другого является существование ее в вербальном оформлении. Непосредственной реальностью, с которой имеет дело исследователь, является текст, представляющий собой продукт труда по материализации мысли философа и на котором лежит - всегда - отпечаток личности мыслителя - его вкусы, склонности, его миропонимание и только благодаря этому труд философа выражает миропонимание своей эпохи, именно это и составляет главную его ценность. В этом аспекте можно говорить о том, что в тексте мысль превращается в свою противоположность, в нечто объективное, существующее для других, вне и независимо от сознания носителя мысли, воплотившего ее в текст.

Как было отмечено ранее, текст можно рассматривать как линейную последовательность знаков, обладающих определенным значением и связанных между собой правилами языка, принятого в качестве регулятивного в процессе изложения в данном тексте. В силу этого задача сводится, прежде всего, к его "дешифровке", раскрытию отношения "знак-значение", шифруемого в тексте определенным термином, выяснению правил сочетания терминов в тексте и, наконец, прочтению текста. Это дает возможность подойти к уяснению мысли, которую "несет в себе" текст. Мысль не скрыта за текстом и не является ее духовной субстанцией. "Она возникает как функция текста в результате процедур по истолкованию его. Событие жизни текста, то есть подлинная сущность всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов"¹. Текст, созданный автором, пробуждает мысль у восприимчивых, обращающихся к этому тексту. Эта мысль и составляет смысл данного текста для толкующих его. Развертывание духовной культуры в истории (текст - это явление духовной культуры) заключается в "ее перематывании из безличной формы всеобщности в личностную форму культуры индивида и именно тем самым придание культуре мышления (идее) формы культуры объекта (духа)"². Сказанное обуславливает многоосмысленность текста проявляющуюся в его реальном историческом бытии. История текста полифонична, и задача исследователя выявить ее во всей сложности реальных сочетаний замысла и многообразных смыслов, которые придавались ему восприимчивыми. Успешная реализация указанных задач осложняется своеобразием философской мысли и характером её отношения к своей истории. Отмеченная ранее низкая кумулятивность философских учений, «нерастворимость» их друг в друге существенно затрудняет выявление реального замысла и исторических

¹ Бахтин М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа.//Вопросы лит-ры. -1976. -№10. -С. 127; Богданов В.В. Понятие субстанции в классической европейской философии: Дис... докт. филос. наук. - СПб., 2004. -С.4-10.

² Библер В.С. Мышление как творчество.-М.:Политиздат,1975.- С. 54.

смыслов во всем их своеобразном отличии от того актуального смысла, который имеет текст для современной философии. Психологическим барьером на пути к учету всей специфики, отличающей сегодняшний смысл текста от того, который он имел для наших предшественников, является «вечность» философской проблематики, создающая иллюзию общедоступности и непосредственной понимаемости для нас текстов прошлого. В этом случае история как бы сплющивается, утрачивая присущую ей полифоничность; многозначимость смыслов текста угасает, сводясь к единственному, тому, который он имеет для современников историка. А имевшие место в истории различные толкования текста объясняются в конечном счёте мерой глубины, с которой авторы этих толкований подходили к осмыслению текста.

Сложны и многообразны задачи, решаемые в процессе историко-философского истолкования. Круг их, конечно же, не исчерпывает всего комплекса проблем, возникающих перед историком философии. Истолкование связано с анализом историко-философского источника. Но, прежде чем приступить к нему, исследователю следует выявить в совокупности доступных исторических реликтов те, которые можно рассматривать в качестве источника для реализации конкретных задач историко-философского исследования. Это связано с рядом специальных процедур источниковедческого анализа. Выполнение их необходимо на стадии, предшествующей историко-философскому истолкованию. Однако сами они не входят в круг проблем, связанных с истолкованием языка источника. Смысл процедур по истолкованию, как отмечалось выше, сводится к интерпретации, описанию и объяснению источников. Но этим не исчерпываются задачи, решаемые историко-философской наукой. Ведь процесс истолкования завершается пониманием данного явления как результата действия определённых закономерностей, которым подчиняется развитие философской мысли. Однако сами эти закономерности ведь тоже

должны быть установлены в процессе историко-философского исследования.

Теоретическое обобщение на основе накопленного фактического материала, позволяющее прийти к открытию закономерностей развития языка философии, - вот та конечная цель, к достижению которой устремлено историко-философское научное познание. Эта задача, конечно же, тоже выходит за пределы круга проблем, решаемых в процессе историко-философского истолкования, которое входит неотъемлемой частью в состав тех процедур, которые совершаются в процессе исследования развития (эволюции) философской мысли.

Итак, подведем некоторые итоги. Путь человеческого познания – это путь от одного знания к другому, от знания неполного и неточного к знанию более точному и более полному. Но новые формы знания и осмысления, будучи порождены в конечном итоге деятельностью человека по преобразованию материальной и духовной действительности, возникают, тем не менее, из старых, чаще классических, форм знания и осмысления, «прорастают» сквозь них. Так возникает преемственность в развитии философской идеи, ведущей к прогрессу. Историко-философское истолкование входит неотъемлемой частью в состав тех процедур, которые совершаются в процессе исследования развития философской мысли. Сложность задач, решаемых в процессе истолкования, обуславливает необходимость специального рассмотрения их в составе проблем, решаемых историко-философской наукой в целом.

Мы не стремились дать жесткого определения истолкования и сопутствующих ему понятий, ибо каждый исследователь ясно осознает опасность таких дефиниций, ставящих границы возможному анализу. Наша цель заключалась не в выработке окончательного определения истолкования, а скорее в систематизации - некоторых черт истолкования и его спутников - интерпретации, описания, объяснения сопутствующих целям и задачам

настоящего исследования. Такой подход, как нам представляется, позволяет выявить нечто общее, что объединяет самые различные проявления истолкования как средства осмысления действительности. Это, прежде всего, его деятельностное основание. Истолкование оказывается стороной и одним из результатов духовно-практической ассимиляции и трансформации действительности человеком, в том числе и самого человека. Выражается истолкование в функционировании нормативно-ценностных систем общественной практики, т.е. оно социально по самой своей сути. Вместе с тем динамика, развитие истолкования предполагает активное участие личности в этом процессе. Анализ проблемы истолкования, осуществляющийся на стыке различных научных дисциплин, нуждается и в философском, мировоззренческом выявлении источников проблемы и путей ее решения.

Таким образом, анализ проблемы сущности и типов истолкования позволяет сделать следующие выводы. Если формирование концепции истолкования необходимо требует употребления понятийного аппарата семиотики, то способ его употребления диктуется философскими положениями. И в таком случае данная концепция становится философской, т.е. вписывается в определённый интеллектуальный контекст. Предложенный подход можно считать достаточно эффективным, ибо он позволяет выявить и объяснить различные типы интерпретационной деятельности. Сами эти различия обусловлены семиотической определённой интерпретируемого явления. Иначе говоря, объектом истолкования могут служить незначительный объект, либо знак, либо выражение естественного языка, а также научное или философское утверждение. Одним из богатейших источников изучения проблемы и путей ее решения является английская философия.

Бытие, сознание и язык периода Средних веков и Возрождения: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности

Язык есть действительность мысли. Мы не зря начинаем разговор о проблемах взаимосвязи и взаимообусловленности таких сложных категорий как "бытие", "язык", "сознание", в их взаимосвязи с Возрождением, Англией и ее философией. Для того, чтобы правильно ответить на поставленные во введении вопросы, мы должны выяснить - какова была действительность того времени (т.е. эпохи Возрождения), какова была философская мысль периода (прежде всего эмпирической, которая наиболее ярко характеризует английскую философию), как эта мысль отражалась в английском языке (в том числе в сочинениях философов и философски мыслящих авторов).

В.И.Рутенбург выразил общее мнение специалистов, сказав: "Возрождение было одним из величайших универсальных культурных переворотов, которые когда-либо переживало человечество"¹, когда в почете оказываются опыт и наблюдение, геометрия и кинематика, когда закладываются основы экспериментального естествознания, а знание становится силой. Но прежде чем разобраться в содержании и оттенках английской философской мысли того периода, мы должны понять само Возрождение как историческое явление, как этап в жизни людей, а именно: возрождение чего, почему именно античности и какой античности, что представляло собой в таком случае средневековье и т.д. Все это есть ключевые вопросы, не поняв которые нельзя быть конкретно-историчным, т.е. нельзя обеспечить подлинную научность не только данного, но и любого другого исследования.

По истории английской философии (в том числе по эмпиризму) существует большая литература. Так как в различных источниках последнее

¹ Рутенбург В.И. Общество Возрождения.// Культура Возрождения и общество. - М.: Наука, 1986. -С. 5; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М.: Наука, 1982. -С. 135-137.

понятие разъясняется по-разному, остановимся на толковании, которое считается более или менее общепризнанным: Эмпиризм - направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

Эмпиризм как одно из фундаментальных направлений в мировой философии сложился в Англии в XVII веке. Давно идут споры о том, какая именно философия является английской, есть ли эмпиризм специфически английское явление и мог ли он возникнуть в другой стране. Мы склонны считать, что это явление общемировое; зачатки эмпиризма как формы философского знания были уже в Древнем Египте, Индии и Китае, не говоря уже о Древней Греции и Риме. Однако осмысленной, целостной, качественно определенной системой философского знания эмпиризм стал в Англии. Произошло так потому, что здесь сложились наиболее благоприятные факторы, способствовавшие развитию форм и методов научного познания, обеспечению условий его истинности, раскрытию способностей человека познавать окружающую его действительность при наличии выдающихся мыслителей типа Роджера Бэкона, Томаса Мора, Френсиса Бэкона, Томаса Гоббса, Джона Локка, Джоржа Беркли и других.

Английская философская мысль (прежде всего эмпиризм) - результат длительного формирования науки в предыдущие века, и не только в Англии. Вся история философии, включая те долгие годы, когда она еще не была отделена от собственно научного метода - это история теоретического мышления человека и его рассуждений о смысле жизни, история борьбы, упрощенно говоря, чувства и разума, опытного и рационального. Это подтверждается всей предыдущей Возрождению историко-философской традицией, будь то древнеегипетские гимны, древнекитайские трактаты или древнеиндийские веды.

Признано, что античные Греция и Рим являются высшими формами человеческой цивилизации в древнем мире. Античная философия возникла в VII веке до н.э. в городах Эфес и Милет (запад нынешней Турции). Главной предпосылкой расцвета античности является образ жизни, основная идея которой была наиболее лаконично выражена одним из лидеров софистов Протагором - "Человек есть мера всех вещей". Именно человека, его достоинства и способности, его творческие возможности поставила Древняя Греция в центр своего существования - и достигла небывалого успеха, который послужил образцом для человечества на многие столетия. Центральным звеном античного образа жизни стала демократия (которая, правда, не распространялась на рабов).

Принято считать, что нет ничего такого в философии средневековья, Возрождения и более поздних времен, чего не было бы в той или иной зародышевой форме у древних греков. Древнегреческая философия, отделившаяся от мифологии, была крайне многообразной. Она изучала проблемы математики, астрономии, логики, поэзии, но главным образом природы и человека. Исторически первой формой философии стала натурфилософия, т.е. попытки при помощи теоретических рассуждений объяснить такие непонятные для древнего человека явления как смена дня и ночи, зимы и лета, кипение воды или ее превращение в пар и лед, гром и молнию и т.д. На этом фоне парадоксальным выглядит тот факт, что главной причиной существования очень большого количества школ и течений в античной философии в том числе таких, которые совершенно необоснованно, умозрительно объясняли существование мира, является фактическое игнорирование или незнание древними мыслителями экспериментального метода (разумеется, незнания в массовой форме, как общей тенденции), ставшего отличительной особенностью английского эмпиризма. В самом широком и общепринятом плане древнегреческая философия делилась на физику, диалектику и этику. Если хронологически первой появилась, как мы

только - что сказали, физика, то последней была этика, ее основоположником стал Сократ. Отличительной чертой философского мышления древней эпохи стал его целостный, нерасчлененный на отдельные науки, характер.

Древнегреческая философия имеет немало парадоксов, на двух из которых, ставших традиционными, мы хотим остановиться. Несмотря на то, что философия появилась как попытка осмыслить повседневно ощущаемые человеком на собственном опыте явления природы, именно в философии этого периода произошло важное для последующей науки расслоение - теоретическое мышление было развито до такой степени, что оно отделилось от чувственного, опытного познания. Мы полагаем, что это стало результатом творчества плеяды мыслителей во главе с Аристотелем.

Аристотель представляет собой уникальное явление в истории человеческой мысли. Мы не будем затрагивать всего круга особенностей его творчества - это не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что он является основоположником формальной (традиционной) логики. Он сформулировал три закона логики (тождества, непротиворечия и исключенного третьего) из четырех (четвертый, закон достаточного основания, появился лишь в XVII веке и принадлежит Г. Лейбницу). В силу созданного Аристотелем учения он стал объектом поклонения для ведущих философов Средневековья.

Может возникнуть вопрос - Европейское средневековье отвергло, предало забвению античные нормы жизни, именно поэтому через столетия стало необходимым возрождение античности. Как же в таком случае мог Аристотель, величайший ученый, но античности, стать примером для средневековья? Однако все было именно так, и в этом заключается второй парадокс, который свойственен объекту нашего исследования и о котором, в силу этого, мы упоминаем.

Стоит внимательно изучить средневековые тексты, а если шире, то происходившие в то время духовные процессы, как становится ясно, что Европейское средневековье, несмотря на то, что оно рассматривается как

мрачный период в истории человечества, было далеко не однородным и неоднозначным явлением. Средневековье было выдающимся по содержательности периодом, когда человек перестал быть говорящим животным, занял свой дом, свою землю, свою скотину и дичь, что давало полный простор для проявления энергии, находчивости и т.п. качеств каждого человека. Именно средневековье подготовило материальную базу того, что затем Магеллан, Колумб и Васко да Гама, не боясь, поплыли на каравеллах сквозь моря и океаны и т.д. Именно с явлений средневековья начинается подлинно народное творчество. Что же касается церкви, то она своими действиями направляла внимание людей на труд, созидательную деятельность: "Мы обеспечим тебе место в раю, только придерживайтесь того, что мы советуем". Вышесказанное поможет нам выявить истоки английской философской лексики эпохи Возрождения, поэтому остановимся кратко на нем.

Одной из причин гибели античности стало то, что рабовладение исчерпало себя. Внешне это проявилось в том, что древние римляне, покорившие много стран и народов, погрязли в богатстве, роскоши и разврате. На данном фоне, а тем более в связи с возникновением христианства и жестоким преследованием первых христиан, стал вполне объясним поиск справедливости, высшей истины, обращение к богу как с самой мудрой, последней инстанции и, в конечном счете, культивирование всевышнего. А культивирование бога, по существу абстрактного явления, могло происходить только при помощи воображения, и не просто воображения, а именно логических рассуждений, убедитель логических конструкций. Признанным автором и непревзойденным знатоком таких конструкций был Аристотель, создавший лучшие в истории логические трактаты. Поэтому он и стал знаменем средневековья.

Ведущим типом Европейской средневековой философии, который определял и образ мышления, и язык религиозных и философских текстов

того времени, явилась схоластика. Она возникла в период поздней античности, а сдала позиции как ведущее течение мировой философии, лишь в период Возрождения, просуществовав в такой роли более тысячи лет. Основными отличительными особенностями схоластики стали безусловное преобладание бога и теологии во всех сферах жизни, отношение к логике как к наиболее достойной и серьезной науке, синтез догматики с умозрительно-рационалистической методикой для объяснения и природных, и общественных явлений. Проще говоря, в схоластике бог вышел на первое место, а человек, общество и природа стали производными как его творения. Схоластика была исторически необходима как неизбежная ступень в восхождении человечества, когда мышление, умственный анализ, абстрагирование стали достоянием миллионов, когда люди вчитывались в Библию, и каждый старался логическим путем настроить в своем воображении мироздание. В этих условиях сама идея бога была прогрессивна как конечная истина, без чего мир как - бы терял опору.

Более чем тысячу лет теологии было подчинено все - история, этика, эстетика, литературоведение, поэзия и др., включая признанного лидера наук - философию. Церковь решала все, а то, что ей противоречило - изгонялось, преследовалось, уничтожалось. Христианство стало не только и не столько религией, сколько образом жизни и мышления. Произошла фетишизация, обожествление канонических текстов, и в первую очередь Библии. Для огромной армии писателей, поэтов, философов, политических деятелей и т.п. данные тексты на долгие века стали предметом глубокого и всестороннего изучения. Сейчас, в начале XXI века, иногда задаются вопросом - ведь Библия по своему объему не такая уж большая, содержание ее практически не менялось, ее может даже выучить наизусть любой более или менее способный человек. Да, это действительно так. Однако выучить - не значит понять текст священного писания в значениях и оттенках, как того хотели столпы средневековой религии. Именно поэтому получили невиданный

размах истолкование и комментаторство. Библию надо было понять правильно - в этом одна из причин того, что в Средние века было множество комментаторов и комментаторской литературы.

Понятно, что одним из главных орудий истолкования любых текстов является хорошее знание и применение законов формальной логики. Теорию силлогизмов наиболее полно и всесторонне разработал и передал своим ученикам (и последующим поколениям) Аристотель. Поэтому для средневековья бог стал сущностью, а Аристотель - Учителем с большой буквы. Недаром специалисты полагают, что в известной мере схоластика есть философствование в формах интерпретации текста, и в первую очередь - священного писания и произведений Аристотеля.

Схоластика делила науку на два вида - абсолютную и относительную. Собственно, именно такие противопоставления, очень характерные для средневековья, и натолкнули в XV в. Николая Кузанского на вполне удовлетворительное разъяснение сущности (но не формулировка) диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Абсолютным знанием ("откровением") признавался текст Библии, относительным (но тоже заслуживающим доверия и почтения) - комментаторство, в том числе священного писания, которое осуществляли научные авторитеты, и в первую очередь те, кто признавался таковыми со стороны религиозных лидеров. Проблемы всех времен - "что есть истина" - в средние века не существовало, она была официально снята - истиной были объявлены бог, Библия и их правильная интерпретация. Последняя, а точнее интерпретаторы, стремились сделать эту истину понятной, объяснимой, доступной для паствы, т.е. для широких масс.

Нельзя сказать, что античность в Европейском средневековье исчезла, это было бы неправильно. Можно рискнуть заявить, что античность частично сохранилась и в Европейские средние века, но в весьма ограниченном виде и в специфической форме. В Европейские средние века существовало и

процветало одно из лучших достижений античности - формальная логика. Она применялась массово, ей даже приписывались сверхъестественные возможности, что и обуславливало специфический характер использования Европейским средневековьем данного достижения античности. Это был главным образом изобретатель характер логического убеждения.

Наряду с отрицательными последствиями, культивирование формальной логики средневековыми мыслителями имело важный (в том числе для нашей диссертации) положительный результат. Категории и правила формальной логики были предметом внимания и уважения всех авторов. Они широко изучались в школах, церквях и в университетах. Общество развивалось дальше. В XIV веке после произведения Пьера Абеляра "Диалектика", сложилась "модернизированная", т.е. фактически самостоятельная, несхоластическая логика. Это тоже была формальная логика, но с неформальным пониманием истины. Другими словами, философия разделилась на два вида - схоластическую и несхоластическую. Схоластическая формальная логика понимала истину как нечто заранее predetermined, а модернизированная (неортодоксальная, оригинальная) формальная логика признавала только фактическую истину, но, опять-таки, фактическую не в виде опыта, эмпирики, а в виде универсальных общих понятий. На этом фоне становление и развитие системы английской эмпирической философии в XIV - XVII вв. сыграло выдающуюся роль в истории мировой общественной мысли.

Столь большое почитание средневековой царицы наук - логики - привело к тому, что ученые этого периода полностью сохранили (а в оттенках даже расширили) всю созданную в античное время систему формально-логических понятий и терминов. Другими словами, хотя объект и предмет логики в средние века сменился, но сам аппарат строгого научного мышления (а, следовательно, и отражающий его язык) был сохранен и даже усовершенствован. Поэтому ученым Возрождения не пришлось

восстанавливать это сложнейшее звено человеческого мышления и речи, они смогли получить его в готовом виде. Более того, схоластики разработали многочисленные понятия и термины (в том числе философские), обширную систему лексических средств, которыми пользовались ученые не только Возрождения, но и более поздних времен. Употребляя слова "субстанция", "эссенция", "персона", "интеллектуальный", "рациональный", "иррациональный", "спекулятивный", "предикативный", "натуральный", "формальный", "темпоральный", "суппозиция", "субсистенция", "акциденция", "атрибут", "антецедент", "коксеквент" и многие другие латинизмы, без которых уже трудно обойтись нашему философскому и научному языку, современный европеец не подозревает, что он пользуется этими терминами благодаря Боэцию, который в то далекое и почти забытое теперь время отчасти сам их придумал, отчасти впервые определил и ввел в литературный оборот почти в том же самом значении, в каком мы сейчас их употребляем.

Сюда необходимо добавить, что средневековье дало обстоятельное разъяснение взаимосвязи многих других категорий и понятий, например, "свободы" и "необходимости", природу общих понятий ("универсалий") и т.д. Все это серьезно пополнило запас слов, ставших позже ключевыми в английском философском словаре периода XIV - XVII веков.

Общие условия бытия в средневековье (и особенно крепостной, подневольный труд большинства населения) привели к тому, что в глубине европейского общества зрели противоречия между массовым характером труда и несправедливым характером присвоения его результатов. Эти противоречия постепенно ослабляли моральные и правовые категории, церковные устои средневековья. Развитие земледелия, рост количества городов, концентрация населения в городах, усиливающееся разделение и начавшаяся механизация труда вели к тому, что сдерживание производительных сил рамками феодальных отношений становилось все

более проблематичным. Результаты этих процессов были многоплановыми, об одном из них, о выделении в схоластической логике модернизированного течения, мы только что сказали. Моральные идеалы средневековья попали в полосу длительного кризиса и в философско-познавательном отношении. Формальная логика, даже самая блестящая по форме, не могла компенсировать фактическое отсутствие содержания пропагандируемых ценностей. Реальное бытие терялось, ускользало от тех философов, которые придерживались прежних, сориентированных на бога и священное писание идеалов, в результате чего между ними усиливались разногласия.

Все это привело к расколу в духовной жизни позднего средневековья. Наиболее ярким выражением этого раскола, непосредственно повлиявшим на формирование философской идеи и лексики Возрождения (в том числе английской), стала борьба между двумя основными течениями схоластики - номинализмом и реализмом. Ведущей чертой номинализма как одного из известных в истории человечества философских течений было то, что он отрицал практическое существование так называемых "универсалий", т.е. общих понятий бытия и реального. Номиналисты полагали, что универсалии существуют не в жизни, не в практике, а в воображении. Представители номинализма считали, что в реальности существуют лишь единичные вещи (и, соответственно, понятия о них). Общих же понятий нет, это лишь имена вещей, их абстрактное осмысление.

Номинализм приобрел особую популярность в XIV веке, в ходе борьбы с реализмом. Английская философия стала одной из арен, где активно обсуждались проблемы обоих течений. В XVII веке номиналистических положений придерживались такие известные английские ученые как Гоббс, Локк, а также Беркли и Юм. Правда, Гоббс и Локк отрицали основную предпосылку средневекового номинализма - теоретизацию универсалий. Что касается Беркли и Юма, то они пошли в сторону субъективного идеализма. Например, номиналисты не соглашались с тем, что универсалии имеют

реальный, практический характер. Беркли и Юм воспользовались этим и утверждали, что не могут реально существовать, в частности, такие понятия как "причинность" и "субстанция".

Представители реализма, в отличие от номиналистов, считали, что реальность существует вне сознания, а объекты познания абсолютны и от человека не зависят, он может лишь их осмыслить. Отличительной чертой средневекового реализма являлось то, что в споре с номинализмом (а также с концептуализмом) его представители отстаивали следующую идею - универсалии, т.е. общие понятия предметов действительности, существуют реально, независимо от того, осознает их человек или нет. Существенно то, что в ходе этих споров многократно использовался понятийно-терминологический аппарат философской науки, т.е. приводился и обсуждался широкий круг терминов, выражавших фундаментальные философские понятия. Так выработывался единый научный философский язык, который и был позже заимствован мыслителями эпохи Возрождения.

В истории схоластики реализм делился на два вида - крайний и умеренный. Кстати, оба они восходили к античной традиции - Платон был крайним реалистом, Аристотель - умеренным. Церковь, а с ней и вся официальная теология и философия, поддержала близкий к умеренному реализм Альберта Великого и Фомы Аквинского¹. Томизм соединил ряд положений Аристотеля, Ибн-Сины, христианства и создал тройко существующие универсалии: "до вещей", "в вещах" и "после вещей". Проблема реализма, его течений и особенностей активно обсуждалась и в английской философии Возрождения, обогатив его понятийную систему и словарный состав.

Итак, неуклонное развитие производства и общественного сознания в средние века, определенные достижения науки и техники привели к тому, что культивирующиеся идеологические постулаты стали сдерживать

¹ Федчук Д.А. "Сущность" и "существование" у Фомы Аквинского: Дис...канд. филос. наук. – СПб., 2003. – С.4-20.

дальнейший прогресс человечества. В новых условиях различные формы средневекового аскетизма себя не оправдывали. Потребовалась своеобразная переориентация в сторону как бы восстановления телесно-вещественного идеала бытия античности, сопровождающаяся постепенным отказом от аскетически-квиеетистских идеалов средневековья, что отражается в самосознании наступающей раннебуржуазной эпохи - Возрождения. Этому способствовал и ряд крупных естественнонаучных открытий, коренным образом изменивших картину мира: Н. Коперника, Дж. Бруно, Г. Галилея и других.

Философская «метафизика» Нового времени

Своеобразная «реабилитация» разума и в значительной мере «телесности», ставшая особенно явной в XII— XIII веках, свидетельствовала о стабилизации феодализма. Но не только о ней — в глубинах общественного организма происходили очень сложные социальные реакции, исподволь подтачивавшие и размывавшие замкнутость сословно-индивидуального мира феодализма и его ценностно-идеологических ориентации на духовность. Рост производительных сил, и в первую очередь их вещественных элементов (орудий труда), и изменение структуры их организации (складывающаяся вне цеховой регламентации и во многом противостоящая ей мануфактура) требовали унификации и выравнивания пестроты жизненного уклада. Это выравнивание совершается первоначально в центростремительных политических тенденциях. В XV веке в новых регионах средневековой Европы складываются абсолютные монархии: 1485 г. — Тюдоры в Англии; 1461—1483 гг. — Людовик XI во Франции; 1479 г. — объединение Арагона и Кастилии под властью Изабеллы и Фердинанда; 1462—1505 гг. — Иван III на Руси и т. д. Это проявляется также в отмеченной уже «рационализации» религиозной идеологии (схоластика), в ряде других фактов из жизни

феодалного общества. Эти обстоятельства, укреплявшие феодализм, были в то же время симптомами начавшегося буржуазного развития. Ко второй половине XV века относится и начало процесса интенсивного обезземеливания крестьян; крупные феодалы превращаются в землевладельцев и этим наносят смертельный удар личностному характеру феодальных отношений. Тем самым подрывается объективно-социальная основа духовно-идеального толкования бытия.

Наряду с расшатыванием социально-классовых своих источников, средневековый идеал духовности переживает кризис и, так сказать, в философско-гносеологическом плане. Привлечение (с наступлением периода схоластики) к исследованию «высшей» (божественной) реальности логико-дискурсивных средств все с большей и большей очевидностью демонстрирует отсутствие в этой области какого-либо положительного содержания. Дело даже не в том, что рациональное познание встречает пределы своей применимости — наличие этих «пределов» заранее (по определению) предуведомлялось еще апофатическим богословием, а Фома Аквинский прямо указывает, что разум способен доказать лишь сам факт бытия божьего (знаменитые пять доказательств), но не раскрыть его «позитивное» содержание — последнее раскрывается лишь в откровении. Дело в том, что духовно-идеальная сущность бытия, мыслившаяся как реальное (наряду с единичными вещами) существование всеобщего, «универсалий», оказалась принципиально нефиксируемой именно в ее специфически идеальной бытийности. Возникает ситуация аналогичная с той, которая сложилась в период кризиса античного общества — бытие в его специфическом качестве «вещественности» (как оно понималось в античности) как бы «расплывается» и «ускользает» от направленных на него познавательных усилий, оставляя человека «наедине» лишь с познавательными средствами «проникновения» в бытие. Эта своеобразная «утрата» бытия, порождающая гносеологический пессимизм, наиболее отчетливо и последовательно была выражена в

позднеантичном скептицизме (Пиррон, Энесидем, Секст Эмпирик и др.). И вот теперь подобная ситуация повторяется в позднефеодалной философии — виртуозно разработанная схоластическая познавательная «техника», нацеленная на фиксацию подлинного, идеально-всеобщего бытия, упирается как-бы в пустоту, что непосредственно выражается (речь здесь везде, понимается, идет о «реалистическом» варианте схоластики) в «согласуемости» этой «техники» с любым содержанием. И снова (как это уже было в античности) наступает своеобразный «кризис реальности» — бытие, каким оно мыслилось на протяжении более десяти столетий, «исчезает», остаются лишь доведенные до высокой степени совершенства логически-дискурсивные средства его постижения.

В то же время интенсивные исследования номиналистического крыла схоластики как бы подсказывают, в каком направлении следует искать новое понимание реальности — такой устойчивой реальности, с которой непрерывно имеют дело исследующие единичное бытие вещей номиналисты со всевозрастающей очевидностью оказывается природа. К пониманию природы в качестве воплощенной реальности направляли человеческую мысль этого периода и социальные обстоятельства — превращение земли в непосредственно-предметное выражение собственности, равно как и всевозрастающее влияние собственности на вещественно-механические орудия труда, не могло не ориентировать общественное сознание, ищущее новые мировоззренческие ориентиры, в том же направлении — в сторону природного бытия.

Отсюда — своеобразная переориентация в сторону как бы восстановления телесно-вещественного идеала бытия античности, сопровождающаяся постепенным отказом от аскетически-квиевистских идеалов средневековья, что отражается и в самоназвании наступающей раннебуржуазной эпохи — Возрождение. Разумеется, Возрождение не было буквальным повторением античности; это была, если выразиться точнее,

своеобразная «неоантичность», «прочитывающая» античность под углом зрения современных раннебуржуазной эпохе социально-исторических задач. Соответственно, вещественно-телесная сущность бытия толкуется мыслителями Возрождения, не в качестве субстанции универсального (реально-идеального) космоса античного образца, а в специфической форме живой, одушевленной материи, высшим выражением которой является человек как целостное единство души и тела, разума и чувства. Отсюда второе распространенное самоназвание этого исторического периода — эпоха гуманизма. Непосредственно термин «гуманизм» восходит к факту выделения в качестве автономной области *studia humana* «гуманитарных», т. е. светских наук, наряду со *studia divina* - «божественных» наук.

Важнейшим источником творчества мыслителей-гуманистов была конкретная реальная жизнь, определявшая не только содержание, но и форму их произведений (Франческо Петрарка, Джованни Боккаччо и другие деятели Возрождения пользуются не латынью, а живым народным языком). Раскрывая специфику вещественно-телесной тематики в творчестве гуманистов на примере Франсуа Рабле, М. Бахтин пишет: «Тело и телесная жизнь... носят здесь космический и одновременно всенародный характер; это вовсе не тело и не физиология в узком и точном современном смысле; они не индивидуализированы до конца и не отграничены от остального мира. Носителем материально-телесного начала является не обособленная биологическая особь и не буржуазный эгоистический индивид, а народ, притом народ в своем развитии вечно растущий и обновляющийся. Поэтому все телесное здесь так грандиозно, преувеличенно, безмерно. Преувеличение это носит *положительный, утверждающий характер*. Ведущий момент во всех этих образах материально-телесной жизни — плодородие, рост, бьющий через край избыток. Все проявления материально-телесной жизни и все вещи отнесены здесь... не к единичной биологической особи и не к частному и

эгоистическому, «экономическому» человеку, — но как бы к народному, коллективному, родовому телу...»¹.

Глубокому переосмыслению в духе рождающейся буржуазности подвергаются в эпоху гуманизма не только светские аспекты общественного сознания - литература, искусство, философия и наука; даже в религиозном сознании намечаются «смещения» некоторых акцентов в сторону приближения к реальной живой человеческой личности, о чем свидетельствуют идеи Реформации Мартина Лютера и Ж. Кальвина.

В связи с тем, что сущностным воплощением бытия становится природа, знание о природе — *естествознание* — выдвигается на первый план, претендуя на том же основании, что и теология в предшествующий исторический период, на роль *главной науки*. Философия же постепенно превращается в своеобразную «служанку естествознания». Впрочем, на первых этапах новой эпохи естествознание во многом еще было не похоже на то, чем стало впоследствии. Типичный пример того, что представляло собой естествознание на стыке средневековья и Возрождения, дают астрология, алхимия и другие «сциентные феномены» средневековья, которым впоследствии было «присвоено» выразительное (хотя и не вполне заслуженное) название «лженаук».

Алхимия, конечно, в свое время была необходима. Однако это не означает, что данная необходимость определялась какими-то «кусочками» ее содержания, впоследствии вошедшими в качестве «составных частей» в химическую науку. Алхимия, по мнению В. И. Кузнецова, представляет собой «некую целостность, включающую в себя взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты — научные обобщения и фантазию, рациональную логику и мифологию, грани прогресса и консерватизма»². Поэтому попытка буквального прочтения алхимического текста с целью

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.,1965. С.24.

²Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. – М.,1979. с.6.

вычленения только «научно-значимого» приводит к тому, что ускользает главное. Образ мышления алхимиков, именно химический образ мышления оказывается непознанным. Главный интерес в истории алхимии представляет не то, в какой мере алхимия еще не стала или уже стала химией, а то, что она исторически неповторимо выражает определенную систему взглядов, определенный способ мышления определенной эпохи. Главная цель алхимии, согласно общераспространенному мнению, — получение золота; на самом деле получение золота — лишь побочный прагматический результат совершенно иной цели. Ведь согласно средневековым представлениям, земное бытие — тварное, «ничтожное» (из ничто сотворенное). Поэтому, двигаясь по направлению к «божественному» бытию, оно как бы «очищается» и обретает все более и более совершенную форму бытия. Как писал позднесредневековый мистик Мейстер Экхарт, «сокровеннейшая природа всякого злака предполагает пшеницу, всякой руды — золото...». Поэтому получение золота — это «очищение» металла (путем многочисленных превращений в последовательно сменяющие друг друга формы все более и более высокой степени совершенства) от «ничтожества» и дарование ему бытия в наиболее совершенной форме. Алхимическое действие во многом — священнодействие, в котором громадную роль играет магическое слово-рецепт, как бы повторяющий творческий акт бога в слове. «Рецепт, — замечает в связи с этим В. Л. Рабинович, — не только о построении вещи, но и о ее понимании, о ее божественном, смысле. Создать вещь означает воспроизвести творческое слово об этой вещи. Действие и молитва вкупе составляют средневековый рецепт. Вещь как результат рецепта не только сумма предписывающих приемов, но и акт творения в слове, который выше всех предписаний. Священная тайна мастера. В результате — шедевр, свидетельствующий о мастере и его мастерстве, а вовсе не о материальных основаниях вещи... Стадо быть, средневековый рецепт как особая форма деятельности средневекового человека — не просто

сумма предписаний для последующей исполнительской деятельности, но такая форма деятельности, в которой словесно-заклинательное предвосхищается, осуществляется сама эта деятельность. Мнемонически закрепляется в эмоционально напряженной форме, приводя в священный трепет мастера, подвигая его к священной жертвенности во имя шедевра — венца ремесленных процедур. Вне этого нет средневекового умения — средневекового мастерского ремесла— искусства; молитвенного ремесла... Алхимическое слово гетерогенно. Это — слово-миф, слово-космос, слово-вещь»¹.

Непосредственные занятия изучением природы в нашем смысле слова были практически невозможны в средние века — ведь такое «общение» с природой в ее «чистом» виде означало «общение» с «ничтожной» и потому несовершенной, греховной и, естественно, «сопричастной дьяволу» иллюзорной «видимостью» бытия. Вот почему изучение природы, интенсивно начинающееся уже в XII — XIII веках главным образом в рамках номинализма (хотя и реалисты не чуждались этого рода занятий — так, учитель Фомы Аквинского Альберт Великий написал 26 книг по зоологии, 7 - по ботанике и ряд книг по минералогии, алхимии и др.), обязательно предполагает внесение своеобразной магико-теологической «методологической благодати». Последнее как бы уподобляет манипуляции с природным веществом таинствам «божественного» мира.

Такова средневековая алхимия, таково вообще средневековое «естествознание». Недаром ученый-естествоиспытатель, даже «освящающий» свои занятия христиански-идеологическим оформлением, с точки зрения повседневного сознания человека средних веков всегда есть маг и чародей, находящийся в опасном соседстве с «нечистой •силой» и часто вступающий в отношения с ней. Но ведь таково не только средневековое

¹ Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. — М., 1979. с.68.

естествознание. Значительные рудименты своего магически-колдовского происхождения (особенно значительные именно в теоретически-мировоззренческом своем аспекте) оно сохраняет на протяжении всей эпохи Возрождения, а в отдельных случаях даже в Новое время. Возможно, поэтому инквизиции сравнительно легко удавалось в период так называемой Контрреформации убедить общественное мнение в правомерности применения к ученым-естествоиспытателям (таким, как, например, Джордано Бруно) аутодафе.

Естественнонаучные концепции многих мыслителей Возрождения, таких как Н. Кузанский, Т. Гогенгайм (Парацельс), Дж. Бруно и другие, носят отчетливо выраженный «магический» характер. Даже Френсис Бэкон—этот, по определению «родоначальник английского материализма и всей современной экспериментирующей науки» - называет свою «практическую философию» магией. Отсюда понятно, что опирающаяся на естествознание философия Возрождения резко антагонистична аристотелизму (в его томистско-рационалистической интерпретации) и явно симпатизирует платоновским мотивам с их иррационалистически-неоплатоническими реминисценциями.

Вытеснение средневекового мировоззренческого идеала бытия - духовности — новым, буржуазно-натуралистическим - природой - происходит не по линии «тотального» отбрасывания традиционных ценностей, а скорее путем их кардинального переосмысливания. Это особенно показательно по отношению к основной мировоззренческой ценности средних веков — идее бога. С началом эпохи Возрождения ключевые позиции в философии занимает материалистическая линия, которая, получая мощную поддержку в естествознании — этой главной отныне области общественного сознания — безраздельно господствует в философии вплоть до XVIII века. Однако не только материализм Возрождения, но даже и материализм Нового времени в лице большинства своих представителей не

был в полной мере атеистическим. Антитеологическая заостренность материализма, выражающая его антифеодалные установки, выявляется в принятии теории «двойственной истины», служившей в поздней схоластике, начиная с Сигера Брабантского, формой «эмансипации» светского знания и «растворения» бога в природе. Подобного рода пантеистический характер натурфилософии у Н. Казанского, Т. Гогенгайма, Дж. Бруно и других не просто «уступка» религии, «дань времени». Рассматривая природу как активное, «живое» единство, представители пантеистической философии не могли обнаружить в «самой по себе» природе внутреннего источника активности и «жизни» и потому прибегали к помощи традиционного «одухотворяющего» начала бытия — к «разлитому» в природе богу.

Пантеистически толкуемая природа позволяла также непротиворечиво объяснять природный характер человеческого существа, в том числе и такой его специфической характеристики, как разум. Если «одухотворена» сама природа, то нет ничего противоестественного и в разуме человека. Такое пантеистически-гуманистическое умонастроение пронизывает многие материалистические концепции Возрождения вплоть до Бэкона, что позволяет им выразить не только непосредственную достоверность материального бытия (его действительность), но и его творческие потенции. Именно за это высоко оценивался материализм Ф. Бэкона, утверждая, что он «таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку»¹.

Однако человечески-личностные характеристики, так органически «вписывающиеся» в природу, вызывали у ряда материалистически ориентированных натурфилософов Возрождения слишком тесные ассоциации с традиционной (средневековой) духовностью. Отсюда первоначальное пантеистически толкуемое единство человека и природы переживает постепенную поляризацию на субъективное (человеческое) и

¹ Маркс к., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. с.142

объективное (природное), в результате чего борьба против абстрактной субъективности христианства приводит философию к противоположной односторонности; субъективности была противопоставлена объективность, духу — природа, спиритуализму — материализм, абстрактно-единичному — абстрактно-всеобщее, субстанция. Именно поэтому «в своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению; геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку». «Враждебность» этого (метафизически-механистического) материализма человеку проявляется в стремлении «разложить» все специфически человеческое на составные части и полностью «редуцировать» его к механически толкуемой природе.

Это планомерное «наступление» на субъективно-человеческое в содержании философии предпринимается с целью преодолеть враждебный человеку бесплотный дух, господствовавший в средневековой философии. Подобное преодоление субъективности хотя и устраняло «бесплотный дух» и его наиболее полное воплощение— идею бога — из мира, тождественного отныне «чистой» природе, на деле оказывалось весьма односторонним в силу своей метафизичности актом. И эта односторонность четко просматривается уже у догоббсовских, еще эпохи Возрождения, мыслителей материалистически-«антисубъективистской» ориентации, таких как Б. Телезио, Л. да Винчи, Г. Галилей. Последний, будучи старшим современником Гоббса, выразил основную линию указанной ориентации с наибольшей последовательностью. Опираясь на теорию «двойственной истины», Галилей «выводит» бога за рамки природы. Религия и вера, согласно Галилею, совершенно некомпетентны в вопросах познания природы, последняя образует сферу компетенции разума. Однако Галилею не удается

полностью «развести» области науки и религии. В достаточной мере исчерпывающе описывая наличное (действительное) положение вещей в мире, материальную вселенную в данный момент времени, механико-математические методы Галилея оказываются бессильными описать возникновение, становление, развитие этой вселенной, т. е. качественно иные временные параметры материального бытия, его прошлое и будущее, его историю. И это понятно, механика и математика знают лишь чисто количественный аспект времени (и пространства) — любой момент времени для них тождествен любому другому и потому они не знают ни прошлого, ни будущего; история для них есть в лучшем случае лишь хронологическая последовательность инвариантных временных «отрезков». Поскольку, таким образом, история не поддается «естественному» (механико-математическому) объяснению, приходится (ибо возникновение мира все же нужно как-то объяснить) обращаться к сверхъестественному объяснению, т. е. прибегать к творческому акту «выведенного» за рамки природы бога. Это — деизм, другая метафизическая крайность, к которой приводит механическое отрицание пантеизма. Подобная деистическая позиция (как и пантеизм Дж. Бруно) опять-таки была не просто «уступкой» времени — это был, конечно, компромисс, но компромисс вынужденный. Механистический материализм внутренне либо пантеистичен, либо деистичен, ибо не может объяснить «активность» (диалектичность!) материального бытия, не прибегая к «внешнему» его источнику — богу. Механистическая ущербность этого материализма находит свое вполне логичное, хотя и парадоксальное на первый взгляд, «восполнение» в творческой мощи бога.

С деистическим (и пантеистическим) «восполнением» метафизического материализма мы встречаемся вплоть до XVIII века. Ведь именно к богу апеллирует Рене Декарт, обнаружив невозможность средствами своей философии раскрыть реальную связь духа и тела — развиваемое Декартом онтологическое доказательство бытия бога как раз и имело своей задачей

«спасти» целостность картезианства, дуалистически «распадавшегося» на материалистическую «физику» и идеалистическую «метафизику». Даже Борух Спиноза, исключенный «за безбожие» из религиозной общины, не смог отказаться от идеи бога, без которого принцип *causa sui* его субстанции-природы «повисал в воздухе». А «не измышлявший гипотез» Исаак Ньютон, обнаружив, что не только возникновение, но и устойчивость Солнечной системы не находят исчерпывающего объяснения в законах механики, вынужден был «измыслить» гипотезу бога, не только творящего, но и постоянно «поддерживающего» равновесие Солнечной системы. В письме к епископу Р. Бентлею от 11 февраля 1693 г. Ньютон писал, что движения небесных тел «нельзя было бы вывести из силы тяготения... они необходимо должны были быть сообщены божественной рукой».

Материалистическая философия эпохи Возрождения при всей ее пантеистической ограниченности развивалась в условиях, когда буржуазные общественные отношения еще только вырастали в недрах феодализма. Вот почему проблема переустройства общественных отношений весьма живо волновала рождающуюся буржуазию, что и находит выражение в наличии в философии этого периода «зародышей всестороннего развития», т. е. определенных практически-творческих установок на революционное преобразование общественного бытия. Однако уже при жизни Гоббса и Галилея материализм «становится односторонним», т. е. ориентируется главным образом на предмет лишь «в форме объекта», утрачивая ориентацию на «человеческую чувственную деятельность». Эта метаморфоза, завершившая превращение рождающегося в эпоху Возрождения буржуазного материализма в классический метафизический материализм Нового времени, в специфически философской форме отразила тот конкретно-исторический факт, что сложившиеся в недрах феодализма буржуазные общественные отношения приобрели настолько развитый характер, что в ряде стран (Англии, Нидерландах,) буржуазия предпринимает

попытки политического оформления уже совершившегося в рамках базиса переворота. Поэтому мировоззрение буржуазного класса постепенно утрачивает свой практически-гуманистический характер. Свою настоящую задачу буржуазная философия все более начинает усматривать не столько в разработке принципов активного вмешательства человека в действительность, сколько в изыскании способов возможно более точного воспроизведения уже сложившегося положения вещей (поскольку сложившимися были буржуазные отношения, которые вполне устраивали буржуазию) с целью наиболее адекватного приспособления к нему. О возрастающих приспособительских (а не революционно-преобразующих) ориентациях буржуазного класса свидетельствует хотя бы тот факт, что даже такие, казалось бы, несомненно, революционные акты, как захват политической власти, были в своей сущности действиями, приспособляющими государство, право и другие элементы надстройки к наличному (уже буржуазному) базису. Недаром буржуазия почти нигде не шла на слом старой государственной машины, а просто приспособляла феодальный государственный аппарат к своим потребностям (взять хотя бы конституционные монархии в Англии и Нидерландах). Там же, где создавалась новая государственность — например, во Франции XVIII в., давшей классический пример буржуазной революции, — она, как и остальные элементы надстройки, рассматривалась не как творческий продукт социального действия, а как приспособление к требованиям человеческого разума или даже как восстановление «попранной тиранами» вечной справедливости, добра, равенства, свободы и т. п.

Разумеется, метафизический материализм сыграл выдающуюся прогрессивную роль в истории Нового времени, поскольку" на протяжении нескольких столетий был философским ядром мировоззрения буржуазии — класса, произведшего величайший революционный переворот в общественном бытии. Однако по мере утраты буржуазией прогрессивной роли

утрачивал свою прогрессивность и метафизический материализм. Во второй половине XIX века после возникновения научного, диалектического и исторического материализма, метафизический материализм вступает в фазу кризиса и быстро деградирует в различные позитивистско-натуралистические (Г. Гельмгольц, И. Мюллер, П. С. Юшкевич, Ч. Моррис и др.), агностические (Т. Гексли), иррационалистические (З. Фрейд) течения, утрачивающие на каком-то этапе этой деградации материалистический характер и сливающиеся с идеализмом. Продолжавшее «по инерции» ориентироваться в мировоззренческом плане на метафизический материализм, утрачивающий во второй половине XIX в. свою прогрессивность, естествознание попадает в ситуацию жесточайшего кризиса, одним из парадоксальных проявлений которого было порождение реакционных поползновений самим прогрессом науки.

Однако, прежде чем перейти к анализу английской философии Возрождения и ее языка, мы хотели бы остановиться на одном малоисследованном, как нам представляется, вопросе - влиянии мусульманских мыслителей на европейскую философию Средних веков и Возрождения, а через это - на философию Англии и её понятийную лексику в XIV - XVII веках.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ, ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ЯЗЫКА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Связь восточных перипатетиков и английской философии Возрождения

Основная наша цель в данном параграфе – дать самую общую комплексную постановку данной проблемы и установить её методологическое значение. Последнее обусловлено тем, что она фокусирует в себе фундаментальные задачи культурно-исторического знания на современном этапе. Задачи эти, связанные с исследованием процессов развития культуры как системы, с выявлением в них противоречивого единства и взаимозависимости общих и регионально-неповторимых свойств, как нельзя лучше стимулируют поиск в данном направлении и задают ему исходные теоретические ориентиры.

Историческая взаимообусловленность традиций однозначно доказывает, что, если принимается зависимость английского философского понятийного аппарата Возрождения от общих закономерностей и тенденций этой эпохи, признается обусловленность Возрождения средневековьем и особенно античностью, то необходимо согласиться и со следующим за этим выводом - сочинения арабоязычных философов средних веков стали одним из главных источников¹, по которым непосредственно или опосредовано изучали эту науку все выдающиеся возрожденческие философы Европы, включая английских. Восточной, вернее Центрально-азиатской, философской мысли науки IX-XIII вв. по праву принадлежит видное место в развитии Европы. Культурно-философское влияние этого региона, как известно,

¹ Здесь мы считаем уместным обратить внимание на следующее. В научной литературе этих выдающихся людей называют арабскими учеными. Однако ярчайшие умы того времени - Фараби, Ибн-Сина, ал-Газали и другие - не были арабами в современном понимании. Их называли арабами средневековые европейцы, найдя таким образом удобный термин, в котором они обобщили научное течение, представителями которого были арабы, иранцы, турки и другие. Арабский язык был общим языком науки.

пережило само историческое время, а опытно-индуктивный подход к изучению природы, с одной стороны, постановка больших теоретических проблем в области естественных наук - с другой, обусловили огромную роль открытий Центрально-азиатских мыслителей, которые, по сути “послужили началом становления мировоззренческих принципов в науке Ближнего и Среднего Востока, исходя из познания природы, объективного мира”.¹

Изучение трактатов арабских философов² европейцами было обязательным этапом освоения ими основ философских знаний, о чем свидетельствует, тот факт, что, уже в X- XIII вв. в библиотеках Оксфордского и Кэмбриджского университетов имелись в наличии фундаментальные труды наших соотечественников Фараби и Ибн-Сины³. Этому способствовала и школа переводчиков, сформировавшаяся в Испании (VII- XII вв.), которая не только открыла Европе мир античной философии, но сделала ее достоянием научную мысль и произведения многих ученых- философов Мавераннахра- Мухаммада Мусы Хорезми, Абу Насра Фараби, Ахмада Фергани, Абу Райхана Беруни, Абу Али ибн Сины. В Европейских государствах над переводами этих ученых трудились тысячи переводчиков, перед которыми на первый план выдвигалась проблема перевода на арабский язык произведений с греческого, сирийского языков, санскрита, фарси и ознакомления с ними, тем самым, ученой общественности. Среди ученых, служивших в Халифате и занимавшихся переводом на арабский язык с греческого, сирийского, фарси и хинди, особо выделяются Хунайн ибн Исхак (810- 873гг.), Исхак ибн Хунайн, Хубайш Сабит ибн Курра(886- 901 гг.), Яхья ибн Ади, Исхак ад-

¹ Кабулов В.К., Файзуллаев А.Ф., Назиров Ш.А.. Ал-Хорезми, алгоритм и алгоритмизация. – Т.: Фан, 2006. – С. 7.

² Именно удобством использования термина объясняется еще один исторический парадокс - именование цифр как арабских. Систему десятичного исчисления европейцы заимствовали через предка узбеков ал-Хорезми и по его, якобы, принадлежности к арабам назвали эти цифры арабскими. Деление цифр на арабские и римские сегодня общепринято, хотя в подлинно арабских странах эти «арабские» цифры не используются. Так же и философия, именуемая «арабской», в действительности олицетворяла собой достижения научной мысли, приспособленные к требованиям ислама и сложившиеся на основе генезиса культур различных регионов и народов, вошедших в халифат.

³ Маданиятимизнинг безавол дурдоналари. Британия кутубхоналаридаги буюк алломаларимизга оид манбалар / Дастур рахбари. – Лондон, 2002.

Димишки, семья Масарджувайхов, Ноубахт, ибн Мукаффа, ибн Манка, ибн Вахшиа.

Касаясь культурных связей между арабским Востоком и Западной Европой, Ж. Кондорсе, французский мыслитель XVIII века, отмечает: “Труды арабов погибли бы для человеческого рода, если бы они не послужили для приготовления возрождения более прочного, картину которого представит нам Запад” и что “арабы (т.е. мыслители центральной Азии – К.Ш.) распространяли на Западе зародыши гуманизма, которые должны были дать плоды в более счастливые времена”¹. Эти плоды мусульманской культуры, философии, гуманизма подготовили такие центры эллинической культуры, находившиеся в подчинении Халифата, как Александрия, Эфесс, Насибин, Селевкия, Атиохия, Джундишапур, Бактрия.

Достижения философской мысли мусульманского Востока стали также достоянием Запада; они были восприняты, развиты дальше и подняты на новую, более высокую ступень. В этом значительную роль сыграли Шартрский и Парижский Университеты, учебные центры городов Болоньи, Падуи, Генуи и особенно Оксфордский университет и его выдающийся представитель аверроист-францисканец Роджер Бэкон (1214-1291), который высоко чтит учения Авиценны, чьи философские труды были его настольными книгами², и Аверроэса, использовал идеи других Восточных авторов, в частности, Фараби³. Труды мыслителей мусульманского Востока оказали плодотворное влияние на творчество и мировоззрение таких ярчайших представителей европейской философской мысли как Сигер из

¹ Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума . М., 1936. С. 113; 127.

² Известно, что произведения Ибн Сины имели на Р. Бэкона такое воздействие, что он изложил свои впечатления о них в ряде писем, адресованных самому Ибн Сине (См.: Бернал Д. Ж. Наука в истории общества. М., 1956. -С.167)

³ Чалоян В.К. Восток-Запад: Преемственность в философии античности и средневекового общества. – М.: Наука. 1979. - С. 182-183; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. - М.: Наука, 1982. - С. 124; Сирочев Ф. Масъалоҳои фалсафаи хастӣ дар китоби «Начот»и Ибни Сино.- Душанбе: Дониш, 1980. -С. 133; Рахматуллаев Н. Философские взгляды Ибн Сино в книге «Указания и наставления». – Душанбе: Дониш, 1980. -С.83 Сулейманова Ф. Восток и Запад. –Т.: А. Кадыри, 2001. -С. 210; World Book Encyclopedia. –N.-Y.Vol.2.1996. -P.19.

Брабанта, Адельярд из Бата, Иоанн Солсберийский, Кларенбальд, Амальрик из Бена. Прежде всего это влияние шло от трех великих философов – Фараби, Ибн Сины и Ибн Рушда. Это изучение велось во всех видах - школах, церквях, университетах.

Для интеллигенции передовых Европейских стран XI- XIV веков считалось обязательным знание арабского языка, хотя бы общее знакомство с культурой, литературой, наукой и техникой Востока. А функционирование университетов, особенно их медицинских факультетов, без знания арабоязычной науки и арабского языка было практически неприемлемо. Для убедительности приведем жалобы Кордовского епископа IX века Альваро на своих единоверцев, изложенные им на латыни в произведении "Indeculus Luminosus" (854г.): "Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергнуть, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большой правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на Священное писание? Кто среди них изучает Евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят огромные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски изящно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы"¹.

¹ Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. М., 1967. -С. 57-58; Так же: Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. М., 1937. -С. 11-12.

Европейцы действительно активно изучали арабоязычных мыслителей и в Средние века, и в Возрождение - именно в течение этих периодов арабоязычная философия и выполнила, так сказать, свою историческую миссию. Однако эта важнейшая, на наш взгляд, проблема до сих пор по непонятным причинам не получила должного освещения в науке и, как мы надеемся, она еще ждет своего исследователя.

Чтобы не быть голословными, приведем мнение ведущего специалиста по философии Возрождения А.Х. Горфункеля. В одной из своих статей последних лет он утверждает: "Со времени зарождения философских школ там господствовало аверроистское свободомыслие, сложившееся под воздействием средневековой восточной мысли и натуралистических истолкований Аристотеля... Разумеется, он (философ итальянского Возрождения XVI в. П. Помпонацци - К.Ш.) верен традиции, проще сказать, профессиональным обязанностям: преподаватель философии должен был толковать сочинения Стагирита, привлекая его авторитетнейших комментаторов - Авиценну (Ибн Сину), Аверроэса, Фому Аквинского и других"¹. Это не просто слова. Действительно, неизвестно, как развилась бы дальше философия (а через нее и все другие науки, включая естественные), если бы арабоязычные философы VIII - XV веков и особенно X - XII веков не подхватили знамя мировой науки, упавшее под натиском средневековой теологии, и не пронесли его через этот тяжелый период².

Действительно, год 529 в истории мировой цивилизации мог стать концом античной культуры, если бы не жаждущий знаний Восток. Именно благодаря философам, выходцам из Центральной Азии, античная мысль не угасла. С IX века арабоязычным просветителям стали известны труды Аристотеля, и через них вся Европа познакомилась с гениями философии.

¹ Горфункель А.Х. Постоянство разума/ Свободомыслие Пьетра Помпонацци// Помпонацци П. Трактаты. - М., 1990. -С. 6.

² Комилов Н. Тафаккур карвонлари. - Т., 1999. -С.57-59; Голованова В. Г. Курс лекций по основам философии. - Т., 1999. -С. 79; Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. - М.: Наука, 1982. -С. 252-269; Рассел Б. История западной философии. -Новосибирск, 1999. -С. 393-401.

Какова же была историческая почва, на которой появились эти мыслители, кто были они, в чем их заслуга, какое влияние оказали они на Возрождение и на Западную философию данного периода, в чем заключалась их роль как классических комментаторов античных текстов? Мы не будем рассматривать всех арабоязычных авторов. Это чрезвычайно заманчивая идея, но она отвлекла бы от основной нити нашего исследования. Обратимся лишь к наиболее признанным авторитетам, дав краткую характеристику эпохе, затем творчеству каждого из них.

Мир на любой стадии следует рассматривать не разрозненно, а в его единстве и целостности, в связях и общих моментах, во всеобщем движении, с присущими ему противоречиями и противоборствующими силами. В связях и общениях между частями и ступенями развития мира проблема преемственности во времени и пространстве имеет первостепенное значение. Под этим углом зрения мы рассматриваем линию преемственности мусульманского Возрождения, идущего от Востока к Ренессансу Запада, и, в частности, английского Возрождения. Историческая взаимообусловленность традиций однозначно свидетельствует об обусловленности английского Возрождения Средневековьем и особенно мусульманским Возрождением (X-XIII вв.).

Естественно, преемственность в развитии философии Востока и Запада выражалась по-разному на различных этапах. В IX-XIII веках на Востоке, главным образом в Центральной Азии, передовые мусульманские мыслители, возрождая эллинскую и эллинистическую философию, дали ей свою интерпретацию и в таком виде познакомили с ней представителей западного мира. Так осуществлялась преемственная связь между философией античности и философией Средневекового Востока, с одной стороны, и между философской мыслью арабо-язычного культурного мира и философией Запада – с другой. Именно арабо-язычная философия в свое время (IX-XIII вв.) оказала огромное влияние на философию Западной Европы,

способствуя тем самым синтезу этих культур. Говоря об этой философии, мы имеем в виду результат усилий многих народов Центрально-азиатского региона, тюрков, персов, арабов, сирийцев, евреев, таджиков, каждый из которых создал свою культуру и на фундаменте относительной общности их исторических судеб, социально-экономических, духовно-политических путей развития дал мощный импульс философским, естественнонаучным, общественно-политическим концепциям, между которыми оказалось много общего.

Начиная с VII века происходило объединение арабских племен, вслед за которым последовала невероятно быстрая их экспансия на север Африки, на обширные территории Ирана, Средней Азии и Закавказья. На Западе арабские владения простирались по африканскому побережью Средиземного моря вплоть до Пиренейского полуострова, завоевание большей части которого было завершено в середине второго десятилетия VIII века. Последствием этого, естественно, должно было быть самое интенсивное общение народов, взаимодействие их культур, установление преемственных связей между ними в различных сферах творческой деятельности¹.

Господство арабов в Испании, длившееся почти восемь веков, обусловило расцвет арабоязычной мусульманской культуры на Западе, развитие «арабо-испанской» философии, появление таких крупных мыслителей как Ибн Баджа (ум. В 1138 г.), давший материалистическую интерпретацию философии Аристотеля, Ибн Туфейль (1110-1185), который, находясь под сильным влиянием неоплатонизма, создал философский трактат «Роман о Хайе, сыне Якзана», и Ибн Рушд (1126-1198), как бы подытоживший всю арабоязычную философскую культуру, и создавший учение, ставшее важной вехой в истории всеобщей философии.

¹ Чалоян В. К. Восток-Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. – М.: Наука, 1979. –С. 145; Казибердов А.Л., Муталибов С.А. Абу Наср ал-Фараби. Исследования и переводы. –Т.: Фан, 1986. –С.104.

На территории полуострова получили развитие восточная культура, наука и техника, философия и литература. Синтез культуры народов, вошедших в территорию Халифата, особенно Мавераннахра и Ирана, и дальнейшее развитие ее в Испании стали вехой для народов Европы, особенно для приграничных с Испанией государств. Следовательно, они явились толчком к становлению и развитию культур народов Запада. Культура мусульманского Востока оказывала свое воздействие на культуру Запада различными путями. Халифат общался с народами Запада и на военно-политической, и на торгово-экономической, и на культурно-идеологической почве.

Признано, что для усвоения и ассимиляции Европой достижений философии, естествознания, медицины, астрономии и математики, созданных в VIII-XIII веках на территории, начиная с Северной Африки и Пиренейского полуострова и до границ Китая, понадобилось свыше пяти веков. И. Н. Голенишев-Кутузов, ссылаясь на французского ученого Г. Куарди и его работу «Арабская философия в средневековой Европе» (Париж, 1847), пишет: "В Багдаде, при дворе Аббасидов, в Кордове Омайядов и Альмавидов в VII-XII веках процветали замечательные школы ученых, связанные с математиками и мыслителями мусульманской Средней Азии. Таким образом, от Самарканда до Толедо (перешедшего со всеми арабскими библиотеками в руки христиан при начале «реконкисты») тянулась одна линия культурного развития. Европа до самого XII века была лишь периферийной областью греко-арабской науки..."¹.

Это подтверждают и работы Уотта У. Монтгомери и Ф. Дитерици, где содержится богатый материал о влиянии арабоязычной философской мысли в целом на духовную жизнь средневековой Европы. Уотт У. Монтгомери свидетельствует о том, что в "XIII веке европейские ученые, интересующиеся наукой и философией, осознали, как много им надо учиться у арабов

¹ Голенишев-Кутузов И.Н. Данте и предвозрождение. Литература эпохи Возрождения. -М., 1967. -С. 60.

(т.е. арабоязычных ученых – К. Ш.), и принялись штудировать основные арабские труды, а также переводить главные из них на латынь...”, а так же “все последующее развитие европейской философии в глубоком долгу у арабских авторов; и Фома Аквинский столь же обязан аристотелианству Аверроэса, как и Сигер Брабандский”¹. Ф. Дитерици отмечает, что средневековая Европа ознакомилась с древнегреческой философией прежде всего через арабоязычную философию, благодаря трудам Фараби, Ибн Сины, Ибн Рушда². Общеизвестно, что интеллектуальное движение, отцом которого был Ибн Рушд (XII век), оказывало влияние на европейскую мысль до момента появления экспериментальной науки. По мнению Гюи в Европе XII-XIII веков после знакомства с переводами трудов ученых мусульманского мира появляется потребность сближения вообще с Востоком и его культурой. В 1311-1312 годах по указу Венского Собора в университетах Парижа, Рима, Оксфорда, Болоньи, Саламанки организуются кафедры восточных языков. Целью их являлось использование сокровищниц восточной науки³.

В Средние века культура народов арабо-ираноязычного мира пережила два периода развития – восточный и западный. Первый охватывает VIII-IX века и знаменуется творческим расцветом народов Мавераннахра, Месопотамии, Сирии и Египта. Центрами культуры тогда являлись Бухара, Самарканд, Багдад, Басра, Каир, Дамаск. С переводом столицы Халифата из Дамаска в Багдад (762 г.) наступает качественно новый этап взлета научной мысли. Аббасидские халифы ал-Мансур (754-775гг.), Харун ар-Рашид (786-809гг.) и его сын ал-Маъмун (813-833гг.) не только благосклонно относились к наукам, но и активно покровительствовали их развитию, особенно философии, математике, астрономии. Многие ярчайшие звезды науки –

¹ Монтгомери У. У. Влияние ислама на средневековую Европу. -М., 1976. -С. 82.

² Dietirici F. Die Philosophie der Araber im. 9, 10 Jahrhunderten. 4. Buch, Logik und Psychologie. Leipzig. 1868. S. 34.

³ Гюи. Влияние крестовых походов на западную цивилизацию// Ж. Атений. -1858. -№24. -С. 513 – 514.

ученые-энциклопедисты, творившие в Багдаде, являлись нашими соотечественниками, ставшими впоследствии основными созидателями передовой науки и философии.

В Мерве, где сын Харун ар-Рашида Маъмун собрал вокруг себя целую плеяду блестящих ученых – выходцев из Хорезма, Ферганы, Согдианы, Шаша, Фараба, научный костяк составили такие ученые, как Мухаммад Муса Хорезми, Аббас ибн Саид Джавхари, Ахмад Фергани, Ахмад ибн Абдаллах ал - Марвази (известный как Хабаш ал-Хасиб), Абу Бакр Ахмад бин Али ал-Марвази. В Багдаде, в «Байт ул-Хикма» («Академия Маъмуна»), и Хорезме (Вторая Академия Маъмуна) трудились, в основном, ученые – выходцы из Хорасана и Мавераннахра. Это – Мухаммад Муса Хорезми, Абу Маъшар ал-Балхи, Абу Наср Фараби, Абул Аббас ибн Мухаммад ибн Касир Ахмад Фергани, Яхья ибн Мансур, Ахмад ибн Абдаллах ал-Марвази (Хабаш ал-Хасиб), Турк ал-Хуттали, Марваруди, Баттани, Маъсуди, Халид ибн абд ал-Малик, Аббас ибн Саид Джавхари, Абу Наср Мансур ибн Ирак, Абу Райхан Беруни, Абу Бакр ар-Рази, Абу Касим Халф ибн Аббас аз-Захрави, Абу Али ибн Сина, Махмуд Кашгари, Махмуд Замахшари и другие¹.

Центрально-азиатский регион (Бухара, Самарканд, Мерв, Хорезм, Балх), будучи перекрестком мировых торговых путей, являл собой своеобразную богатую культуру и стал центром развития передовой науки и философии, сыграв решающую роль в формировании Багдадской "Байт ул-Хикма". По справедливому утверждению многих ученых, эта эпоха "была периодом широчайшего распространения Среднеазиатской, иранской, хорасанской культуры, науки, литературы и искусства на страны, завоеванные арабами, эпохой усвоения ими этих культур. Политическая власть, если и была у арабов, то культурное господство принадлежало им..."². Дж. Бернал, рассуждая о развитии науки в исламском мире, пишет: "В то время как

¹ Сулейманова Ф. Восток и Запад. – Т.: Кадири, 2001. -С. 188-189.

² Маршак Б. И. Согдийское серебро. - Л., 1971. -С. 88.

восточные империи и мусульманский мир переживали период блестящего расцвета, большая часть Европы все еще страдала от хаоса, вызванного падением Римской империи и варварскими нашествиями"¹.

Справедливо будет также привести слова русского ученого, академика Н. И. Конрада о сформировавшейся в IX-XI вв. в Центральной Азии культуре и науке: «Обратимся к мусульманскому миру, и прежде всего к мусульманскому миру Средней Азии IX-XI веков. Нам известно, что в эти столетия там имел место величайший для того времени расцвет науки, философии, просвещения. Но также известно и то, что ал-Фараби, Ибн Сина (Авиценна), ал-Хорезми, ал-Беруни и другие великие современники этого расцвета создавали направление тогдашней научной и философской мысли, переняв философское и научное наследие древнего мира. Они обратились ко всем источникам великих древних цивилизаций, с которыми их народы оказались связаны в своих исторических судьбах. ...Средняя Азия еще в древнейшие времена была местом скрещения путей к важнейшим источникам человеческой цивилизации и сама представляла один из центров этой цивилизации. Поэтому передовые деятели науки и философии среднеазиатского мира IX-XI веков – подлинные гуманисты по своим принципам, создавая новую образованность, новое просвещение, перешагнули через какую-то историческую полосу, лежащую посередине между их временем и древним миром, иначе говоря, через свои «средние века»².

Второй период охватывает XI-XII века, ознаменовавшиеся расцветом арабской культуры в Испании. Центры культуры перемещаются в Кордову, Севилью, Толедо и другие города на Пиренейском полуострове. Испания, ставшая фундаментом и посредницей мусульманской культуры Востока в

¹ Бернал Дж. Наука в истории общества. - М., 1956. -С. 170.

² Конрад Н.И. Средние века в исторической науке. Избр. труды. - М., 1975. -С.217.

целом и философии Центрально-азиатского региона Халифата, в частности, явилась аванпостом всей арабоязычной культуры, передавшей в страны Западной Европы достижения культуры, науки, архитектуры всех регионов Халифата. На этой почве выросла слава таких больших и процветающих городов арабской Испании как Кордова, Толедо, Севилья, Волюблис, Валенсия, Мурсия, Гранада, а также целого ряда талантливых просветителей, как поэт Ибн Зайдун (1003-1071), поэт-философ Ибн Хазм (994-1064), Ибн Туфейль (1110-1185), ученый-философ Ибн Рушд (1126-1198), суфий-философ ибн ал-Араби, философ Рабби Моше бен Маймун (Маймонид, 1135-1204), историки – путешественники Ибн Джубайр (1145-1228) и Ибн Баттута (1304-1377) и др.

Культура восточной части ирано-арабоязычного мира находит своё естественное продолжение в культуре его Западной части¹. Развитие культуры на Востоке подготовило почву для её расцвета на Западе. По свидетельству многих ученых, культуры этих двух частей ирано-арабоязычного мира и по содержанию и по форме настолько были похожи, что современники характеризовали Западную культуру, перенесенную на Восток, словами из Корана: “Это – наш же товар, возвращенный нам”².

Завоеванный арабами далекий Пиренейский полуостров, начиная с IX века, становится одной из передовых стран мира: в Андалузии растут производительные силы, ширятся экономические связи с Западными и Восточными странами, развиваются города и городская культура, расцветают торговля и ремесла. Все это служит благодатной почвой и обосновывает расцвет арабской культуры на Западе, включая и царицу наук - философию в

¹ Чалоян В. К. Восток-Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. - М.: Наука, 1979.-С. 150-151.

² Когда знаменитый ученый-везирь династии Буидов в Месопотамии Ас-Сахаб Ибн Аббад (ум. 995 г.) познакомился с Андалузской анталогией поэта и писателя Ибн Аббад Раббиха (ум. 940 г.), в которой он рассчитывал найти главным образом испанские материалы, ему пришлось не без иронии характеризовать этот сборник фразой из Корана: “Это – наш же товар, возвращенный нам”. (Крачковский И.Ю. Избр. Соч. – М.-Л., 1956, Т.2. -С. 470-471.)

лице ее ярчайших представителей - Ибн Баджа (ум. в 1138 г.), Ибн Туфейля (1110-1185), Ибн Рушда (1126-1198), на философские и научные концепции которых решающее влияние оказала философия Фараби. Первый из перечисленных философов знаменит тем, что дал материалистическую интерпретацию философии Аристотеля; второй, Ибн Туфейль, находясь под сильным влиянием философии неоплатонизма, создал философский труд «Роман о Хайе, сыне Якзана»; третий, Ибн Рушд (Аверроэс), - как бы подытожил всю арабоязычную философскую культуру и создал учение, ставшее важной вехой в истории всеобщей философии.

Многие ученые, приезжавшие на Пиренеи – центр мусульманской цивилизации - из других Стран Европы, чтобы купить арабские книги для перевода их на латынь, в большинстве своем не интересовались ортодоксальными мусульманскими теориями¹, приобретая только суфийскую литературу и отдельные научные трактаты. Деятели науки и искусства из различных стран мусульманского Востока также стекались в Андалузию, где они находили лучшие условия для творческой работы. Эта процветающая и относительно свободная страна с ее полнокровной политической жизнью, терпимостью в отношении различных идеологических концепций, свободомыслием, развитыми наукой и искусством, пользовавшимся в какой-то мере покровительством со стороны государства, не могла не пережить расцвета в сфере интеллектуальной жизни и оказалась в этом плане в более благоприятных условиях, чем остальные страны Запада. Следует так же отметить здесь особую роль средневековых еврейских мыслителей, таких как, Моисей Маймонид и другие, создавшие собственную культуру в рамках арабской цивилизации, оказав влияние, в частности, на развитие философской мысли Запада, и во многом способствовали установлению преемственной связи между арабоязычной и латинской культурами. Научные

¹ В своей книге «Наследие ислама» профессор Гийом отмечает, что ортодоксальные мусульманские авторитеты относились к поэзии, романсам, музыке и танцам, которым суфии уделяли особое внимание, не лучше, чем христианские епископы (Идрис Шах. Суфизм. -М., 1994. - С.9.)

и философские памятники, написанные или сохранившиеся на арабском языке, перешли в Западную Европу в значительной своей части благодаря деятельности испанских евреев-переводчиков.

Приблизительно с середины XII века, когда центр арабо-язычной культуры и философии прочно обосновался на Пиренеях, переместившись с Ближнего Востока, философия великих мыслителей мусульманского Востока ал-Кинди, Фараби, Ибн Сина, ат-Термизи – становится главным источником философии арабского Запада. В трудах этих мыслителей, в силу вполне определенных исторических обстоятельств, происходит значительное смещение обликов философии в культуре, когда она понимается расширительно и по сути дела отождествляется в сознании с научным знанием. Необходимо при этом ещё раз подчеркнуть особую роль восточных перипатетиков в этом процессе, а, значит, и в развитии всей человеческой цивилизации. Именно это философия и поразила современников своей огромной внутренней духовной силой, позволившей возможно впервые в истории поставить, теоретически сформулировать всю основную гамму проблем всеобщего универсального уровня, касающихся всех пластов, форм и типов бытия и, прежде всего, бытия человека и бытия общества.

Именно восточный перипатетизм лег в основу арабского перипатетизма на Западе. Эта философия явилась в истории новым колоссальным по своей силе полюсом духовности, консолидировавшим в себе на протяжении IX-XIII вв. все проявления прогрессивной рациональности, плодотворно синтезируя, при этом, культуры Востока и Запада.

Следует указать, что в преемственной связи между Востоком и Западом неоплатонизм играл второстепенную роль, что объясняется тем, что неоплатонизм арабоязычного культурного мира не был представлен на арабском Западе самостоятельным направлением. Однако встречающиеся в восточном перипатетизме понятия интуиции, экстаза, растворения человека в божественном интеллекте были в какой-то мере восприняты на Западе. Это

относится преимущественно к воззрениям Ибн Туфейля, у которого мы находим: «Уподоблением (т.е. единением с богом) достигается чистое созерцание и полное погружение, с одним – единственным устремлением внимания к существу, необходимо сущему. У созерцающего таким образом скрывается, исчезает и пропадает его собственная сущность, как равно и все остальные сущности, много ли их или мало, кроме сущности единого, истинного, необходимо сущего, великого, величайшего и всемогущего»¹.

Философия Аристотеля и её интерпретация, легшая в основу восточного перипатетизма ал-Кинди, Фараби и Ибн Сины, естественнонаучные открытия и вольнодумство этих великих мыслителей были восприняты и развиты дальше на арабском Западе Ибн Баджей, Ибн Туфейлем и Ибн Рушдом. Это преимущественно перешедшее из философии Аристотеля и античного перипатетизма в философию восточных перипатетиков наиболее значительные вопросы о вечности материи, о видах разума и связанные с ними проблемы материи и формы, возможности и действительности и некоторые другие. Говоря о преемственности философских идей, важно отметить, что Ибн Рушд в качестве источника своей концепции, утверждающей вечность мира, называет учения Фараби и Ибн Сины².

Таким образом философия арабоязычного Востока была перенесена на Пиренеи, и на ее основе была разработана и расцвела философия арабского Запада (Ибн Туфейль, Ибн Рушд, ал-Араби), которая, в свою очередь, дала мощный толчок всей европейской мысли³ и, прежде всего, английской, сделав очень многое для формирования и развития

¹ Ибн Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана. Пг., 1920. -С.39.

² Ибн Рушд. Опровержение опровержения.// Избр. произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. - М.,1961. -С.413.

³ Восток сохранил и передал Западу важнейшие памятники философии античного мира и Аристотеля; прежде всего Европа познакомилась с философией Аристотеля через восточных перипатетиков. Труды ал-Кинди были известны Западу уже в X-XI веках, в XII веке знали уже Фараби и Ибн Сину, в середине XIII века на латинский язык было переведено множество работ Ибн Рушда. [См.: Чалоян В. К. Указ. соч. С. 175.; Рахматуллаев Н. Указ. соч. С. 83; Сирожев Ф. Указ. соч.-С.133].

теоретического мышления вплоть до эпохи Ренессанса¹, когда европейская философия, органично и прочно стоящая на античной (древне-греческой) традиции, переданной ей восточными перипатетиками, смогла не только выявить и очертить проблемное поле философии, но и сформулировать собственный язык, понятийно-категориальный ряд, утверждая и неизменно поддерживая ничем не ограниченный интеллектуальный поиск, в том числе поиск ответов на ею же поставленные вопросы. В этом также сказалась преемственность связи философии Востока и Запада.

Первый крупный представитель исламской философии в Испании – Абу Бакр ибн Туфейль (1105-1185), известный в Европе как Абубацер. Он был визирем и придворным врачом халифа Абу Якуба Юсуфа (1163-1184). Философский трактат "Хайи ибн Якзан" прославил Ибн Туфейля на весь мир. Арабская Испания дала миру еще двух великих философов – Абул Валида Мухаммада ибн Ахмада ибн Рушда из Кордовы (1126-1198) и Мухиддина ибн ал-Араби (1165-1240), автора "Футухат ал-Меккийя" («Открытие Мекки»), "Фусус ал-Хикам" («Драгоценности мудрости») и основателя учения "вахдад ал-вужуд" («единство и единственность бытия»), оказавшего огромное влияние на развитие мусульманского богословия и ставшее, в итоге, основой самостоятельной суфийской философии².

Ибн Рушд и остальные перипатетики арабского Запада, восприняв аристотелевское учение о форме и материи, дали ему принципиально новую интерпретацию: они говорят о первичности материи, о том, что материя сама порождает свои формы и что формы суть нечто иное, как проявление материи. Аристотелевское учение о возможности и действительности трактуется ими следующим образом: возможность - это бытие в материальном субстрате, это возможность активности или движения,

¹ Величайший ум своего времени Роджер Бэкон (XIII век), как нами отмечалось выше, признает, что на становление его философских воззрений благотворно повлияла философия Востока с ее интерпретацией Аристотеля (См.: Чалоян В. К. Указ. соч. -С. 154; Камилев Н. Указ. соч. -С. 57-58).

² Турор У. Тасаввуф тарихи / С. Раъфиддин тахрири остида. – Т.: Истиклол, 1999. – Б. 126.

которые приводят к становлению действительности, нового бытия или формы в том же самом материальном субстрате. Учение о вечности мира и круг связанных с ним вопросов составляет одну из важнейших сторон перипатетической философии арабского Запада, а другую её не менее важную сторону составляет учение о разуме, в разработке которой участвовали все представители арабоязычного перипатетизма¹. Материалистические тенденции философии восточного перипатетизма на Западе развиваются в учении Ибн Рушда о материальном и деятельном разуме.

Влияние Востока прослеживается не только в философии, науке, оно заметно ощутимо и в художественной литературе. В литературе любой европейской страны можно найти следы суфийских влияний – тасаввуф. Характерные суфийские черты отличают самые разнообразные литературные произведения, начиная с, по крайней мере, II тысячелетия до нашей эры с апогеем в VIII и XVIII веках нашей эры. Суфизм приобрел восточный оттенок, так как он долгое время существовал в рамках Ислама, но настоящего суфия можно было встретить и на Западе, и на Востоке в лице представителя любой профессии. "Быть в миру, но не от мира", быть свободным от честолюбия, алчности, интеллектуальной спеси, слепого повиновения обычаю и благоговейного страха перед вышестоящими лицами - вот идеал суфия. Как близко это перекликается с идеалом представителей английского Возрождения! Напрасно здесь искать случайность.

Нам представляется здесь более к месту говорить о исторической преемственности в этом плане. Легенда о Вильгельме Телле появляется в "Парламенте птиц" (XII век) задолго до появления в Швейцарии, а то, что члены немецких гильдий стрелков из лука (если верить "Malleus Maleficarum", руководству по охоте за ведьмами, 1460 г.) стреляли по симметрично расположенным яблокам "во имя Дьявола", наводит на мысль о

¹ Чалоян В.К. Восток-Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. - М.: Наука, 1979. -С. 173.

мусульманских влияниях. Хоть Дон Кихот (Арагонцы и провансальцы произносят "Кишот") и представляется типичным из всех испанцев, сам Сервантес признавал, что при создании этого образа он пользовался каким-то арабским источником. Действительно, повествование Сервантеса очень часто напоминает случай из жизни легендарного суфийского учителя Сиди Кишара, включая и известный случай, когда он принял мельницы, правда не ветряные, а водяные, за 11 гигантов. Раймонд Лулли, мистик и мученик с Майорки, признавал, что его поэма "Повесть о любящем и любимой" (1283 год) была написана по суфийскому образцу. Каталонский христианский мистик брат Ансельм из Турмеды был также хорошо известен как просвещенный суфийский мудрец Абдулла ал-Тарджуман, то есть "Толкователь"¹. Английский монах и ученый Роджер Бэкон, который читал лекции по философии в Оксфорде, учился в мусульманской Испании. Опасаясь вызвать раздражение университетских авторитетов, он тщательно избегал прямых ссылок на «просвещенных» (т.е. суфиев – К.Ш.) и называл этот образ мышления попросту «восточным». Профессор Асин из Мадрида и его коллеги проследили связь Роджера Бэкона со школой просвещенных в Кордове. Установлено также, что святой Франциск Ассизский основал францисканский орден, к которому Роджер Бэкон присоединился в 1247 г., испытав при этом огромное влияние Авицеброна (Сулейман ибн Яхья ибн Джабриоль по-мусульмански, а его настоящее имя - Соломон бен Гебироль - 1021-1058), который являлся самым выдающимся представителем школы «просвещенных» (суфиев) в Кордове, основанной Ибн Массарой (883-931 гг). Отрывок одной из работ Роджера Бэкона на латыни имеет прямое отношение к суфийской эволюционной теории: «Об этом не знают ни естественные философы, ни все латинские авторы, вместе взятые. Поскольку большинство ученых не знают этой науки, они не знают и того, что от неё зависит и имеет

¹ Гердер. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. -С. 473-477; Нейматов Х. Тажалли, тасаввуф, билишни ўрганиш масалалари. // Ўзбек тили ва адабиёти. -1993. - №2.-Б. 27-30.

отношение и к неодушевленным предметам и к растениям, и к животным, и к людям; не зная предшествующего, они неизбежно не будет знать и о последующем»¹.

Суфии из школы просвещенных научили Р. Бэкона тому, что есть разница между накоплением информации и познанием с помощью настоящего эксперимента: в своей работе «Opus Majus», где цитируются суфийские авторитеты, он пишет: «Есть два способа познания: с помощью аргументов и с помощью опыта. Аргументы приводят к умозаключениям и заставляют нас допускать их правильность, но они не приводят к определенности и не уничтожают сомнений так, чтобы ум мог не сомневаться в истине, если это не подкреплено соответствующим опытом»².

Джефри Чосер - основоположник английской литературы - также испытал влияние известных суфийских поэтов. Аверроэс и Абу Бакр (Абубацер) пользовались огромным авторитетом в христианских университетах. А они, в свою очередь, ссылались на суфийские труды ал-Газали (1058-1111), известного в Европе под именем Альгазель и признанного высшим авторитетом мусульманского мира в вопросах теории, заслужив тем самым титул «Шайх-уль-Ислам» (Опора ислама). Не случайно Френсис Бэкон в своей ранней утопии «Новая Атлантида» остров счастливых людей назвал на арабский манер «Бенсалем», а их короля – Аль Табин.

Считается, что глубоко философский роман англичанина Д. Дефо «Робинзон Крузо» был написан под сильным влиянием Ибн Туфейля и его книги «Роман о Хайе»³, сходное по названию с философским трактатом Авиценны, где Ибн Туфейль высказал предположение о том, что

¹ Идрис Шах. Суфизм. – М.: Клышников, Комаров и К⁰, 1994. -С.12-15.

² Там же. -С. 22.

³ Известно, что сам Ибн Туфейль признавал, что идею он позаимствовал у Ибн Сины ("Хайй ибн Якзан"). Во вступлении Ибн Туфейль подчеркивает идейную связь своего произведения с творением Авиценны (См.: Badawi. Histoire de la philosophie. V. 2. 1972. P. 724).

интеллектуальное счастье надо искать в одиночку¹. В трактате же Ибн Сины повествуется о встрече Авиценны с таинственным старцем, древним как мир, но вечно юным и вечно странствующим, не знающим покоя и отдыха. Старец поучает Авиценну, рассказывая о своих странствиях, и излагает структуру физических и духовных миров в виде своеобразной географии, постоянно доводящей слушателя до самых сокровенных глубин эмпирии. Иначе говоря, "мы здесь находим как бы набросок основного мотива Божественной Комедии Данте с той разницей, что функции Вергилия выполняет Хайй, который не ведет своего ученика, а лишь описывает ему сей трудный путь"².

Древняя Греция и Рим пришли в упадок. За "развращение населения" император Зенон закрыл в конце V в. Эдесскую школу философов, а император Юстиниан в VI в. - Александрийскую и Афинскую академии. Последняя была основана Платоном и просуществовала 914 лет. Ученые двух академий, Эдесской и Афинской, были приглашены персидским царем Хосровом Ануширваном в Иран и воссоздали платоновскую академию в г. Гундешапуре, а Эдесскую - в г. Нисибине. Уже в скором времени появились первые оригинальные³ и переводческие тексты.⁴ Надо отметить, что культурному подъему арабов послужило несколько причин - религия Мухаммеда, сплотившая их, на этой почве - экономический расцвет и научно-культурный подъем, удобное территориальное расположение на шелковом пути между древними цивилизациями - Индией, Грецией, Китаем и др. Не последнюю роль сыграли благоприятное отношение к наукам,

¹ Голованова В. Т. Курс лекций по основам философии. -Т., 1999. -С. 80.

² Бертельс Е.Э. История литературы и культуры Ирана. - М.: Наука, 1988. -С. 246; Густав фон Грюнебаум. «Рисола фи-л-'ишк» Ибн Сины и куртуазная любовь // Арабская средневековая культура и литература. -М.: Наука, 1988. -С.191-198.

³ Переводческую деятельность особенно подчеркивали халифы Хорун-ар-Рашид и ал-Мамун; последний - основатель Багдадской Академии - положил начало "школы переводчиков", перед которыми была задача изучать и переводить произведения греческих философов.

⁴ Например, перс с необычным для иранцев именем Павел написал сочинение об Аристотеле и подарил его Хосрову Ануширвану.

проявляемому Исламом и халифатом, и интеллектуальные качества арабов, персов, тюрков и других народов региона, которым для создания целостной системы воззрений необходимо было освоение логики, гносеологии, математики и естествознания. Все это и обусловило обращение арабо-ираноязычных мыслителей к аристотелевскому учению. Так возник восточный перипатетизм, сыгравший значительную роль во всеобщей истории философии. История этого учения берёт начало в философии ал-Кинди, а получает завершение в учении Ибн Сина. Просуществовавшая около восьми веков школа восточного перипатетизма - одна из сильнейших в толковании взглядов Учителя.

Знаменитые халифы Хорун ар-Рашид и ал-Мамун¹ были талантливыми государственными деятелями и покровительствовали наукам и искусству; последний основал в Багдаде (832 г.) "Дом переводчиков" со специальной целью - переводить античных авторов и разъяснять их. Поэтому, уже вскоре широкому кругу интересующихся лиц из числа арабов, персов и тюрков оказались доступными древнегреческие и древнеримские источники.

Естественно, что в Иран и Ирак потянулись ученые из соседних регионов. После покорения этих территорий арабами даже завоеватели оказались под сильным влиянием культуры местных народов. Именно высшим развитием науки и культуры можно объяснить еще один парадокс - религия магометанства была создана в Саудовской Аравии, однако она, как мировоззрение, теоретически была обоснована учеными Средней Азии и ее сильнейшими комментаторами стали представители, прежде всего, Центральной Азии, Ирана, Ирака и других стран региона.

Нельзя также однозначно утверждать, как это считают некоторые ученые, что сочинения Платона, Аристотеля и других переводились только

¹ О высокой культуре представителей этой цивилизации можно судить по их великой любви к книге, труду и личности. Халиф ал-Хаким II приобрел одну рукопись за тысячу золотых динаров; известна также переписка основателя Багдадской Академии халифа ал-Мамуна и императора Византии Феофила относительно приглашения знаменитого византийского математика и астронома Льва, по национальности армянина, в Багдад.

на арабский язык. Учитывая культурные, политические и экономические традиции Ирана того периода, длительный и мощный исторический расцвет фарси, одного из классических восточных языков, языка поэзии, науки и высшего света, можно предположить, что было немало переводов и на фарси. Только с завоеванием арабами Центральной Азии арабский язык стал господствующим научным и литературным языком на обширной территории.

Первым видным ученым восточного перипатетизма является Абу Юсуф Ал-Кинди (конец 8 в., Куфа, Ирак - между 860 и 879 гг., Багдад). Он написал более 200 трудов на арабском языке; переводил сам и редактировал переводы античных источников на арабский язык; написал комментарии к произведениям Аристотеля "Категории", "Вторая аналитика". Он оказал серьезное влияние на развитие европейской философии. Можно отметить такой факт - его работы переводил на латинский язык сам папа Сильвестр II (Герберт). ал-Кинди определяет философию как познание истинной природы вещей; но что бы познать вещи, по его мнению, следует ответить на 4 вопроса: "Есть ли это?", "Что это?", "Каково это?", "Почему это?"¹. Следовательно, ал-Кинди пишет, что без философских книг "грека Аристотеля" не обойтись человеку, желающему "усвоить философию, овладеть ею и обосновать ее"². Далее ал-Кинди, ссылаясь на "мудрого Аристотеля" и на его мысль о том, что "знание всякой исследуемой вещи относится к философии, которая есть знание обо всем," считает нужным "выделить части философии как именно такой науки и посмотреть, в какую ее часть входит изучение данного предмета"³ – положение, на котором он строит классификацию наук.

Ал-Кинди делит философию на знание и деятельность – на теорию и практику. Теория, как познание всего сущего, у ал-Кинди представляется в

¹ Ал-Кинди. О первой Философии. // Избр. произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. М., 1961. -С. 57.

² Там же. - С. 41.

³ Там же. - С. 107.

виде трех областей деятельности разумной души: логики и математики, естественных наук и, наконец, метафизики. Все это основывается на учении Аристотеля и его школы¹. Изложение ал-Кинди философских произведений Аристотеля, его классификации наук показывают, что он знал логические произведения Учителя. Так же, ал-Кинди рассматривает проблему соотношения общего и единичного, поставленную в античной философии. Однако он рассматривает пять "прасубстанций", или сущностей, вместо десяти категорий Аристотеля: материю, форму, движение, пространство и время.

Иранский ученый Абу Бакр Мухаммад Ар-Рази (865 - 925 или 934) был философом-энциклопедистом, написал 184 работы по широкому кругу философских проблем, по медицине, астрономии. До потомков дошло 61 его сочинений. На его творчество наложило тесный отпечаток то, что он был врачом, в силу чего Ар-Рази всю жизнь оставался рационалистом. Его труды были переведены на латинский язык в X - XIII вв. Любил эксперимент, считал его главным рычагом развития науки. В силу этого оказал большое воздействие на эмпирическую философию Европы, в том числе на философию английского Возрождения.

Абу Наср Мухаммад ибн Фараби (870-950) считается крупнейшим представителем восточного перипатетизма. Как и другим мусульманским аристотеликам, ему посвящено немало статей, брошюр, монографий. Известный исследователь его творчества М.М. Хайруллаев пишет: "По свидетельству многих средневековых мусульманских авторов, до Фараби и после него не было философа, так глубоко и всесторонне знавшего Аристотеля, - мыслителя, равного ему по универсальности знаний, по характеру научных интересов. Недаром он был назван "муаллими сони"-

¹ Чалоян В.К. Восток-Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. - М.: Наука, 1979. -С. 158.

"вторым Аристотелем", "вторым учителем"¹. Кстати, слово "софи" переводится как "следующий", "второй". В Средние века и позже предпринималось немало попыток, и, прежде всего, европейцами, узнать причину присвоения Фараби столь почетного имени. Одна из гипотез - глубокая проработка Фараби логического метода анализа - "органа познания". Это был как бы "Первый органон". Вслед за ним, исследовавший данную проблему Ф. Бэкон назвал свое главное сочинение "Новый Органон".

Фараби оставил богатейшее научное наследие. На примере Фараби наглядно просматривается преемственная связь между философией античности и мусульманской философией Востока: его логика и гносеология примыкают к учению Аристотеля, а его метафизика носит на себе печать неоплатонизма. Об этом свидетельствует его тезис о возникновении всего сущего путем эманации от бога, о познании бога и подражании ему как о цели философии². Фараби является автором комментариев к трудам Аристотеля по логике "Первая аналитика", "Вторая аналитика", "Топика", "Софистика", "Категории", "Этика", "Риторика", "Поэтика", "Метафизика", а также к "Алмагесту" Птолемея, "О душе" Александра Афродизийского, к отдельным главам "Геометрии" Евклида, "Исагоге" Порфирия. Вслед за своим учителем Аристотелем Фараби занимался исследованием почти всех отраслей естественных и общественных наук и поэтому философская система Фараби охватывает все стороны бытия³.

В научных трактатах Фараби нашли разрешение основные принципы философии науки, теории, познания, вопросы логики, психологии, естествознания, взаимоотношений человека. Учёный оставил научное

¹ Хайрулаев М.М. Абу Наср ал- Фараби.-М.: Наука, 1982.-С. 62-63.

² Чалоян В.К. Указ соч. С. 161.

³ Трахтенберг О.В. Очерки по истории западноевропейской средневековой философии. М.,1957. -С. 57; Сулейманова Ф. Восток и Запад. -Т.: А. Кадыри, 2001.-С. 23.

наследие также и в области литературы и музыки. Следует отметить огромное влияние его трудов на формирование и развитие научного творчества Беруни, Ибн Сины, Ибн Туфейля, ал-Кинди, Ибн Рушда. Труды Фараби в XIII веке были переведены на латинский и европейский языки Толедской переводческой школой. Его трактат о классификации наук уже в XII в. дважды переводился на латинский язык. К этому периоду относятся, например, переводы целого ряда трактатов Фараби по различным вопросам философии – “Смысл ума”, “Книга о достижении счастья”, “Источник задач”, “Книга доказательств”, “О сущности души”, “Книга введение в логику”, “Комментарии к физике”, “Комментарии к поэтике”.

Философские вопросы, поставленные Фараби, нашли свое отражение и в учении Ибн Сины. Он перенял, продолжил и совершенствовал основанные Фараби философские направления. Абу Али ибн Сина (980-1037) родился в селе Афшона в 18 км от Бухары, умер в иранском Хамадане. Его труды имеют общечеловеческую значимость. Считается, что Ибн Сина написал более 400 сочинений на арабском языке и около 20-ти - на персотаджикском. Его "Канон врачебной науки" еще в Средние века издавался в различных латинских переводах около 30-ти раз. Такой же популярностью пользовался его философский труд "Книга исцелений". В ней четыре раздела. В первом освещаются вопросы логики, во втором - физики, в третьем - математики, в четвертом - метафизики. Ибн Сина почтительно именуемый уже тогда “Шайх ур-Раис”, продолжил и существенно развил идеи восточного перипатетизма, высказанные его предшественниками. Вклад его в сокровищницу культуры и науки человечества неизмерим. В ходе врачебной практики он постоянно экспериментировал, чем положительно повлиял на всю экспериментальную науку. Несколько веков его философские трактаты оказывали сильное влияние на мусульманских и особенно европейских мыслителей. Философское наследие ибн Сины имело значительное влияние на развитие философии в трех культурных ареалах: на

мусульманском Востоке, на мусульманском Западе и на христианском Западе¹.

Научным трудом, принесшем Ибн Сине мировую славу, является “Канон врачебной науки” в пяти книгах, который уже в XII веке был переведен в сокращенном варианте на латынь. Ибн Сина оставил бесценный след в истории цивилизации. Крупнейшими трудами ученого по философии являются “Книга исцеления”, “Данишнаме”, “Китоб ал-Инсаф” - комментарии к произведениям Аристотеля, “Фи-л-худуд”, “Хикмат алоия”, “Ал-Хикмат ал-Мушрикия”, “Уюн ал-хикма”, “Ал-Мабахисат”, “Хайи ибн Якзан”, “Трактат о любви”.

Своеобразную позицию в восточном перипатетизме занимал иранский богослов Абу Хамид Мухаммад ал-Газали (1058-1111). Как подлинно талантливого философа, но искренне верившего в бога, его одолевали противоречия. Некоторые исследователи склонны считать его реакционным ученым, с чем мы не можем согласиться. Поначалу Газали был специалистом в области мусульманского права; ему было поручено вести преподавание в медресе Низамийе, когда тому было всего 33 года. Но потом он занялся философией, написал труд "Тахавут ал-фалсафия" ("Противоречия философов", традиционный русский перевод "Самоопровержение философов"). Здесь Газали как бы опроверг философию восточного перипатетизма в традиционном для его времени понимании, критиковал Фараби и Ибн-Сину за якобы неправильную трактовку Аристотеля. Однако заслуживает внимания то, что, не согласившись с толкованием Аристотеля со стороны этих ученых, он дает свое видение философии Учителя. Сделано это им в труде "Макасид аль-фалсафия" ("Стремления философов"). Благодаря последней книге Газали был принят в Европе как видный аристотелик.

Газали вошел в историю еще и тем, что создал большой "Краткий комментарий" (компедиум) под названием "Китаб ихйа илм ад-дин"

¹ Сагадеев А.В. Ибн Сина (Авиценна). - М.: Наука, 1980. -С. 208.

("Воскрешение наук о вере"). В нем он пришел к двум выводам. Бог - высшая абсолютная истина, недоступная человеческому разуму. Однако философия - высшая наука, являющаяся результатом синтеза логически безупречных рассуждений. Логике доступно любое знание. Но в то же время логике недоступен бог. Это противоречие привело его к внутреннему психологическому дискомфорту и последующие 12 лет (традиционный срок для дервиша) он провел в странствиях и размышлениях, обращаясь к своей суфийской подготовке за ответами, которых он не мог найти в обычном мире¹. Несомненно, что Газали, которого обычно называли Худжат уль-Ислам (Довод Ислама), оказал серьезное влияние не только на Средневековье и Возрождение, но и на более поздних авторов². Прямой след его воззрений можно обнаружить, например, у основоположника немецкой классической философии И. Канта, который, не сумев найти рациональное объяснение существования бога, объявил, что чистый разум не имеет самообъяснения, потому его надо заменить верой.

Сосредоточим внимание еще на одной фигуре, одной из центральных в истории этого течения - арабе Абуль-Валиде Мухаммаде Ибн-Рушде (1126-1198). Его авторитет в позднее Средневековье и в эпоху Возрождения был столь высок, что он заслужил почетное имя Комментатора (с большой буквы) Аристотеля. Влияние Ибн Рушда на эволюцию философской мысли в направлении её секуляризации получило в христианской Европе традиции, идущие от Ибн Сины. Особенно популярны его идеи были среди августинцев, а его влияние обнаруживается и в сочинениях Альберта

¹ Идрис Шах. Суфизм.- М.: Клышников, Комаров и К., 1994. -С. 178; Шамолов А.А. Философско-теологические воззрения Газали: Дис... докт. филос. наук. –Душанбе, 2003.

² Идрис Шах указывает, что менее чем через 50 лет после появления его трудов они уже оказали огромное влияние на иудейскую и христианскую схоластическую мысль. Он не только блестяще предвосхитил идеи «Священной войны» и «Пути паломника» Джона Беньяна (Англия), но и повлиял на Рамона Марти, Фому Аквинского, Паскаля и многих других более современных мыслителей (См. об этом: Идрис Шахс. Указ. соч. -С.176-177).

Великого, Фомы Аквинского, Дунса Скотта¹. Кроме популяризации Аристотеля Ибн-Рушд вел полемику с последователями Газали. Газали считал, что философия не может познать высшую истину. В противовес ему Ибн-Рушд защищал философию, ее возможности. Он разделил религию и, соответственно, истину, на два вида: рационально-теоретическую и образцово-аллегорическую. Рациональная истина, как считал Ибн-Рушд, понятна и доступна немногим. Образцово-аллегорическая истина - это истина для масс. На основе такого деления Ибн-Рушда позже появилась теория двойной, точнее, двойственной истины.

Ибн-Рушд признавал вечность мира и отсутствие начала первоматерии. Он считал, что материя дана изначально, бог же придает ей определенные формы и тем самым превращает ее в предметы действительности. Ибн-Рушд понимал Аристотеля так, что "нус" (всеобщий, абстрактный мировой разум) есть единая общая субстанция, которая проникает в души извне. Поэтому отдельная человеческая душа не может быть бессмертной, утверждал он. Такая постановка вопроса коренным образом противоречила средневековой схоластике и положила начало попыткам нового осмысления роли рационализма и практицизма в жизни людей, в натуралистической философии, а последняя, как хорошо известно, получила особый расцвет в творчестве Френсиса Бэкона.

Натуралистический характер философии Ибн-Рушда еще ярче проявился в течении, начало которому он положил - в аверроизме. Философские работы Аверроэса являлись в основном комментариями трудов Аристотеля. Но это был не просто комментарий; это было очень плодотворное толкование. Основным направлением комментария была натуралистическая интерпретация, то есть натуралистическая переработка религиозной философии, опираясь на авторитет Аристотеля, что играло

¹ Сагадеев А.В. Ибн Сина (Авиценна). – М.: Наука, 1980.-С.215-216.

решающую роль, и в то же время придавало идеям Учителя качественно новый смысл. Интерпретация, связанная с уяснением сущности и природы познаваемых объектов, значений языка теории, смысла ее понятий, методов и т.д., всегда, в более или менее отрефлектированном виде, занимала и занимает важное место в ряду гносеологических, методологических процедур развития знания¹. Такой подход аверроистов резко усиливал их позиции в период кризиса средневековой схоластики и созревания предпосылок для коренного пересмотра места и роли философии в жизни общества. Например, аверроисты придавали новый смысл учению Аристотеля о вечности материи и движения, они признавали бога только как первопричину сущего, но не как то, что мир был создан путем единовременного божественного творения и т.д.

Аверроизм получил сильнейшее распространение в Европе в XIII-XVI вв., стал одной из предпосылок возникновения прогрессивной возрожденческой философии. Фактически XIII -XVII вв. являются периодом стремительного и мощного расцвета, а затем, в результате естественнонаучных открытий и создания новой физики и астрономии, столь же неизбежного заката актуальности аверроизма. Некоторые ученые считают, что аверроизм есть атрибут средневековой философии и что с наступлением Возрождения он был предан забвению. Это упрощенный подход к реальной исторической ситуации².

Действительно, в период Возрождения появилась новая, проще говоря, натуралистически-экспериментальная философия. Однако к началу Возрождения аверроизм был сильнейшей официальной философией - теологические кафедры ведущих университетов, наиболее авторитетные философские школы и течения Европы возглавлялись именно аверроистами.

¹ Тульчинский Г.Л. Интерпретация и смысл// Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. - Новосибирск, 1986. -С. 31-38.

² Чалоян В.К. Восток – Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. - М.: Наука, 1979. -С. 188.

И практически весь период Возрождения прошел в упорной борьбе аверроизма и новой философии и только с окончанием периода Возрождения аверроизм отошел на второй план. Борьба эта, конечно, была диалектической - понимание, развитие, уточнение, конкретизация, и лишь иногда опровержение философских категорий, понятий и терминов аверроизма, несомненно, помогли становлению и развитию новой философской терминосистемы на ведущих языках Европы, в том числе на английском. Фр. Бэкон, например, считал, что настоящая наука, и прежде всего философия, может быть создана в результате соединения четырех предпосылок, а именно, если она будет исходить из оригинальных сочинений прошлого, из их комментариев, из логики и из опыта как источника новых знаний.

Заслуживает внимания и такой известный в науке факт - если в начале средних веков (VIII-IX вв.) сочинения древних греков (Аристотеля, Платона) и римлян (Порфирия) активно переводились на языки арабский и фарси, то в середине средневековья (особенно в XII-XIII вв.) происходил обратный процесс - арабоязычные источники интенсивно переводились на латинский язык и осваивались лучшими мыслителями Европы, в том числе английскими философами, писателями, религиозными и общественно-политическими деятелями. Двойные переводы - с древнегреческого на арабский и с арабского на латинский - претерпело большинство сочинений Платона, Аристотеля и других авторов.

Итак, нам осталось ещё проследить линию преемственности в философии, идущую от восточных перипатетиков к арабскому Западу, а через них - к странам Западной Европы, включая Англию.

Исторически известно, что в период Реконквисты, когда началось вытеснение арабов с Пиренейского полуострова, страны Западной Европы находились ещё на низком уровне развития. Но отставание это кончается: новые социально-экономические отношения, крестовые походы, географические открытия меняют положение дел коренным образом. В

Европе создаются необходимые исторические предпосылки для возникновения большой науки и философии, литературы и искусства, а тесные политико-экономические и культурные связи с народами Востока благоприятствуют обогащению Запада их творческой мыслью во всех областях. Европа создавала качественно новую цивилизацию, и центры культуры переместились с Востока на Запад, где восторжествовали и новый способ производства, и новая культура и философия нового общества, источником которой явилась культура, созданная народами Востока. Как было отмечено ранее, Восток сохранил и передал Западу важнейшие памятники философии античного мира, прежде всего, сочинения Аристотеля. Но это не всё. Восточные перипатетики и арабский Запад передали Европе своё понимание, свою интерпретацию философии античности. К XIII веку сочинения Аристотеля проникли в Оксфорд и Париж. На латинский язык были переведены сочинения восточных перипатетиков Ибн Сины и его сподвижников и западно-арабских перипатетиков (Ибн Рушда и близких ему мыслителей). Работы ал-Кинди (X-XI вв.) стали достоянием Европы, а в XII веке там уже знали Фараби и Ибн-Сину.

Так уж получилось, что Европа на первых порах познакомилась с философией Аристотеля через восточных перипатетиков. Это признаёт даже такой европоцентрист, как Гегель: «Когда среди христиан Запада исчезла наука, звезда Аристотеля возшла в новом блеске среди народов, которые в позднейшее время снова познакомили Запад с его философией»¹.

Роджер Бэкон писал, что философия Аристотеля пребывала в застое и молчании в большей своей части либо вследствие пропажи их экземпляров и их редкости, либо вследствие войн на Востоке вплоть до времен после Мухаммада, когда Авиценна, Аверроэс и другие извлекли Аристотелеву философию на ясный свет толкования. Следует добавить, что это самое материалистическое толкование учения Аристотеля восточными

¹ Гегель. Соч., Т. X. -М., 1935. -С. 319.

перипатетиками стимулировало становление философских воззрений самого Роджера Бекона. Но не только. Эта философия с её интерпретацией Аристотеля оказала благотворное влияние вообще на философию многих стран Запада. Восточный перипатетизм дал Европе новую для неё философию, сделав очень многое для формирования и развития теоретического мышления вплоть до эпохи Ренессанса (XVI в.)¹. Центрами передовой философской мысли стали Шартр, а затем и Париж. Большую роль в развитии философии играли также центры западноевропейской культуры, как Оксфорд в Англии, Кёльн в Германии, Падуя в Италии.

В результате, арабоязычная философия не исчезла бесследно – она стала достоянием стран Западной Европы. В то время как на Востоке натуралистические и рационалистические элементы философии всё больше и больше оттеснялись мистикой и теологией, на Западе передовая философия восточных перипатетиков не только была освоена, но и обогащена. На основе достижений прошлого возникла качественно новая цивилизация, а вместе с ней и философия нового мира. Идеи Авиценны, Фараби и Аверроэса легли в основу латинского аверроизма подготовив тем самым благодатную почву для развития материализма и атеизма эпохи Западного Ренессанса, включая и Северное – английское - Возрождение (XVI в.).

Во Франции философия восточного перипатетизма вначале пустила корни в Шартре (X в.): здесь пропагандировались не только материалистические взгляды Ибн Рушда и его единомышленников, но также и естественнонаучные достижения мыслителей Центрально-Азиатского культурного мира. В Парижском университете образовалась школа латинского аверроизма во главе с Сигером Брабандским и Иоанном Жандунским. Влияние восточных перипатетиков здесь проявилось в самых важных вопросах мировоззрения: в вопросе о взаимоотношении бога и

¹ Культурное наследие Востока. – Л.: Наука, 1985. –С. 328-329; Петелина М.В. Мир как театр в Ренессансной философии: Дис...канд. филос. наук. – СПб., 2004. –С.10-15.

природы, о взаимоотношении природы и мышления человека. Тезис Ибн Рушда о вечности мира был использован С. Брабандским в своей философии, утверждающей реальность материального бытия, вечность материи и её движения. Отстаивая такую точку зрения, сам Сигер утверждал, что он опирался на философию Аристотеля и его комментатора Ибн Рушда; влияние последнего на Сигера Брабандского подтверждается также тем, что латинский аверроизм решает вопрос об универсалиях с материалистических позиций.

Конечно, влияние философии восточных перипатетиков на Запад не ограничивалось рамками Парижского университета. Достижения естественнонаучной мысли гениальных мыслителей Востока также стали достоянием Запада: они были восприняты, развиты дальше, синтезированы и подняты на качественно новую ступень. В этом деле значительную роль сыграл Оксфордский университет Англии в лице его выдающегося представителя – аверроиста- францисканца Роджера Бэкона (1214-1292 гг.)¹, деятельность которого протекала как в Оксфордском, так и Парижском университетах, где было много последователей учения Аверроэса.

Будучи экспериментатором, Р. Бэкон считал, что в науке решающий голос принадлежит не авторам схоластики, а опыту и математике. Как естествоиспытатель-новатор, призывавший к созданию опытных наук он говорил, что познание начинается с опыта. Науку надо основывать на эксперименте и математике, а от авторитетов и их мнений перейти к реальным вещам и больше времени уделять изучению природы. Р. Бэкон признавал два пути познания: 1) посредством доказательств и 2) посредством опыта. Но доказательство само по себе не дает, утверждал он, полного

¹ Судьба Р. Бэкона во многом схожа с судьбами Т. Мора и Фр. Бэкона. Мученик науки своего времени, Р. Бэкон за критику феодальных нравов и порядков, за несогласие с некоторыми религиозными догмами, по доносу церковников был уволен из Оксфордского университета и посажен в монастырскую тюрьму. Сюда можно добавить и то, что Бонавентура (ок. 1217/21-1274) - итальянский философ-схоластик и кардинал, ярый противник прогрессивных идей, был и ярким преследователем мыслителя-новатора Р. Бэкона – провозвестника опытной науки Нового времени (См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник.- М.: Наука, 1978. -С.72,77).

решения вопроса, пока истинность решения не подтверждена опытом. Как бы хороши ни были силлогизмы, говорил он, их надо проверять опытным путем.

Р. Бэкон исследовал законы отражения и преломления лучей, занимался изготовлением оптических инструментов; он также высказал множество идей, предвосхитивших позднейшие открытия. Можно утверждать, что он в какой-то мере обобщил достижения естествознания своей эпохи. Его философия “в своих основных чертах родственная, если не сказать тождественная, идеям восточного перипатетизма”.¹

Р.Бэкон интересовался тем же кругом вопросов, что и его предшественники, примерно одинаково их ставил и решал. Задачу логики, к примеру, Р. Бэкон видел в исследовании правил рассуждений и рассматривал её как раздел учения о методе. Учение о помехах для познания истины (преклонение перед ложным и авторитетом, привычка к старому, предрассудки невежды и гордыня мнимой мудрости) послужило преемственным источником учения Фр. Бэкона об «идолах» (призраках или предрассудках). К примеру, по Р.Бэкону, универсалии существуют только в единичном и никак не зависят от души; реально одно только единичное, которое содержит в себе общее; материя и форма существуют в единстве, причем форма, как качество предмета, определяется материей. Не только эти, но и другие вопросы философии Р. Бэкон решает в духе восточных перипатетиков, дух и буква которых на Западе распространились так широко, что глава Флорентийской академии Марсилино Фичино говорил: “Почти вся вселенная, занятая перипатетиками, разделена на две партии – александрийскую и аверроистскую.... Те и другие в корне уничтожают веру, отрицают промысел божий в людях”².

Как мы указывали выше, талант философа - экспериментатора Роджера Бэкона был тесно связан с двумя европейскими университетами-

¹ Чалоян В.К. Восток – Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. - М.: Наука, 1979.-С. 182.

² Чалоян В.К. Здесь же. С.183.

Оксфордским (Англия) и Парижским (Франция), где было много последователей учения Аверроэса. Однако ареал влияния аверроизма в Европе не ограничивался рамками этих двух центров науки и передовой философской мысли. Именно отсюда, где находился центр борьбы философии латинского аверроизма с ортодоксальным перипатетизмом и с апологетами августинианства и теологии церкви, вышли и многие деятели этого направления в Италии (Марсилиус Падуанский, Агостино Нифо, Алессандро Акиллини, Таддео де Парма, Анджело д'Ареццо, Чезаре Крემонини) и Германии (Мейстер Эккарт)¹.

Со второй половины XIII века одним из важнейших каналов проникновения восточной философии на Запад служила Сицилия, где как в фокусе смешивались культуры арабоязычной, греческой и латинских народов. Здесь блистали Михаил Скот, переводчик сочинений Аристотеля и Ибн Рушда, арабоязычные и еврейские учёные. Вопросы о вечности материального мира, о смертности и бессмертия души, о соотношении философии и теологии – вот круг вопросов, волновавших умы и мысли этих учёных.

Итальянец Агостино Нифо, представитель аверроизма, защищал теорию единства и бессмертия универсального разума. Такой же примерно позиции придерживался и Алессандро Акиллини. Как видно, влияние восточного перипатетизма на философскую мысль Италии сыграло значительную роль в утверждении научного естествознания итальянского Ренессанса². Да и весь процесс развития культуры итальянского Возрождения свидетельствует о большом значении ассимиляции восточной культуры в искусстве, философии и науке. Так что, влияние Востока на эту культуру можно обнаружить не только в отдельных её отраслях, но и во всём комплексе. Это объяснимо, прежде всего, богатым и многогранным

¹ Sorbelli A. Storia dell' Università di Bologna Vol.1. 1.II Medioevo (secoli XI-XV) . Bologna. 1944, P. 67; Сагадеев А.В. Ибн Рушд (Аверроэс). М., 1973. - С. 162-163.

² Рутенбург В.И. Итальянское возрождение и Восток. //Культурное наследие Востока. – М: Наука, 1985. - С. 328.

содержанием восточной арабоязычной культуры и философии, универсальностью и всеобъемлемостью культуры Возрождения с её установкой на познание человека и природы во всех их проявлениях.

Распространение восточного перипатетизма в странах Средневекового Запада – значительная веха в его истории. Дополнительным свидетельством тому служит факт проникновения перипатетической мысли в Германию в лице Мейстера Эккарта (ум. в 1327 г.), немецкого мистика-пантеиста. Его приверженность учению Ибн Рушда («Мир существует от века») зафиксирована в обвиняющем его как еретике документе, исходящим от Папы. «Мир, - писал Эккарт, - существовал всегда. Ведь не было времени, в котором не существовало бы мира или когда мир не существовал бы»¹. В духе Ибн Рушда он утверждает, что «материя и форма представляют собой два принципа, но они - единое становление и единое бытие, и раз они составляют единое бытие, они перестают быть двумя бытиями»².

Такова была преобладающая связь между философией арабоязычного мира и философией Германии первой половины XIV века. Можно заключить, что материалистические истоки восточного перипатетизма, оригинальная интерпретация учения Аристотеля составляли суть прогрессивной линии преемственности в философии, шедшей от Востока к Западу. Но не следует забывать, что на Западе выросла и реакционная интерпретация философии античного и арабоязычного мира. Ведь ортодоксальное христианство, прежде всего, нуждалось в философском обосновании своей догматики, а её теологам требовалось философски обосновать собственное мирозерцание перед лицом опасности, которое представляло естествознание Востока, овладевшее передовыми умами Запада.

Первым ортодоксальным схоластом, который воспользовался учением Аристотеля и восточных перипатетиков для философского обоснования

¹ Цит. по кн.: Лей Г. Очерки истории средневекового материализма. -М., 1962. -С. 461.

² Здесь же. -С. 452.

христианской догматики был английский францисканец Александр Галесский (1170-1245). Позднее появились более весомые идеологи христианства, создавшие для церкви целые мировоззренческие системы. Среди них Альберт Великий (1193-1280), доминиканец, прозванный своими современниками «обезьяной Аристотеля» за преклонение перед авторитетом Стагирита. Если это относится к содержанию философии Альберта Великого, то «форма её изложения всецело заимствована у Ибн Сины, составившего комментарии и парафразы к сочинениям Аристотеля». То же самое можно сказать и об ученике Альберта Великого доминиканце Фоме Аквинском (1225-1274), который также связывал христианское вероучение в том виде, в каком оно толковалось Августином, с философией Аристотеля. Его философия была реакцией на философию Ибн Рушда и латинских аверроистов.

Такова была историческая магистраль, по которой шла, прогрессировала мировая наука. Мостом преемственности между классической философией греко-римлян и философией Возрождения стала арабоязычная философия IX-XIII веков. Необходимо при этом подчеркнуть особую роль восточных перипатетиков в этом процессе, а, значит, и в развитии всей человеческой цивилизации. И, несомненно, что арабоязычные ученые оказали исключительно плодотворное воздействие на развитие философии как науки. А так как под словом "философия" в течение тысяч лет (с VII в. до н.э. до XVII в. н.э.) понимали поиск наиболее общих закономерностей бытия путем теоретического осмысления функционирования всех сфер природы и общественной жизни (математики, географии, физики, поэзии, этики, риторики, астрономии, медицины, литературы и т.д.), то без сомнения можно заключить, что арабоязычные мыслители внесли свой достойный вклад, стали равными соавторами вместе с учеными древнего Египта, Индии, Китая, Греции и Рима, в развитие цивилизации, причем на их долю пришелся самый трудный для свободомыслия период средневековья.

Итак, Центрально-азиатская философская мысль и наука IX-XIII вв. – это закономерный этап развития европейской и всей мировой культуры в целом, этап, имевший свои уникальные по тем временам специфические, неповторимые типологические особенности. Для их вычленения, как показало исследование, важным ориентиром послужили такие факторы: а) в этом регионе IX-XIII веков существовала стабильная языковая и конфессиональная общность в рамках единого государственного образования: при всей многоэтничности Халифат имел одно главное этническое ядро – мусульман, в ее культурной жизни преобладал арабский язык; б) здесь господствовала мусульманская религия и, в целом, всегда сохранялось устойчивая государственность и централизованное управление; в) Центрально-азиатскую философскую мысль IX-XIII вв. по сравнению со средневековой Европой отличала более прочная связь с наукой; в ней был сильнее выражен дух рационального мышления и здравого смысла; г) как по своему географическому, этническому и экономическому положению Центральная Азия была своеобразным «золотым мостком» между Востоком и Западом, так и в культурно-философском развитии Европы средних веков она была связующим звеном между Востоком и Западом. При этом происходил плодотворный синтез их культур.

Что же касается философии региона, то в своем развитии она, соприкасаясь с античной, прежде всего греческой, культурой и, став, таким образом, продолжателем учения Аристотеля и систематизатором естественных наук своего времени, философская мысль и наука периода мусульманского Ренессанса способствовали взаимному обогащению культур Востока и Запада и, тем самым, ускорили развитие гуманизма Возрождения как общеевропейского явления. Поэтому первой типологической особенностью Центрально-азиатской философской мысли IX-XIII вв. является синтез классических греко-римских и восточных элементов в сфере духовной жизни общества. Однако в этом синтезе всегда сохранялась чисто

восточная основа. Средневековая мусульманская философская мысль как бы хочет, но не может сбросить с себя красоту и блеск античной культуры, и все вновь и вновь обращается к этому неиссякаемому источнику. Отсюда вторым важным типологическим отличием этой философской мысли является, на наш взгляд, сохранение здесь в значительных масштабах культурно-философского наследия античности. Объективной исторической закономерностью, породившей эту ее типологическую особенность, были, разумеется, основные тенденции общественного и политического развития Халифата. При этом проблема культурно-философского наследия, в частности наследия античности, играла первостепенную роль. Степень устойчивости элементов античности в развитии и углублении философской мысли Востока была завидной. Перенесенные на почву культуры древней земли Узбекистана духовные ценности, созданные Греко-римской цивилизацией, как правило, подверглись здесь глубокой интерпретации, начали как бы новую жизнь, приобретая черты национальных творческих начал. И почти всюду рождались новые идеи, складывались новые философско-богословские, политические, этико-эстетические воззрения. Не просто континуитет, а идейная постоянная борьба старого с новым – вот доминанта культурно-философской жизни этого периода. Традиции античной цивилизации в целом и ее философского наследия, в частности послужили основой дальнейшего развития в Центральной Азии IX-XIII вв. гуманистических идей, а переданные на Запад, они во многом оплодотворили европейскую культуру и философию эпохи Возрождения.

Трансформация основных понятий английской философии Возрождения и их специфика

Как известно, любая философская система строится на основе взаимосвязи понятий и категорий. Понятия же и категории - это, в конечном

счете, представляют собою те или иные слова данного языка, возведенные в ранг философских понятий и категорий в силу практических потребностей науки. Это требует от нас вначале анализа состояния английского языка конца XV - начала XVI веков.

В этот период английский язык вытеснил латынь из широкой общественной жизни¹, хотя ее активное влияние продолжало ощущаться в Англии до XVII века². Примечательно в этой связи замечание лорда Честерфильда в его письме к сыну (1739) о том, что по-настоящему образованный человек должен знать греческий и что "знать же латынь – не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее - стыд и срам".³

Томас Мор написал "Утопию" (1576) на латинском языке, многие сочинения Френсиса Бэкона также переведены им самим с английского языка на латынь с целью увековечения. Одной из причин этого является то, что английский язык XVI века все еще не был признанным языком науки и литературы. Этот вывод подтверждают сами представители эпохи: Френсис Бэкон, к примеру. Он пишет: "Мои труды, которые я раньше написал и которые теперь так хорошо переведены на латинский язык, слава богу, увековечены... Эти современные языки когда-нибудь обязательно обанкротятся..."⁴.

В XIV веке наблюдалось отношение к английскому языку, как к несовершенному и, следовательно, недолговечному, который должен скоро обязательно исчезнуть, уступив место латыни или греческому⁵. Ситуация была вполне понятной: английский язык еще не завоевал своих позиций в

¹ Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. – М.: Наука, 1985; Ступин Л.П. Проблемы нормативности в истории английской лексикографии (XV-XXвв.)- Л.: ЛГУ, 1979; Bauch A.C. History of the English Language. 2-nd ed. – N.-Y., 1986.

² Ср. свидетельство М.М.Гухман о том, что в Германии вплоть до XIII в. латынь господствовала в деловой переписке, была языком государственных актов, вплоть до Реформации она господствовала в официальной религиозной практике, вплоть до XVIII в. - в науке (Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI-XVIII вв. – М.: Наука, 1984. -С.14-15.

³ Честерфильд. Письма к сыну. Максимум. Пер. с англ. -Вологда, 1974. -С.9.

⁴ Bacon Francis. A Letter to Mr. Tobie Mathew (1623)-In.: The Works of Lord Bacon in 2 vols. London., 1841, vol.2, P.254.

⁵ Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV-XX вв. –Л.: ЛГУ. -С.25.

общественной жизни Англии. Латынь же продолжала оказывать сильное влияние на формирование общественных взглядов, на родной язык англичан, а потому английский считался "грубым", "необработанным", "несовершенным" и "лишенным изящества" по свидетельству самих же англичан¹. Такие высказывания встречаются у историка Уильяма Алмесберийского, Джона Скелтона, известного английского поэта XVI века, и других. Еще в начале XVI века некоторые виднейшие английские ученые и писатели считали своим долгом извиняться за то, что они пишут на своем "варварском" английском языке, а не на латинском: Роджер Эшем (1545 "Стрелок"), Уильям Элдингтон (1566 "Золотой осел" - перевод с латинского). Ричард Иден (1562), Джорж Пейс (переводчик прозы, 1586) и др.

В XII-XIII вв. нормандский диалект французского языка был государственным языком Англии², на нем писали художественные произведения и составляли государственные акты. Было еще одно обстоятельство отрицательного отношения англичан к своему родному языку - это взгляды на язык, господствовавшие в Европе и Англии в XVI-XVIII вв., в особенности две теории, согласно которым: а) язык - это отражение идеальной действительности, божественное установление, созданное по строгому и логичному плану; б) язык построен на основе "всеобщего разума". Эти две теории, однако, создавали своеобразную теоретическую базу для многочисленных патриотических желаний улучшить английский язык, обработать его, сделать его таким же "совершенным", "элегантным" и "красивым", как латынь, греческий или французский³. Прежде всего это желание проявилось, что вполне закономерно, в отношении к словарному составу английского языка того периода. Здесь и пуристы, и реформаторы языка были едины в своем стремлении и, в частности, к иноязычным словам,

¹ Craigie W.A. The critique of pure English from Caxton to Smollett. - Soc. For Pure English/ Oxford, 1946, tract N LXV, P. 115; Jones R.F. The Triumph of the English language. Oxford, 1953. P. 87.

² Иванова И.П. Чалоян Л.П. История английского языка. -М.: Высш. школа, 1976. -С.18-19.

³ Ступин Л.П. Указ. соч. С. 27-28.

где наметились, как отмечают исследователи, три направления борьбы за совершенствование и чистоту языка в жизни Англии XIV-XVII вв. (первое - отношение к иноязычным словам; второе - отношение к диалектным и областным словам и третье - отношение к просторечной лексике) - при двух подходах, полярных по своей сути. Сторонники одного считали: чтобы улучшить английский язык, его надо обогатить, расширить его словарный состав, языку должна быть дана полная свобода обогащения словарными единицами из других языков, особенно латинского, греческого и французского. Сторонники другой точки зрения, наоборот, видели путь улучшения словарного состава в сдерживании притока иноязычной лексики, ибо, как они считали, эта лексика засоряет язык, мешает ему использовать собственные внутренние ресурсы. К первым относятся - Уильям Кэкстон (английский первопечатник), Томас Элиот (писатель, переводчик, лексикограф, врач и дипломат), Уильям Кэмден (писатель, историк, антиквар), Джон Драйден (известный поэт, драматург и критик), Джорж Пэти (крупный переводчик того времени), Томас Бландевиль (автор книги "Искусство логики"), Томас Диггес (математик) и др. Ко вторым - Томас Уилсон (ученый, риторик, переводчик и государственный деятель), Джон Чик (проф. Кембриджского университета, специалист в области греческого), Ральф Левер (автор известной работы "Искусство разума", 1573), Джорж Путтенгем (писатель и критик, автор книги "Искусство английской поэзии", 1589), Сэмьюэл Даниэль (поэт и драматург, автор "В защиту рифмы", 1603), Бен Джонсон (знаменитый драматург, поэт и грамматист, автор "Древо или мысли о людях и делах", 1641) и др.

Как видно из перечисленных примеров, диапазон профессий и сфер занятости авторов достаточно велик. Это свидетельствует о том, что довольно широкие круги английской интеллигенции, ученых -толмачей, философов и просветителей серьезно осмысливали языковую ситуацию своей эпохи. В середине XVI века, как указывает известный американский

языковед Альберт Бо, оппозиция иноязычной лексике достигает высшей точки, а к началу же XVII века пыл борьбы двух лагерей нивелируется¹ и постепенно утверждается, что "английский язык достиг совершенства и оказался способным натурализовать много иностранных слов и что, благодаря этому он стал богаче, пригоднее для выражения различных мыслей².

С XV века начинается особенно интенсивный поиск языкового стандарта, нормы. Две основные тенденции определяют развитие лексики английского литературного языка в этот период: 1) тенденция к максимальному обогащению словарного состава с помощью самых различных способов номинации, сопровождаемому явлениями избыточности; 2) тенденция к системному упорядочению лексического состава английского литературного языка.

Первая тенденция теснейшим образом связана с экстралингвистическими факторами - потребностями в номинации огромного количества новых понятий, явлений, предметов, связанных с развитием научно-философской, социально-экономической, общественно-культурной жизни общества. Вторая тенденция определила характер и содержание складывающейся общенациональной нормы английского языка. Изменение соотношения и характера взаимодействия между разными пластами языка, например, между исконно английской и заимствованной лексикой, является основным процессом этого времени. Лексика периода характеризуется явной недостаточностью, с одной стороны, и в то же время высокой степенью избыточности - с другой. Эта противоречивость лексических процессов, являясь отражением особого нестабильного и противоречивого языкового состояния, свидетельствует о сложности и напряженности поисков наиболее

¹ Bauch A.C. History of the English Language. 2-nd ed. N.Y., 1957, P.265.

² Moore J.L. Tudor – Stuart views on the growth, status, and destiny of the English language. – Studien sur Englischen Philologie, vol. XLI. Haale, 1910. - P.113-116; Durham W.H. Critical essays of the 18 th century. Yale Univ. Press., 1915. - P.359.

оптимальных путей достижения единой, стандартной национальной английской нормы как в принципах отбора языкового материала, так и в принципах его употребления.

Формирование относительного единства английского языка заканчивается в XV веке и закрепляется введением книгопечатания. Однако все еще отсутствует твердый свод правил литературно-стандартного английского языка¹. Лексический состав английского языка требовал расширения для того, чтобы стать орудием выражения научных понятийно-логических систем. Потребность языка науки в новых словах-понятиях была велика. Некоторые ученые, например, Левер, пытались приспособить национальный язык для выражения научных понятий, калькируя латинские термины средствами английского языка. Однако, несмотря на весь энтузиазм, его попытки создать терминологию логики и философии на основе исконно английских морфем оказались тщетными². Коренная ломка в процессе видения мира неразрывно связана с революцией в самом мышлении, это имеет принципиальное значение.

"...Переход от геоцентрической системы к гелиоцентрической требовал глубоких изменений в самом фундаменте мышления, в его методических и философских основах. Возникновение новой астрономии, как и всей современной науки, было бы невозможно без фундаментальных изменений в общетеоретических, философских и методологических принципах"³. Вопросы, связанные с новым миропониманием, когда иерархическому представлению о космосе средневековой схоластики противостоит представление о мире, в котором происходит взаимопроникновение социального, природного и божественного начал, когда строгой системе логических дефиниций - индуктивное постижение гармонии мира, риторика,

¹ Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. -М.: Наука, 1969. -С.104; Ступин Л.П. Проблемы нормативности в истории английской лексикографии (XV-XXвв.)- Л.: ЛГУ, 1979.- С.83.

² Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. -М.: Наука, 1969. -С. 122.

³ Ракитов А.Н. Историческое познание (системно-гносеологический подход). – М.: Мысль, 1977. -С.122.

поэзия, мифология оказываются наиболее адекватным способом выражения истины. Все это приобретает в исследуемую эпоху особую остроту, что объясняется главным образом теми политико-экономическими, социально-культурными изменениями, в которых отражались содержание и суть перехода от феодализма к новой формации¹.

Формирование научно-философских понятий в Англии периода исследования характеризовалось двумя факторами: первый - воздействие национальной специфики социально-экономического и культурного развития, а второй - отражение основных тенденций общеязыковой эволюции. Язык художественной английской литературы эпохи был тесно связан с разговорным языком. Экономическое влияние Англии как передовой страны начинает возрастать, отставая, однако, от соответствующего влияния английских буржуазных политических идей, английской философии и литературы, английских нравов. Уже в XVI веке остро обсуждается вопрос о реальной возможности употребления английского языка (ранненовоанглийского периода) во всех видах литературы как художественной, так и научной.

Передовые умы пытались на практике показать, что английский язык того периода обладал всеми возможностями развитого языка.

Основными факторами научного мышления в данную эпоху становятся мировоззренческие критерии интерпретатора в зависимости, от которых и строится методика исследования². Эта мысль вполне объясняет и направленность формирования научной, в том числе и философской терминологии. Поэтому в философии могут встретиться термины, которые,

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: Высшая школа, 1986. -С. 355-360; Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки.-М.: Наука, 1969. -С.361-364; Шашкевич Г.Д. Эмпиризм и рационализм в философии Нового Времени. – М.: Мысль, 1976; Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения.- М.: Высшая школа, 1980; Осинковский И.Н. Томас Мор: Утопический коммунизм, гуманизм, реформация.-М.: Наука, 1978; Типология и периодизация культуры возрождения. – М.: Наука, 1978; Эразм Роттердамский и его время. – М.: Наука, 1989.

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Наука, 1965. -С. 503-513; Будагов Р.А. История слов в истории общества. -М.: Просвещение, 1971. -С. 62.

на первый взгляд, относятся к сфере естественных и психологических дисциплин, или, как будто вообще, не содержат ничего научного. Однако соотносимые с ними явления включаются в сферу философского миропонимания автора эпохи, поэтому значения этих лексических единиц также, несомненно, имеют философский характер.

Сторонники универсального употребления английского языка (Т.Нэш, Путтенгэм, Э.Спенсер, Т.Элиот и др.) подняли вопрос о пополнении его лексикона и прежде всего о создании научной терминологии на национальной основе. При этом в большинстве соглашались, что здесь неизбежны заимствования из классических языков - латыни и греческого. Детальный анализ большого фактического языкового материала философского и общенаучного характера (32032 стр.), проведенный нами, убедительно показывает, что основная масса терминов создается путем переосмысления значения слов и сочетаний общелитературного языка. При этом особую роль - и это примечательная черта периода становления терминологии английской философии - играет образность и коннотация, то есть расширительное толкование слова-понятия, что далеко не всегда согласуется с традиционными представлениями о терминах как единицах, имеющих тенденцию к жесткой экспликации понятий и лишенных коннотации; образность эта характерна, как правило, в момент создания термина, введения понятия, нового для национального языкового сознания, которое для ясности и доходчивости образно сравнивается с уже известными¹. Это еще одна характерная особенность языка философии периода исследования, особенно на рубеже XVI-XVII веков.² Философская литература, характеризуются тем, что, с одной стороны, позволяет

¹ Бугулов Е.М. Метафора как словообразовательное средство в английской научной терминологии: Дис... канд. филол. наук. - Киев, 1974. -С. 32.

² Бабич В.Н. Лексико-семантическое развитие группы слов с общим значением «вера», «доверие» в англ. языке XVI-XVIII вв.: (опыт социолингвистического исследования): Дис... канд. филол. наук. - Киев, 1978. - С.12; Шадманов К.Б. Язык - Идеология - Семантика. - Т.: Фан, 1992.

мыслителю максимально четко определить то или иное понятие или его оттенки, с другой - выразить свое личное отношение к нему.

С XVI по XVII века шло особенно интенсивное формирование английского научного и литературного языка. Поэтому целесообразно дать дополнительное хронологическое деление уже в пределах исследуемого в диссертации отрезка времени. Дело в том, что развитие английского языка не было равномерным; процесс имел свои пики, которые приходятся, в частности, на XIV век и начало XVI века. XV век в определенном отношении был переходным - в это время закрепились изменения, которые произошли в XIV веке, и готовились сдвиги в языке, которые реализовались в XVI-XVII веках. Поэтому можно разделить изучаемый период еще на два: 1) XIV-XV вв. и 2) XVI-XVII вв. Ясно, что это деление весьма условно. Заметим, однако, что оно в какой-то мере совпадает с периодизацией, существующей в английской науке, литературе и культуре в целом (а когда речь идет о истории становления языка английской философии, такое соответствие представляется немаловажным).

Какова же была собственно языковая картина в Англии в тот период, заканчивался ли процесс формирования английского национального литературного языка? Картина была достаточно сложной и в территориальном, и в социально-политическом плане. Для характеристики языковой ситуации этого периода наиболее существенны: 1) функциональные сферы применения английского литературного языка; 2) специфика англо-латинско-французского трехязычия и англо-французского двухязычия.

В рассматриваемый период знаменательным было создание английской научной литературы (в широком смысле), появление руководств по астрономии, математике, многочисленных пособий по медицине и др. И хотя основная масса литературы создавалась на латыни (английские труды в основном являются переводами с латинского языка), проникновение

английского языка и в эту сферу общения свидетельствует не только о постепенном изменении отношения к родному языку, но и об изменениях в составе читателей. Формирование терминологических систем, образование определенных стилистических штампов составляли звенья процесса создания научного стиля английского литературного языка.

В Англии XIV-XV вв. наиболее важной задачей было закрепление Лондонского диалекта как основы национального литературного языка и его размежевание с территориальными диалектами, теряющими свое равноправное положение, которое они занимали по отношению к Лондону в XII-XIII веков¹. Сосуществование в высших сферах коммуникации английского языка и латыни в значительной степени поддерживалось силой многовековых традиций. Со второй половины XV века новым импульсом стала деятельность гуманистов, а также их воззрения на соотношение обоих языков. Латынь продолжала господствовать в школьном и университетском образовании, в теологии и науке, в юриспруденции (наравне с французским языком) и религиозной практике, в публицистике и частной переписке гуманистов Эразма, Френсиса Бэкона, Томаса Мора. Наряду с этим развивалась, особенно интенсивно в связи с появлением книгопечатания, многожанровая литература разной тематики, где ведущую роль играл английский язык. Распределение обоих языков по разным сферам не имеет однозначного характера. Так, английский язык преобладает в художественной литературе, в дидактической письменности, в развлекательных жанрах. Но вместе с тем постепенное проникновение английского языка в канцелярскую практику, в религиозную литературу создавало двуязычие в пределах одного жанра. Отношение к расширению социальных функций английского языка, к повышению его роли в культурной жизни страны не было одинаковым у современников. Неодинаково было и отношение к английскому языку со стороны

¹ Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. - М.: Наука, 1969. -С. 148.

гуманистов. Эразм полагал, что использование любого живого языка, в том числе и английского, угрожает чистоте и изысканности латыни. Причина того, что Томас Мор пишет свою "Утопию" на латыни, а Френсис Бэкон переводит свои основные труды на этот язык - в ограниченности стилистических потенций родного языка, бедности его выразительных средств, отсутствия устоявшихся норм.

Наряду с нигилистическими взглядами на родной язык существовала и другая точка зрения, в частности, бытовавшая среди гуманистов, защищавших права английского языка, способствовавших его развитию и совершенствованию. Среди них выделялись Путтенгэм, Эшем, Ф.Сидней, Дж.Чик, Б.Джонсон, С.Даниэли, Т.Элиот и др. Не отдельные писатели, хотя и выдающиеся, были творцами литературного английского языка этого периода. Его функционирование и пути развития определялись преимущественно теми жанрами письменности, которые приобрели массовый характер в условиях существования печатной книги. В XVI веке английский не был еще окончательно оформлен для науки, поэтому латинский язык в Англии имеет сильные позиции и в эпоху Возрождения (XV-XVI вв.).

Возрождение принесло с собой обращение к древним авторам. Однако, как отмечает Дж.Сёдерлин, английский язык все больше и больше проникал в область, раньше принадлежавшую латинскому, так что в XVII веке проблема признания английского языка как языка науки была снята¹. По своему жанровому составу литература эпохи в значительной степени примыкает к литературному процессу предшествующего периода, но в соотношении жанров, в популярности отдельных типов литературы, в выборе тематики сказываются новые веяния. Они касаются, главным образом:

¹ Soderlind J. The Attitude to Language Expressed by or Ascertainable from English Writers of the 16 th to 17 th Centuries. – Studia Neophilologica. – L., 1964. P. 113.

1) статуса литературы с научной, религиозной, светской тематикой; 2) соотношения переводной и оригинальной литературы.

Оба явления связаны с творчеством гуманистов. Распространение просвещения, например, достижений не только античной, но и современной европейской литературы, стало важным аспектом практики английского гуманизма¹. Незнание греческого и латинского языков было тем барьером, который препятствовал усвоению этих знаний широкими слоями, поэтому переводческая практика становится одной из основных форм деятельности английских гуманистов.

Проблема перевода - это не только проблема знания и его распространения, но и проблема языка, которым это знание может быть выражено и через который может быть сохранено, ведь то, что не выражено языком адекватным, для носителя другого как бы не существует, во всяком случае не понимается им. Для развития не только английской книжности, но и английского литературного языка весьма существенен выбор произведений, которые переводились на английский язык; этим выбором были обусловлены и стилистические особенности переводной литературы: в отличие от переводной литературы предыдущих столетий (XI-XIII вв.), когда преобладали тексты религиозного, религиозно-философского и дидактико-логического характера, внимание гуманистов было направлено преимущественно на светскую тематику. Переводили в основном художественную литературу - новеллы Боккаччо и Петрарки, комедии Плавта и Теренция, романы "О великом Александре", "Об Аполлонии", басни Эзопа, латинских и греческих авторов - Демосфена, Цицерона, философов - Аристотеля, Сенеки, Лукиана и др. Открывался новый мир, не скованный средневековыми окостеневшими традициями и осмысливаемый преимущественно с научно-философской позиции.

¹ Mc Laughlin G.C. Aspects of the History of English. -N.-Y., 1970 . P.5,7.

Для понимания истории формирования и развития английского философского языка, приходится касаться вопроса иноязычного влияния, главным образом латинского, равно как и вопросов переводческой активности просветителей и писателей Англии: латинизмы могли идти только через письменную речь. Поэтому не случайно отмечается, что их приток увеличивался в периоды интенсивной переводческой деятельности и особенно возрос в эпоху Возрождения по вполне понятным соображениям и причинам¹.

Особая роль в этом процессе принадлежит практике составления толковых словарей национальных языков. Апогея развития двуязычные словари достигли, по Л.П. Ступину, в XVI веке (словари Томаса Элиота, Ричарда Хэллуэта, Томаса Купера, Джона Барета, Томаса Томаса, Джона Райдера). Если поначалу словники не претендовали на исчерпывающее описание лексики, то авторы XVI века, наоборот, хотели ограничить словник только "хорошими" словами и исключить из него "варварские" слова².

В рассматриваемый период меняется характер и положение оригинальной и переводной светской литературы. Впервые популярным становится прозаический роман. Завоевание английским языком права использоваться во всех жанрах научного и литературного творчества был самым важным вопросом времени. Взаимодействие научного и художественного литературного языка с языком разговорным было типичной чертой периода. Так, Г.Уайльд приходит к заключению: "следует всячески подчеркнуть теснейшую связь между разговорным литературным языком и языком английской литературы. Язык, на котором Шекспир говорил, был тем языком, на котором он писал"³. Так в творчестве крупных писателей века может найти место эволюция качества и свойств литературного языка их времени, отношение к мерам по обогащению и улучшению языка, взгляды на

¹ Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. -М.: Наука, 1969.- С. 142.

² Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV-XX вв. -Л.: ЛГУ. -С.58.

³ Wyld H.C. A History of Modern Colloquial English. - L. - N.-Y., 1956. P. 101.

проблемы языкового строительства. В области строя языка основные вопросы касались: а) орфографии и б) расширения лексического состава языка. Изучение родного языка в Англии постепенно становится самоцелью. Что уже говорит о том, что английское общество XVI в. созрело достаточно, чтобы философия в самом широком смысле, философствование, соответственно, перестали быть занятием узкого круга знатоков латыни (классических языков). Ей, философии, следовало выйти из узкого круга латинистов на простор широкой жизни английской общественности. Общество Возрождения созрело для этого и потому-то вопросы языка стали выдвигаться на повестку дня, ибо язык отражает в себе то, что произошло, происходит в обществе. Именно созревшее изнутри общество ставит перед языком определенные задачи, а в языке это находит свое прямое отражение на конкретных лингвистических примерах. Стремление во второй половине XVI века (и особенно в XVII веке) создать всеобъемлющий язык объясняется тем, что философы типа Фр.Бэкона были заинтересованы "в вещах, а не в словах". Универсальный язык пробовали конструировать путем улучшения английского языка в направлении его логичности, стройности, простоты, чему способствовали: стремление к простоте изложения в научных трудах, рационалистический подход к языку, порожденный философией рационализма, отход от напыщенности и многословия эвфемистической, то есть высокопарной, манеры речи.

Прежде всего, начались споры о правильном произношении и единообразии правописания. Разнообразие вариантов по всем уровням языка, встречаемое в литературных произведениях даже прославленных мастеров слова XVI века, весьма значительно. Говоря о влиянии научно-литературной и риторической традиции классических языков на практику эпохи, в частности, XVI в., сторонники сохранения латыни как языка науки и философии (Т. Мор, Р. Эшем, У. Малмесберийский, Ф. Бэкон, Дж. Гауэр Эдм. Уоллер, Дж. Чик, Б. Джонсон, Дж. Путтенгем) апеллировали к его

совершенству, богатству и отточенности форм выражения, которые никем не оспаривались. В свою очередь, в качестве доказательства возможности усовершенствования и развития английского языка их оппоненты (У. Тиндаль, Т. Элиот, У. Кэмден, Дж. Драйден, Т. Бландевиль, Р. Кэрю) приводили факт, что и сама латинская речь не сразу обрела совершенные формы и некогда тоже была грубой и необработанной. Деятели культуры XVI века, высказывавшиеся по вопросам стиля, языка и лексики, имели специальные работы по теории риторики, где они продолжали и развивали идеи Аристотеля и Цицерона.

Поскольку одни и те же люди трудились на ниве риторики и стилистики, религии и этики, политики и экономики, постольку эти сферы интеллектуального творчества были неразрывно связаны. Как уже упоминалось, многообразие жанров было одной из характерных черт литературы эпохи. Каждый из этих жанров имел свою литературную традицию, частично определявшую форму и композицию произведения вопреки тому, что общественные функции, которые выполняла эта литература, были новыми, новой была сама их тематика, подсказанная новыми социально-экономическими сдвигами в обществе. Это литература серьезного содержания, как, памфлеты, где ведущее положение занимают диалоги (особенно величайшего из английских мыслителей Возрождения - Томаса Мора), где пересекались две традиции: традиция классического диалога (особенно влияние Лукиана), определившая форму и стиль полемических диалогов гуманистов на латинском языке, и традиция народная. К литературе серьезного содержания относились прозаические жанры - послания, проповеди, трактаты, а также поэмы.

Что касается анализа специфики философской терминологии гуманистов в свете генезиса самого английского гуманизма, то здесь характеристика периода, его представителей и их произведений, имеет свою особенность, связанную с объективным проявлением глубинных основ

социально-общественных сдвигов. Оригинальная философская возрожденческая мысль - ренессансный платонизм - родилась в XV веке, "когда Запад овладел не только греческим языком, но и греческой культурой"¹. Первые шаги гуманизма в английском обществе XV века еще робки, они связаны с церковными деятелями и дипломатами. В 30-40-е годы XVI в. в Англии появляются молодые ученые, которые активно включаются в гуманистическое движение - это Томас Белингтон, секретарь короля Генриха VI, А.Холм, бакалавр гражданского и канонического права, Адам де Молинь, Уильям Грей. После 1450 г. в Англии появляются гуманисты с более широким философским кругозором: Роберт Флемминг (1415-1483), Джон Фри. Гуманистическая культура Англии в середине XV века выходит за пределы духовного сословия и приобретает выраженный философский характер. "Появляется вполне ренессансный вельможа, напоминающий просвещенных князей итальянского Возрождения - Джон Тинторф, граф Уорчестерский (1427-1470)"². Знание греческого языка открыло англичанам новые пути. "Умы и воображение англичан потрясла вызванная из небытия греческая трагедия и не искаженный средневековыми переводами и переделками Гомер"³. Следующее поколение гуманистов, деятельность которых относится к концу XV века - началу XVI века - это Гросин, Линэкр, Колет, Томас Мор, Уильям Лили.

Мыслители эпохи Возрождения вернулись к античной традиции, но сделали это не только через средневековых толкователей античных текстов, среди которых было немало неудачных, но и обращаясь непосредственно к оригиналам Платона и особенно Аристотеля. Речь шла о возвращении сочинениям Стагирита их первоначального, в немалой доле материалистического смысла. Корпоративный средневековый язык, затруднявший, а то и искажавший Стагирита, заменялся более совершенным

¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. - М.: Наука, 1975. -С.73.

² Голенищев-Кутузов И.Н. Там же. С. 78.

³ Голенищев-Кутузов И.Н. Там же. С. 78.

и развитым языком, который легче доходил до читателей и слушателей. Известно классическое выражение, принадлежащее Петру Дамиани: "Философия есть служанка богословия". Несмотря на весь авторитет, тексты Стагирита в значительной степени оказались подчиненными решению этой задачи. В средние века было два великих авторитета - бог и Аристотель. Но и это не спасло Стагирита от искажения. Возрождение помогло возродиться и подлинному Аристотелю. Его сочинения переводились заново, его понятия и слова приобретали вторую жизнь. Тексты Стагирита перестали служить защите церкви и ее покровителей. Разумеется, эти процессы встречали яростное сопротивление церковных кругов и их философско-литературных прислужников. Таким образом, можно сказать, что задачи языка здесь выходили далеко за пределы чистой лингвистики - это была борьба за новое мышление, за культурный подлинный расцвет.

Завершая главу, можно заключить, что на Востоке передовые мыслители в лице восточных перипатетиков, возрождая эллинскую и эллинистическую философию, дали ей свою интерпретацию и в таком виде познакомили с ней представителей западного мира. Так осуществлялась преемственная связь между философией античности и философией средневекового Востока, с одной стороны, и между философией арабо-ираноязычного культурного мира и философией Запада – с другой. Именно такая преемственность привела впоследствии к прогрессу в философии, ознаменовав собой восхождение к новым ступеням по пути утверждения человечности в человеке, материальности мира. Материалистические начала восточного перипатетизма, её оригинальная интерпретация учения Аристотеля составляли суть и стержень прогрессивной линии в философии, шедшей от Востока к Западу.

Итак, классические философские учения сохраняют свою актуальность на протяжении чрезвычайно длительного времени. Но, говоря о "вечности" проблем как специфической черте философии, обеспечивающей

сосуществование как современников мыслителей, отделенных друг от друга большим интервалом времени, следует быть предельно осторожным. Философские концепции не только пробуждаются к жизни мировоззренческими потребностями, но и существенно отражают эти потребности в своих результатах. Наличие этого момента в философском знании является, как показывает анализ, основой живучести этих проблем, решаемых в пределах системы: порожденная конкретно-исторической ситуацией, определенная философская система отражает ее на предельно высоком уровне абстракции.

Множественность сосуществующих философских учений обуславливает в качестве одной из специфик философского языка многозначность терминов, которые приобретают различные значения, несут неодинаковую смысловую нагрузку в различных философских системах. Это позволяет исследователям констатировать чрезвычайную трудность сопоставления философских систем, "нерастворимость" их друг в друге, что существенно затрудняет истолкование. Можно говорить в связи с этим о низкой кумулятивности философии как одного из видов знания, понимая под этим способность той или иной научной дисциплины полностью или частично, но без изменений включать в свой состав содержание других научных дисциплин или предшествующих стадий своего собственного развития.

Общая характеристика понятийного аппарата произведений классиков философии английского Возрождения

Любой философский текст представляет собой внутренне диалогичную структуру, ибо содержит в себе как явные, так и имплицитные апелляции к оппоненту одним автором, направлен против взглядов других, опирается на известные факты и положения или подвергает их сомнению. Не случайно, стремясь добиться максимальной выразительности и уменьшить вероятность

неадекватного восприятия, философы излагают полученные ими в результате рассуждений идеи, констатации, спекуляции в виде внутреннего диалога с воображаемым собеседником.

Философия эпохи Возрождения "приобретала характер принципиально асистематический, она тяготела к форме диалога. Она была публицистически активной и развертывалась как толкование тех или иных обыденно настоятельных проблем¹. Сталкивая различные точки зрения, философы стремятся таким образом стимулировать возникновение нового знания у этого "собеседника". Метод сократовской диалектики, помогающий пониманию истины с помощью диалектического рассуждения, оказался, как видно, эффективным и для философии эмпиризма в эпоху позднего Возрождения.

Образцы текстов, построенных таким образом мыслителями эпохи Возрождения, можно обнаружить на всех отдельных этапах периода исследования. Причем, их авторы являются не только философами, но и часто естествоиспытателями, учеными-экспериментаторами, писателями, поэтами, государственными деятелями. Назовем хотя бы галилеевский "Диалог о двух главнейших системах мира - птолемеевской и коперниковской", Френсиса Бэкона "Новый Органон", Т.Мора "Полемика с Лютером", "Полемика с английскими реформаторами" Д.Скотта, произведения У.Шекспира, Э. Спенсера, Ф. Сиднея, Д. Донна. С помощью такой "диалоговой" модели становилось возможным легче решить проблему усвоения нового знания. "На переломных этапах история философии и достигает вершин постижения мира и оказывается в состоянии драматической разорванности с миром и с самой собою. Противоречивость ее состояния становится нестерпимо острой, когда разлом в самодвижении социума, переход его от одного качественного состояния в другое

¹ Соловьев Э.В. Философия или псевдофилософия?/ Философское сознание: драматизм обновления. – М.: Наука, 1991. -С.82.

совмещается по времени с разломом в культуре народа, отказом от недавно чтимых духовных ценностей и мучительным формированием новых"¹. Английские философы периода, критикуя современную им действительность, именно в этой связи развивали свои концепции, обосновывая то ли справедливость своей критики, то ли свой социальный идеал, то ли какие-то иные вопросы. Отсюда и другая особенность философских трудов периода является огромное внимание мыслителей к проблематике простейших достоверностей, их стремление к тому, чтобы "уединенно, в кабинетной тиши, допускающей лишь ученую переписку, дотошно исследовать вопрос о первооснованиях знания"².

Каждый период истории, имея свои особенности, имеет и свою, характерную для него философию. При этом специфические черты времени проявляются и в своеобразии интерпретации традиционных философских вопросов, и в постановке новых проблем и даже в самом стиле философствования. Особенностью Возрождения является и то, что философия данного времени была тесно сплетена с наукой, искусством, литературой, с политической жизнью общества. Она пульсирует не только в трудах профессиональных философов, но и в многочисленных философских работах, вышедших из-под пера представителей различных специальностей (Э.Спенсер, Т.Раллей, Т.Элиот, У.Шекспир, Т.Нэш, Дж.Донн и др.), ибо философия всегда говорит языком культуры. Реальная противоречивость социальной действительности, многочисленные познавательные, практические и идеологические противоречия реальной жизни находят свое яркое выражение в философском сознании эпохи.

Благодаря великим открытиям Н.Коперника (1473-1523), И.Кеплера (1571-1630), Г.Галилея (1584-1642), возникает новое экспериментальное

¹ Философское сознание: драматизм обновления. - М.: Наука, 1991. - С.4.

² Там же. С. 82.

естествознание, быстро развиваются новые отрасли: физика добывает новые знания о магнетизме, электричестве, свете; астрономия выясняет устройство солнечной системы; ботаника и зоология изучают десятки тысяч видов растений и животных; но все науки опережает механика - ее широкое и успешное применение на практике и математическая точность порождают уверенность в ее всемогуществе. В итоге, неожиданными становятся результаты, дерзкими - предположения и догадки, что приводит к острой потребности в философском анализе полученных знаний, которые в свою очередь, коренным образом меняют картину мира. Познание становится центральной проблемой философии, а его отношение к изучаемым материальным предметам - стержнем новых философских программ. Одновременно, интерес к философии и человеку как активному, творческому индивиду смещается в сторону общества, социума; ключевым становится вопрос о месте и роли человека в обществе, о его правах, отношении власти, о его месте в государственной системе¹. Так формируются два стержня, два центра, вокруг которых группируются философские интересы: общество и познание. Философия становится биоцентристской, в структуре которой развивается социоцентризм (от лат. *socius* "общество") и гносеоцентризм (от греч. *gnoseo* "знание, познание"). И вот на этом фоне исторического развития появляется одна из таких программ - философский эмпиризм².

Как известно, беспредпосылочное знание невозможно. Предпосылки же теоретического знания - это всегда задаваемые и непрестанно формируемые общекультурным контекстом исходные представления о предмете исследования³.

¹ См. подробнее об этом: Из истории политических и правовых учений XVII-XVIII вв. - М.: Наука, 1989.

² Другая конкурирующая программа - рационализм - выдвигает на первый план логическое основание науки. Главным источником знания считаются идеи, т.е. мысли и понятия, которые якобы прирождены человеку или создаются его врожденными способностями.

³ Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ.- М.:Наука,1980;Лосева А.Ф.Философия имени // Из ранних произведений. -М.Правда, 1990.-С.24-186.

Научный труд периода исследования по своему характеру выступает как труд всеобщий. Учитывая организующую и ориентирующую функции науки (и философии) по отношению ко всем видам практики и познания, можно сказать, что сфера производства и функционирования философского знания есть некоторая ось сечения всей культуры. Идеалы научного знания, выражаемые в тех особых способах объединения, доказательства, типах организации, которые отличают каждую теорию, своими корнями уходят в культурное развитие эпохи и во многом определены сложившимися на каждом историческом этапе развития общества формами духовного производства. Чтобы превратиться в канон для реально представляющих науку людей, новые принципы объяснения должны были быть приняты не только кругом ученых, но и войти неотъемлемым образом характеризую облик этой науки в широкой общественной аудитории. Только таким способом новый идеал науки мог продемонстрировать свое мировоззренческое преимущество и тем самым успешно конкурировать с укоренившимися старыми представлениями.

Историческое познание по своему характеру во многом близко художественному способу отражения мира: в нем, так же как в различных формах искусства (но, разумеется, иными средствами), воспроизводятся наиболее характерные особенности исторических эпох.

При анализе форм исторического познания человек сталкивается с особенно серьезными трудностями, поскольку интерференцию прошлого и настоящего, объективного и субъективного всегда пытается исследовать живой, реальный человек, принадлежащий к другой эпохе и со своей спецификой отношений и связей.

Но без этого сочетания историческое познание невозможно, однако оно обязывает к особой осторожности и тонкости анализа, чтобы уберечься от сухого описания фактов, внутренне не заинтересованного и потому лишенного мысли, и от Харибды политики, опрокинутой в прошлое.

Традиционный взгляд на искусство как на средство выражения общезначимых истин восходит к Аристотелю, сближавшему поэзию как вид искусства с философией. Развивая эту идею, Гегель объединил искусство, религию и философию по способу осознания и выражения ими "глубочайших человеческих интересов, всеобъемлющих истин духа"¹.

Мысль о своеобразии истин, добываемых наукой, весьма удачно выразил в образной форме английский поэт У.Вордсворт: "Человек науки ищет истину, как отдаленный и безвестный благодетель; он лелеет и любит ее в одиночестве"².

Следует отметить, что интерес к английскому национальному языку, к его истории и, шире, к истории английской национальной культуры, почти не наблюдается в Англии в течение средних веков и позже, вплоть до второй половины XVI века³. Лишь во второй половине XVI века—первой половине XVII века в Англии возникает серьезный интерес к родному языку, его истории и к истории древней национальной литературы. Именно в этот период начинается интенсивное изучение истории английского языка, в частности, его этимологии, которое, однако, сводилось к поискам этимона в классических языках. Попытки обратить внимание на историю своего родного языка наблюдаются в Англии со второй половины XVI в. Появляется первая книга с текстами на древнеанглийском языке "Доказательство древности церкви в Англии" (1567), первый этимологический словарь английского языка Дж. Миншу (1617) "Ductor in linguas", словарь древнеанглийского языка Уильямса Сомнера "Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum" (1659), грамматика древнеанглийского языка

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. —М.: Мысль, 1977.—С.383-388.

² Дьяконов Н.Я. Английский романтизм. М.,1978, -С.49.

³ Характерно, что Bolton W.F. и Tucker S.I., авторы в высшей степени авторитетных хрестоматий, посвященных изучению англичанами своего родного языка, приводят свидетельства, относящиеся не раньше, чем к концу XV в. или началу XVII в. (Bolton W.F. The English Language Essays and American men of letters, 1490-1839.—Cambr. Univ. Press 1966; Tucker S.I. English examined. Two centuries of comment on the mother tongue. Cambridge, 1961).

Дж.Хикеса "Institutiones grammaticae Anglo-Saxonical et Moeso-Gothicae" (1689).

Успехи экспериментальных наук свидетельствовали о плодотворности новых методов накопления наблюдений и их рациональной обработки. Новые веяния в науке и общественной жизни находили свое отражение в философских трудах, для которых характерным было критическое отношение к схоластике, стремление сконцентрировать научные интересы на природе и человеке, апелляция к опыту как источнику знаний¹. Формированию нового мировоззрения дали импульс большие социально-экономические и технические сдвиги (Дж.Гильберт, Т.Гарриот, Д.Непер, У.Гарвей и др.), происходившие в жизни Европы. Расширение и обогащение практики ее народов породили необходимость соответствующей перестройки теоретических представлений, пересмотра методов и задач познания. Стоявшие на почве новой науки, они связывали свои конкретные научные исследования с попытками выработки нового научного метода и новой, противостоящей схоластике, картины мира². В XVI веке, особенно во второй его половине, возникает натурфилософия (Б.Телезио), определяющая движение философской мысли на заключительном этапе Возрождения: рассмотрение природы, исходя из ее "собственных начал", независимо от вне- и сверхприродного вмешательства - основа ее метода³. А пантеистическая натурфилософия Дж. Бруно являет собой высший результат развития философской мысли эпохи Возрождения. Главнейшим положением космологии Бруно становится учение о бесконечности и время, как необходимое условие существования материи⁴.

Для определения специфики научного знания существенным моментом является характер используемых им языковых средств. Что касается

¹ Михаленко Ю.П. Ф. Бэкон и его учение.- М.: Наука, 1975. -С. 13.

² Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1980. -С. 121.

³ Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1980. -С. 234.

⁴ Там же. - С. 277.

философии, то с момента своего возникновения она нуждается в особом языке, который мог бы удовлетворить требованиям, предъявляемым к выражению теоретического знания. Специфику философии как теоретического знания особого рода отражает ее язык, понятийный аппарат. Совершенствование категориальных и языковых средств философского знания имеет двунаправленный характер: с одной стороны, стремление к большей информационной емкости понятий с целью достижения как можно более широкого охвата явлений действительности, а с другой - требования однозначности, выполнение которого обязательно для философии. Характер философской проблематики и формы ее рефлексии, изменяясь от эпохи к эпохе, чутко реагируют на любые изменения в жизни общества. В этой связи показателен анализ развития самой философии, представляющей собой перманентно развивающуюся систему предельно обобщенных, отлитых в форму абстрактных категорий способов осмысления мира, и постоянный поиск новых, более совершенных форм мировоззренческих обобщений.

Известно, что всякому времени отвечает своя философия, стиль мышления и язык, и в этом кроется глубокий смысл. История философских идей, как известно, становится в определенных пределах органической составной частью философской теории, материализация которой проявляется в языке. Вместе с тем философия - это особая область знания, в некоторых отношениях существенно отличающаяся от всех других наук. Этот особый статус ее эксплицируется и в самом стиле философского произведения. И в этом отношении период исследования является не столько исключением, сколько исключительным, поскольку многие выдающиеся философы Возрождения оставили после себя творения, которые восхищают не только глубиной мысли, но и блестящей литературной формой. С другой стороны, многие гениальные художники слова, отличавшиеся энциклопедичностью своих познаний, в своих творениях, посредством языка своих героев,

выражали глубокие философские мысли и идеи. А это свидетельствует о том, что художественное познание действительности шло параллельно с ее научным познанием. Писатели Возрождения порой глубоко и с прозорливостью подходили к философским проблемам своей эпохи, изучаемым не только в рамках научной прозы. В этой связи Ю.Т.Шведов отмечает, что "великие писатели Возрождения в своих творениях, в своих обобщениях относительно окружающей их действительности возвышались не только над рядовым зрителем, но и над современными им философами"¹.

Следует указать на своеобразную и противоречивую языковую ситуацию в Англии периода Возрождения. С одной стороны, отмечается громадный всплеск интереса к античному наследию, выдвигается идея "исторического анализа" самой веры, включая "историческую критику" ее письменных источников, а также и нового прочтения античных источников, - нового как первоначального с целью очищения их смысла от последующих наслоений и искажений с помощью филологической герменевтики. С другой стороны, наблюдается резкое падение роли и влияния латинского языка и полная сдача им позиций привилегированного средства выражения научной мысли. В-третьих, еще заметно сильное влияние на язык старофранцузского-языка норманнов-завоевателей, ставший в XI-XIV вв. языком феодальной знати и государственности. В-четвертых, проблема языка научной литературы оказывается в центре внимания в связи с усилением распространения английского языка на все виды науки и литературы и жанры научно-литературного творчества. Именно стремление распространить английский язык на все сферы его функционального использования, включая и философские, и естественнонаучные сочинения, явилось качественным скачком в развитии английского научного и литературного языка. Создание научной терминологии на национально-английской основе путем существенного пополнения её лексики оказалось на повестке дня

¹ Шведов Ю.Т. Вильям Шекспир. Исследование. -М.: МГУ, 1977. -С.29.

сторонников универсального употребления английского языка (Т.Элиот, Э.Спенсер, Дж.Путтенгем).

Рассмотрим на этом историческом фоне выявленную нами специфику философских трудов периода исследования. Прежде всего бросается в глаза характерное отсутствие какой бы то ни было жанровой дифференциации литературы научного характера. Какова бы то ни была тема, цель и масштабы этих трудов в эпоху позднего Возрождения, все они облекаются в форму повествования без указания на какую-либо регламентацию языкового употребления. Вне зависимости от того, что труд сей представляет собой, - образец ли трактата или статьи-эссе, либо образец научной публицистики, все они имеют одни и те же языковые особенности и стилистическое "лицо". Другой особенностью философских трудов являются авторские реминисценции, которые использовались для подтверждения изначально выдвинутой автором точки зрения. Однотипность названий глав философских трудов, созданные с помощью синтаксического параллелизма и лексического повтора также в целом характерна. Свойственен и свободный переход от одного способа изложения к другому в пределах одного и того же трактата. То есть речь идет о свободном варьировании, свободном переходе от одного стиля и жанра к другому, а не о функционально изменяемом использовании языкового материала в зависимости от темы и ученого.

Рассмотрим данные особенности трудов авторов для более эксплицитного видения их характера в период становления как жанра научной прозы собственно, так и с точки зрения становления, дифференциации языковых средств и всей философской языковой базы. С языковой точки зрения наблюдается отход от канонизированных методов и приемов изложения на классических языках (особенно латыни) с использованием лексики, имеющей четкую дифференцированность значений и сфер употребления, с одной стороны, и, в противовес ей, почти недифференцированные черты языкового употребления лексики для нужд философии.

Повествование от первого лица использовалось не только для выражения субъективной авторской позиции и оценки предмета исследования, но также и в связи с описанием его свойств. Многие авторы подтверждают в этой связи, что свободная экспрессия авторского "я", не ставшая еще особым стилевым приемом, была присуща всем произведениям философского толка, которое, однако, являлось своеобразным генератором мыслей и действий, описываемых в текстах. Отсюда вытекает другая особенность серьезных трудов, каковыми считались философские произведения, трактаты - непосредственная апелляция (со страниц произведения) к читателю, которая, как нам представляется, сближала, по образному выражению многих авторов, "план читателя" и "план писателя"¹, например: I will advise you; "я бы посоветовал", take needs; "необходимо", here may you see; "как вы убеждаетесь", you shall seem; "по-видимому", чем, собственно, и усиливается диалогичность произведения, существование невидимого, но постоянно присутствующего, мысленного контакта с читателем.

Функционирование латинизмов для передачи философских понятий, в основном, способствует восприятию их как терминов. Эти слова по замыслу авторов, их употреблявших, обладали большей смысловой объемностью по сравнению с исконными словами, которые в силу дольшего пребывания на английской почве (если это заимствование) или ее исконности (по происхождению) было главным психологическим барьером. Считалось, что исконная лексика не способна выразить своим смысловым полем богатства новых научных понятий в свете нового мировосприятия и достижений опытных наук. Отсюда вытекает существенный вывод: образование новых понятийных единиц из исконных элементов, равно как и актуализация одного из значений уже бытовавших на английской почве слов исконного же

¹ Такое сближение не имело еще черт оформленного стилистического приема, сложившегося в современной английской научной прозе как интимизация изложения.

происхождения (XIV-XVI вв.) не привлекает внимания носителей языка и прежде всего философов. Актуализация одного из вариантов исконных слов служит больше для объяснения или введения в обиход новых заимствований преимущественно из латыни. На первый взгляд такой оборот кажется нелогичным, ибо исконное слово - идеографическое воплощение понятия - должно быть ближе и философу, и читателю, так как происходит из элементов родного для них языка. Но "искусственность" образования таких лексических единиц и в определенной степени громоздкость их графического оформления, а главное, груз смыслового объема предыдущих столетий и труднодоступность, в силу этого, нового значения, невольно уступает место слову заимствованному: новое понятие в свете нового мировоззрения всегда интересно и объяснимо с помощью новой единицы именно потому, что оно ново, так как выше и ступень сознания носителей языка (например, такие единицы как *anticipation*, *prediction*, *presension* и др. - у Френсиса Бэкона).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОНЯТИЙ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Детерминация философских понятий эпохой и ее основными представителями

Рассматриваемое время становления и развития основной базы системы английских философских понятий включает два периода – позднее Возрождение и XVII век. Однако было бы ошибочным рассматривать их изолированно, т.к. научные открытия XVII века не только в значительной мере были подготовлены мыслителями Возрождения, но подтвердили правильность многих гениальных догадок, высказанных ими. Поэтому XVII век можно и нужно рассматривать единственно как продолжение Возрождения.

Мы, конечно, знаем, что Возрождение и XVII в. принято называть самостоятельными историческими периодами. Однако нет сомнения в том, что данное деление в определенной мере условно. Пример тому - наиболее выдающаяся фигура в истории английской философии рассматриваемого нами времени - Френсис Бэкон. Он прожил 39 лет в XVI в. и 26 лет в XVII в. Отсюда возникает вопрос - представителем какого периода - Возрождения или XVII в. - его считать? Ведь речь идет о такой специфической области как философия, где понятия являются вещами весьма устойчивыми. В этом свете несомненно, что Френсис Бэкон является представителем и Возрождения, и XVII века одновременно. Поэтому мы под словом "эпоха" будем подразумевать оба периода. Система английских философских понятий сложилась и стала развиваться в XIV-XVII вв. На этот процесс самое непосредственное влияние оказали социально-политические процессы и деятельность ведущих представителей философии, литературы и других сфер общественно-

политической мысли того времени. А оно было заполнено бурными событиями.

Принято считать, что в течение одной тысячи лет, которую занимает европейское средневековье, научная мысль находилась в состоянии застоя. Однако это верно только отчасти. Каждое явление культуры следует мерить адекватным масштабом и здравую оценку Средневековой культуры - шире всей эпохи - столь же великой и значимой с всемирно-исторической точки зрения, как и культура античности или новоевропейская культура, - можно дать только в том случае, если ее расцвет рассматривать в свете всей совокупности накопленных исторической наукой объективных данных, включая и ее самооценку, взгляды и представления средневекового человека о мире и о самом себе¹. Действительно, все средневековье было фактически затронуто на утверждение бога как единственной и бесспорной истины, на схоластическое толкование Аристотеля как образцового научного авторитета. Такого взрыва великих научных и философских открытий, какие были сделаны в XIV-XVII вв., в средние века не было. Но, этот взрыв исподволь готовился, как бы вызревал в глубоких недрах средневековой Европы, и в этом смысле средневековье сыграло выдающуюся роль в истории прогресса общества. Средневековье было необходимо, чтобы человечество исчерпало свою веру в бога, и, не найдя его в небесах, спустилось на землю, где трудом миллионов в течение одного тысячелетия были подготовлены те материальные блага и база, опираясь на которые можно было произвести взрыв. В этом великая историческая роль средневековья в истории человечества, в том числе и в истории философии. Крайне необходимый для развития и смены общественно-экономических формаций процесс

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Наука, 1984. -С.327; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы.- М:Наука, 1982. -С. 612.; Дмитриев Г.А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта: Дис... канд. филос. наук. –М., 2003; Келлер Г.С. Проблема взаимодействия Востока и Запада в историософии евразийства: Дис... канд. филос. наук. – Мурманск, 2003.

накопления материально-технических и духовных предпосылок в эти годы шел. Эпоха средних веков - эпоха энциклопедий, "сумм", "зерцал". Вместе с тем не следует забывать, что именно в средние века начали зарождаться европейские нации и формироваться современные государства, складываться языки, на которых мы говорим. Тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одной из важнейших рычагов прогресса в средние века. К средневековью же восходят многие из культурных ценностей, которые легли в основу нашей цивилизации.¹ И, наконец, как раз в эпоху средневековья складывается понятие личности², которая приобретает невиданную ранее ценность и возвышенность в эпоху Возрождения и в Новое Время. Как ни парадоксально, но именно средневековое учение о воскрешении человека во плоти привело к той "реабилитации" человека со всей его материальной телесностью, которая так характерна для Возрождения, и культ красоты становится в эту эпоху главенствующим видом искусства: у великих художников Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля мировосприятие Ренессанса получает свое наивысшее выражение³.

Человеческое общество должно было пережить средневековье, чтобы прийти к Возрождению - это вполне закономерное явление, поскольку трудно себе представить, чтобы большое историческое явление, складывавшееся веками, не было по-своему целесообразным, когда культура есть существенно деятельность по целям⁴. Особенно несправедливо было бы жаловаться на средневековье исследователям истории философии, т.к. заочное соревнование между арабоязычными и европейскими философами, а

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры.-М.: Наука, 1972. -С.17.

² Если ценность личности в средние века покоилась на союзе человека с Богом, то в последующие XV-XVII века человек стремится освободиться от своего трансцендентного корня, ища точку опоры не только в космосе, из которого он за это время как бы вырос, сколько в себе самом, в своей углубившейся душе и в своем - открывшемся ему теперь в новом свете - теле, через которое ему отныне по-иному видится и телесность вообще (Введение в философию. В 2-х ч. -М.: Политиздат, 1989. -С.140).

³ Введение в философию. В 2-х ч. -М.: Политиздат, 1989. -С.140.

⁴ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т.2.-М.: Правда, 1990.-С.347.

также споры между выдающимися философами внутри этих научных течений, заставляли многих мыслителей развернуто, убедительно обосновывать собственные комментарии Аристотеля, находить для этого новые понятия и термины, но самое главное - активно использовать философскую лексику, что уже само собой способствовало ее развитию. Поэтому несомненно, что латинская философская лексика, на которой объяснялись философы средневековья, стала одним из основных звеньев системы английских философских понятий Возрождения. За это время, в свою очередь, сформировалось ядро современных английских философских понятий как составная часть современного английского языка вообще.

Общая тенденция развития средств материального производства в VI-XIII вв. привела к тому, что возросшие возможности, трудоспособность населения продолжали сковываться жестко регламентированными феодальными отношениями между различными социальными прослойками. Это снижало возможности производительного труда, вызывало неудовлетворенность народа. Недовольство народных масс феодально-религиозными кругами совпало с недовольством ими и высшего сословия - королей, царей и их ближайшего окружения. Последние стремились к централизации и укреплению своей власти, чему очень мешала феодальная раздробленность и попытки церкви удержать власть в своих руках. Таким образом, уже в который раз в центр исторического развития со всей остротой вновь стал вопрос о власти, а именно - кому должна она принадлежать - королям, церкви или феодалам? Разумеется, вопрос мог быть решен только силой. Такой силой служили народные массы, которые колебались между тремя формами власти. Получилось так, что победу одержали короли - они обладали большими по количеству вооруженными силами, законодательной инициативой и в конце концов смогли привлечь на свою сторону массы жителей городов. Пример тому - Англия периода Эдуарда I, Франция периода Карла V Мудрого. Самое главное, королевская власть в значительной мере освободила наро-

ды от феодальной и частично религиозной зависимости. Труд стал свободнее, он стал товаром, владелец теперь мог его продавать, получая за это вознаграждение, которое не давало ему старое феодальное сословие. Освобождение труда и человека как его носителя привело к изменениям, которые потрясли и основательно перекроили европейское общество. Были разрушены многочисленные границы между владениями, графствами, землями. Интенсивно стала развиваться торговля. Она вызвала необходимость резкого увеличения количества товаров для продажи и обмена. Так появилась потребность в более фундаментальном разделении труда. А потребность, как известно, является основным двигателем исторического развития, средством и результатом которого, в свои очередь, является язык.

Если в средневековье геоцентрическая модель мира Аристотеля–Птолемея была сакральна канонизирована и вся схоластика в целом была насквозь перипатетической, то мыслители Возрождения вышли непосредственно к интеллектуальному наследству античности, хотя было бы сильным упрощением сводить специфику Ренессанса к возрождению античной мудрости: возрожден был дух открытий в век открытий и крупных социальных трансформаций. Открытия делались эпохальные, ниспровергавшие и заставлявшие пересматривать устоявшиеся представления о мире. Рушились географические и космографические догмы. Возрождению был нужен идеал. Так как оно вновь обратилось к человеку как к научному, культурному и философскому центру мира, то таким идеалом стала античность. Поэтому философское мышление Возрождения можно охарактеризовать как антропоцентрическое. Новое отношение к человеку - не как к периферии, подобно средневековому периоду, а как к центру мироздания - резко повысило его авторитет. Человек стал объектом величайших творений живописи, скульптуры, литературно-художественных и философских произведений. Красота человека, его талант, сила и ум вновь становятся высокочтимыми категориями. Общество начало ценить

художника, врача, мастера, ученого. Наука и искусство были выведены из-под подчинения религии, они стали раскрепощенными. Человеческая мысль освободилась от оков средневековья. В результате произошел невиданный взлет наук и искусств. Главной предпосылкой этого стало моральное освобождение человеческой мысли от рабского следования теологии.

Первым философом Возрождения стал Николло из немецкого городка Кузы, известный в науке как Николай Кузанский (1401-1464). Он фактически смог выразить и обосновать первым закон единства и борьбы противоположностей, что позволяет характеризовать его как одного из основоположников новой философии, а точнее новоевропейской диалектики. Философия древних греков была противопоставительной. Кузанский творчески соединил противоположности, что до него столь ясно не было сформулировано. "Единому ничто не противостоит", "единому ничто не противоположно", "единое есть все" - такова основная идея его философии. Правда, под этим единым Кузанский понимал бога, но это, скорее, традиция. Достижения Кузанского вызвали целую цепь открытий, которые, в свою очередь, привели к научной революции XVII века. Философское обоснование им бесконечного навело Н.Коперника (1473-1543) на мысль о бесконечности Вселенной, что уже вскоре было им доказано. Коперник положил начало великому процессу освобождения естествознания от теологии. Без этого были бы невозможны Бэкон, Локк, Гоббс. Если до Коперника действительными были только видимые тела, то теперь стало ясно, что видимое - не предел. Гений Коперника привел к созданию новой гелиоцентрической системы мира, где в ней ещё находили в себе некоторые перипатетические и схоластические элементы. Коперник не просто поменял Землю на Солнце в пространстве и иначе сфокусировал космическую систему: он коренным образом изменил само пространство, сам космос, его пространственную структуру и всю концептуальную систему старой картины мира. Было доказано не только наличие других планет, но и возможность измерения расстояния до них.

Новое понимание космоса вызвало потрясение в умах многих ученых. Недаром Дж. Бруно говорил, что когда он читал книгу "О вращениях небесных тел", то у него кружилась голова от осознания бесконечности мира. Мир пришел в единое движение и вместе с тем в порядок, его формы стали действительными. Появилась уверенность в том, что не бог, а человек и его разум являются повелителями вселенной. Все это оказало самое тесное влияние на мышление и, соответственно, на язык философии того времени.

Одним из мыслителей, научно предваривших английскую философию XVII в., стал Джордано Бруно (1548-1600). Он подхватил революционное начало Коперника – космологию – и довел его до логического конца – до концепции множественности миров в инфинитном пространстве. Впитав в себя результаты, полученные Кузанским и Коперником, Бруно пришел к выводу, что главной задачей философии является изучение "бога в вещах", т.е. изучение природы, в которой растворен бог. Такая философия, называемая "пантеизмом" ("всебожием"), находилась в резком противоречии со средневековым пониманием бога как существа, сверхприродное бытие которого не подлежит сомнению. Бруно считал, что бог есть, но он растворен в природе и поэтому познание истины, по его мнению, есть познание природы. Именно такой взгляд дал философии толчок в направлении изучения природы. А изучение природы закономерно привело к изучению природных явлений при помощи опыта, эксперимента, т.е. к эмпиризму. На повестку дня встала задача создания новой механики. Так было подготовлено появление Галилея, Ньютона и других ученых. Вся эта наука получила название классической. В результате усилий мыслителей Возрождения от космоса теологов остались лишь жалкие огрызки, которых едва хватило на костёр, запаленный инквизицией в 1600 году на площади Цветов, когда не стало неистового Ноланца. Но его гений продолжил своё триумфальное шествие в идеях Кеплера, Галилея, Декарта, Ньютона, Френсиса Бэкона и др. блестящих мыслителей, которые завершили разгром схоластики, выяснили законы

движения нового космоса и заложили фундамент современной науки. Эта плеяда блестящих философов, физиков и математиков в одном лице взяла на себя бремя дальнейшего развития учения Коперника.

Первым шагом на этом пути можно считать деятельность И. Кеплера (1571-1630) и открытия в его работах «Новая астрономия» (1609) и «Гармония мира» (1619). В своих научно-философских воззрениях И. Кеплер находился под определенным воздействием аристотелевской доктрины, в частности, касательно идеи движения. Эта идея появилась в учении Галилея, который внес огромный вклад в обоснование гелиоцентрической системы в своем знаменитом труде «Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевской и коперниковой».

Галилео Галилей (1564-1642) стал одним из родоначальников экспериментального изучения естествознания. Галилей показал несостоятельность аристотелевской картины мира как в эмпирическом, так и теоретико-логическом плане. Он сформулировал законы классической динамики, разъяснил принцип относительного характера всякого движения, вывел закон ускорения свободно падающего тела, высказал идею инерции. Галилей считал, что решающей формой познания является чувственный опыт, однако сам опыт, по его мнению, еще не приводит к достоверному знанию. Настоящее знание возможно в результате эксперимента, который может быть фактическим или мысленным. Он поддержал идею Коперника и Бруно о бесконечности вселенной и необходимости познания ее и природы. Галилей придерживался теории двойственной истины, согласно которой философская истина и теологическая истина отличались друг от друга и то, что было истинно в философии, могло быть ложно в теологии и наоборот. Придерживаясь принципов механистического мирозерцания, он внес большой вклад в развитие естественных наук, без которых были бы невозможны открытия XVII века.

Научные достижения, как мы уже отмечали, шли параллельно с серьезными изменениями в общественно-политической жизни, они обуславливали друг друга. В конце XVI - нач. XVII вв. произошла революция в Нидерландах. Наиболее развитой в промышленном отношении страной в XVII в. была Англия. В 1640-1688 гг. здесь произошла революция, которая существенным образом повлияла на весь последующий исторический процесс. Основным вопросом революции была борьба за власть. Специфика Англии сказалась в том, что противоборствующими сторонами выступили король и парламент. С самого начала века парламент пытался ограничить власть Стюарта Якова I (1603-1625). Обвинив палату в сочувствии пуританизму, Яков I в 1611 г. распустил парламент, но вновь собрал его через десять лет, т.к. казна была пуста. Однако парламент оказался неуправляемым, король вновь распустил его, но в 1624 г. опять был вынужден собрать по той же причине и пойти на частичные уступки. В 1625 г. на престол вступил мягкотелый Карл I, который после ряда конфликтов с парламентом и церковью, после затеянной им гражданской войны в 1642-1646 гг. по настоянию Кромвеля был казнен в январе 1649 г. В мае того же года в Англии была провозглашена республика (Commonwealth), однако на самом деле это была диктатура Кромвеля. В июле 1653 г. решением законодательного собрания Англии республика была ликвидирована и создан протекторат, т.е. власть фактически была поделена между лордом-протектором Кромвелем, парламентом и Государственным советом. При Кромвеле страна стала подлинной Великобританией, объединив Англию, Шотландию и Ирландию. Ряд уступок ей сделала Голландия, выгодные договоры были заключены со Швецией и Данией. Англия стала фактической владычицей обширных морских пространств во всем мире. В мае 1659 г., после смерти Кромвеля в 1658 г., была восстановлена республика. Ряд неудач Англии привел к тому, что в мае 1660 г. наследник британского престола Карл Стюарт II был приглашен опять в страну, началась Реставрация монархии. В 1685 г. на

престол вступил брат Карла II Яков. Его атаковали войска Вильгельма Оранского, который и стал королем Англии в 1689 г. Таков краткий перечень конкретных исторических событий в Англии.

Мануфактурное производство не могло развиваться без того, чтобы не применять принципиально новые методы труда. Важным резервом повышения производительности труда стало использование естественных сил и возможностей природы. Для этого природу надо было изучать и притом активно. Так на первый план вышло экспериментально-математическое естествознание, которое считало опыт основой продвижения науки. Но такому познанию, точнее направлению, противостояли Декарт и его сторонники, положившие начало новому течению в философии - рационализму, ставшему влиятельной научной силой. Фактически весь XVII век прошел в борьбе этих двух главных течений - эмпиризма и рационализма. Если упростить ситуацию, то можно сказать, что эмпиризм существовал главным образом в Англии, рационализм - в остальной Европе. Выдающиеся английские философы XVII века - Френсис Бэкон, Томас Гоббс, частично Джон Локк - являлись представителями эмпиризма.

Настало время дать краткую характеристику месту и роли данных ученых в мировой науке. Ф. Бэкон (1561-1626) – философ, естествоиспытатель, логик, историк и государственный деятель, основоположник английского материализма и опытных наук Нового времени, стал основоположником эмпиризма. Наука должна служить практике, считал он, и только в этом ее предназначение. Заслуга Ф. Бэкона, в частности, состоит в том, что он со всей определенностью подчеркнул: научное знание проистекает из опыта, не просто из непосредственных чувственных данных, а именно из целенаправленно организованного опыта, эксперимента. Он исключительно высоко оценивал роль науки в обществе, знаменитое выражение "knowledge is power" ("Знание - сила") принадлежит ему. Задачей философии, по Ф. Бэкону, является поиск для науки эффективного метода познания ею

действительности. Таким методом, считал он, является эксперимент. Он позволяет человеку познать природу и увеличить свою власть над ней, что и является конечной целью науки. Ф. Бэкон подверг критике средневековую схоластическую логику, назвав её пустым занятием. Поскольку перед наукой стоит задача открывать и изобретать новое, постольку по Ф. Бэкону, логика должна стать логикой изобретений, открытий. Аристотелевская логика с её «Органом» не выполнила этой задачи, и Ф. Бэкон пишет «Новый органон» (1620), который по замыслу автора должен был заменить аристотелевский. Ф. Бэкон подвергает сомнению не только силлогистику¹, а и все научные концепции. Если Аристотель боролся против софизмов, то Ф. Бэкон начал борьбу с «идолами» (призраками), которые мешают правильному познанию мира, искажают действительность. Таких идолов, которые препятствуют познанию истины, по Ф. Бэкону, имеется четыре: идолы рода, пещеры, рынка и театра². Но мало ниспровергнуть идолов. Надо дать разуму человека орудие вспомоществования, научить человека методам познаний, ведущие к истине. Таким методом, по Ф. Бэкону, является индукция, которая учит тому, как постепенно от единичных фактов восходить к общим положениям.

Ф. Бэкон является автором новой классификации наук, признанной и поддержанной позже деятелями французского Просвещения. Он дал развернутое описание эмпирического метода, показал такие виды опытного познания как "плодоносные" и "светоносные" опыты, а также различные формы эксперимента. Одной из основных заслуг Бэкона является обоснование им индуктивного метода. С помощью такой индукции Ф. Бэкон думал отыскивать субстанциональные формы вещей, т.е. последнюю причину свойств вещей.

Конечно, нельзя сказать, что индуктивного метода познания до Ф. Бэкона не было, это было бы заблуждением. Любой мало-мальски мыслящий

¹ Бэкон Фр. Соч. в 2-х т. Т.2. Новый органон. – М.: Мысль, 1972. -С. 13-14.

² Бэкон Фр. Здесь же. С. 18-20.

человек всегда понимал, что отец и мать - это родители, а день и ночь составляют сутки. Индукцию как один из методов научного анализа активно применяли в древнем мире. Однако генеральная линия научного мышления до Ф. Бэкона развивалась преимущественно в дедуктивном плане, древние и средневековые мыслители сначала пытались осмыслить общее, а потом в нем выделить частное, например, сначала что такое природа, потом присущие ей явления. Ф. Бэкон считал, что экспериментально природу можно познать только индуктивным путем. Он был прав, поэтому такой подход был принят специалистами по философии, что само по себе является для английской науки большим достижением. Познание, говорил он, при помощи опыта может идти от единичного факта к общим выводам. Понятно, что такая мысль могла возникнуть только у эмпирика.

Индукция бывает полной и неполной. Наиболее достоверной является полная индукция, т.е. вывод о качествах всего объекта, всей генеральной совокупности на основании изучения качеств всех единиц данной совокупности. Однако в науке использование полной индукции всякий раз невозможно, большинство научных открытий делается на основе изучения части единиц генеральной совокупности. Другими словами, ученый вынужден применять в основном неполную индукцию. Иначе, пытаясь изучить качества человека, он был бы вынужден, если быть строго научным, изучить всех людей планеты. Проблема применения первого или второго вида индукции и условий, когда возможно применение неполной индукции, является одним из наиболее сложных вопросов философской науки всех времен и народов. Заслуга Ф. Бэкона в том, что он дал классическое описание метода и рекомендации по правилам его применения. Словом, можно сказать, что если древние и средневековые ученые, придерживаясь однажды заданной традиции, поддерживали, развивали и культивировали дедуктивный метод, то Ф. Бэкон поднял индуктивный метод на такую же высоту и доказал, что он с научной точки зрения столь же состоятелен и значим, как и дедуктивный.

Со времен Ф. Бэкона дедукция и индукция идут в единой связке как равные между собой методы философского анализа. А Англия по праву гордится тем, что она есть родина научно обоснованного индуктивного метода.

Таким образом, творчество Ф. Бэкона оказало сильное воздействие и на современников, и на всю последующую философию, и на соотечественников, и на зарубежных ученых, и в плане поддержки и развития его идей, и в плане выдвижения контраргументов его взглядам. Можно сказать, что Ф. Бэкон заразил многих современников и последующих мыслителей духом новой классической науки. И хотя Ф. Бэкон фактически сам составил целую эпоху в философской науке, наиболее сильное влияние он оказал на своих соотечественников. Фактически он стал основоположником эмпиризма, который является отличительной чертой всей английской философии и общественной мысли страны. Хотя, надо признать, в философской традиции его признают лишь как родоначальника английского материализма и методологии опытной науки и не очень ясно признают, что он является также и основоположником эмпиризма. В целом, творчество Ф. Бэкона относится к тем замечательным вехам истории, знакомство с которыми продолжает обогащать нас и сегодня, поскольку людей вообще обогащает и чему-то учит человеческое идейное прошлое в откровенном и впечатляющем изложении выдающегося, талантливое и умное мыслителя-философа и писателя.

Одним из признанных английских философов, на которого Ф. Бэкон оказал сильное влияние, является Джон Локк (1632-1704)- ученик Ф. Бэкона и «систематик» его материализма, на долю которого выпало привести философскую онтологию в соответствие с методом нового естествознания. Выпускник Оксфордского колледжа, он достаточно полно разработал эмпирическую теорию познания. Локк стал продолжателем бэконовского эмпиризма, он развивал свои идеи в упорной борьбе с расцветшим в ту пору в Англии кэмбриджским неоплатонизмом, картезианством и традиционной

схоластической философией. В 80-х годах Локк находился в Голландии, где сблизился с Вильгельмом Оранским и после провозглашения его королем Англии вернулся на родину. Эти связи оказали действенное влияние на его творчество. Центральной идеей философии Локка является мысль о том, что изначально данных (врожденных) идей не существует, в том числе идеи бога. Все знания человека проистекают из его опыта. Локк делил опыт на два вида, -внешний, получаемый из ощущений, и внутренний, идущий от рефлексий в человеческом организме и сознании. Знание - это познание тел, которые у Локка имеют сложную иерархию. Он различает первичные тела - протяженность, движение, фигура, плотность. Он называл их простыми идеями. Идеи не совпадают со вторичными телами - звук, запах, вкус, цвет. Все в мире образовано обычным путем сложения, совмещения простых идей, только в разной степени и формах. Так простые идеи становятся сложными - модусами, субстанциями и отношениями.

Среди идей Локк выделил ряд альтернативных пар: реальные и выдуманные, понятные и смутные, адекватные и неадекватные. Большое внимание уделил он познанию. Локк считал, что познание истинно только в той степени, в какой оно соотносится с действительностью, исходит из нее. Он выделял три типа познания: интуитивное, демонстративное и сенситивное. Интуитивное познание - это существование самого человека, его бытие, которое не требует дополнительного доказательства. Демонстративное познание - это познание массами того, что ранее было дано или познано наиболее выдающимися умами, например, положения математики, этики, существование всевышнего. Сенситивным он называет познание единичных вещей, отдельных явлений. Так как сенситивное познание он считал наименее достоверным, то большое внимание он уделил эксперименту. Над своим главным сочинением "An Essay concerning Human Understanding" ("Опыт о человеческом разумении") он работал около 20-ти лет. Основной идеей Локка является мысль о том, что истина или ложь -

это соединение и разъединение идей (и их отражений) в соответствии или несоответствии с обозначаемыми ими вещами, воспринимаемыми опытом. Из этой идеи видно, что на философию Локка самое тесное воздействие оказала отличительная черта научной мысли его эпохи, а именно - принципы механистического материализма как преобладающего течения в философии XVII в. "Нет ничего в разуме, чего прежде не было в чувствах" - таково его известное изречение. Значение философии Дж. Локка в истории мысли Нового времени велико: непреходящее значение имеет разработка им структуры процесса познания. Подходы Локка, обсуждаемые им темы и полученные результаты наложили отпечаток на всю британскую философию последующего времени. Это верно как в отношении материалистической (Толанд, Гартли и Пристли), так и идеалистически-агностической (Беркли и Юм) линий. Теория познания Локка сильно воздействовала на деиста Э. Коллинза, моралистов Э. Шефтсбери и Б. Мандевиля и на целую плеяду английских и шотландских эстетиков XVIII в. – от Дж. Аддисона до Г. Хоума. Во второй половине века Локк был главным теоретическим авторитетом для всех европейских просветителей. Вольтер и Кондильяк положили начало прямо-таки триумфальному шествию его философских идей во Франции»¹. Джон Локк был и великим просветителем: он осуществил в философии Англии такой переход от «века энтузиазма» к «веку разума», который надолго избавил её от подчинения религиозному фанатизму. Как бы ни отмечал Локк слабости непоследовательности и близорукости расчетов человеческого ума, он полон был оптимистического убеждения в том, что разум, опираясь на твердо установленные факты, со временем станет руководителем всех начинаний и поступков людей, возьмет под свой строгий и последовательный контроль всякую субъективность, победит слепую веру и произвол, искоренит легкомыслие и невежество, утвердит науку в роли

¹ Нарский И. Дж. Локк и его теоретическая система // Дж. Локк. Соч. в 3-х т. Т. 1. - М.: Мысль, 1985. - С. 74.

путеводительницы человечества во всей его деятельности¹. А «деятельность есть самое важное для людей»². Этими мыслями Дж. Локк нам ныне в особенности дорог и ценен.

У английских эмпириков был сильнейший противник - француз Рене Декарт, классический рационалист. В отличие от эмпириков, которые искали истину при помощи единичных опытов, он настаивал на необходимости найти единый, универсальный метод отыскания истины, который, по его мнению, должен был быть теоретическим, а не эмпирическим. Эмпирика же могла подтвердить истинность или ложность избранного метода. Наукой, которая может дать человечеству такой метод, он считал математику. Доводам Декарта и картезианцев нелегко было противостоять. В этой борьбе на сторону Ф. Бэкона против Декарта решительно встал английский философ Гоббс – один из основоположников новой формы материализма – механистического материализма. Томас Гоббс (1588-1679) получил классическое образование в Оксфордском университете. На его миропонимание самое тесное влияние оказала буржуазная революция XVII в., он был одним из идеологов Кромвеля. Гоббс неоднократно лично беседовал с Бэконом, читал Галилея, Гассенди, Декарта. Основной заслугой Гоббса в философии является то, что он первым в истории упорядочил завершённую структуру механицизма. Механицизм Гоббса был материализмом двоякого рода. С одной стороны, он воплотил лучшие достижения всей предшествующей ему науки, создал целостную, стройную систему. С другой стороны, это был материализм XVII века. Например, Гоббс считал, что геометрия и механика являются идеальными образцами научного мышления. А о том, что таким образом является диалектика, он не мог и подумать, т.к. универсальные законы диалектики будут объединены Гегелем в целостный метод где-то через 150 лет. Гоббс считал,

¹ Нарский И. Здесь же. С. 75.

² Локк Джон. Сочинения в 3-х т.: Т.1-2: Опыт о человеческом разумении.-М.:Мысль,1985.- С.343.

что знание - это сила, а истиной для него была только та философия, которая помогала обществу получить как можно больше жизненных благ. Природу он воспринимал чисто в стиле английской философии того времени - она была для него совокупностью тел, которые различаются между собой характером движения, видом, величиной и местом в общей иерархии. Любое тело или явление есть результат синтеза этих тел в различных вариантах и на разных уровнях. Движение, по Гоббсу, в своей первооснове является простейшим перемещением, все остальные формы движения - сочетание различных видов такого перемещения.

Несмотря на то, что философская традиция рассматривает Гоббса как материалиста, тем не менее в его взглядах чувствуется и влияние Декарта. Мы присоединяемся к мнению о том, что Гоббс в своих взглядах соединил рационализм с номинализмом. Дело в том, что Гоббс отрицал объективно существующее качественное многообразие природы. Он считал, что чувственные качества не есть свойства самих вещей, они являются лишь формами их восприятия. Гоббс выделял два вида пространства - протяженность, которая имеется у реальных тел, и пространство, создаваемое человеческим разумом (*fantasm*), а также два вида движения - реальное движение тел и время как субъективный образ движения. Выделял он и два метода познания - логическую дедукцию, присущую механике, и логическую индукцию, присущую эмпирической физике. В логике Гоббс был приверженцем номиналистического учения древнегреческих стоиков (IV-II вв. до н.э.). Мышление, говорил он, - связывание и разъединение имен. Складывать и вычитать можно не только величины и тела, но и понятия (имена), отношения, предложения и слова. Сложение двух имен (понятий) дает по Гоббсу, суждения, а сложение двух суждений – силлогизм и, наконец, сложение нескольких силлогизмов образует доказательство. Логика определялась Гоббсом как наука о путях и методах отличения лжи от науки. Центральное место в логике он отводил теории знаков.

Имена Гоббс делил на положительные и отрицательные, на единичные и общие, простые и сложные, на односмысленные и многосмысленные, первичные и вторичные. Определить понятие, по его мнению, - это зафиксировать значение имени и отграничить его от всех других значений; определение – это суждение, предикат которого расчленяет субъект, когда это возможно, и разъясняет его, когда это невозможно. В логику Гоббс включал три закона мышления: закон тождества интерпретировался им как принцип строгой определенности употребляемых в рассуждении имен; законы противоречия и исключенного третьего истолковывались им как требование не соединять взаимоисключающие друг друга имена. Гоббс дал набросок классификации знаков. Как и Локк, он внес свою лепту в развившуюся впоследствии семиотику. Одной из главных заслуг Гоббса в истории мировой прогрессивной мысли является то, что он выступал принципиально против подчинения философии теологии, хотя и родился в семье священника. На этических взглядах Гоббса мы остановимся позже.

Хотя Джордж Беркли (1685-1753) – философ, теоретический предшественник эмпириокритицизма, епископ англиканской церкви и творил в XVIII веке, скажем о нем несколько слов как об одном из представителей классической английской философии. Беркли, в отличие от своих предшественников, был представителем субъективного идеализма и опровергал материализм. Он критиковал понятие материи, не признавал ее как объективную реальность. Он выступил против локковского понимания материи и пространства, против деления качеств веществ на первичные и вторичные. Написал пять основных философских сочинений, в которых полностью проявилось богатое разнообразие возможностей английского философского языка. Философская лексика носит четко выраженный научный и абстрактный характер, а сама философия издревле считается царицей общественных наук. Поэтому, как мы уже говорили, было бы заблуждением исследовать проблему нашей диссертации, а именно -

английскую философскую понятийную систему XIV-XVII вв., только на материале произведений философов. Философские понятия и категории массово использовались просветителями, политическими и общественными деятелями, писателями, обществоведами. И, поскольку целью диссертации является изучение английской философской понятийной системы в целом, а не лексики только в трудах классиков английской философии (что было бы ограничено и неправильно), то естественно, что мы включили в круг своего изучения произведения Мора, Шекспира, К.Марло, Т.Эллиота, Э.Филмора и других выдающихся представителей английского языка, которые, в силу своего мировоззрения, интересов, таланта и творческой манеры, активно использовали богатые возможности философской лексики, хотя и не специально в научных целях, но тем не менее в их глубоком, подлинно философском значении. Тем самым они существенно и со всех сторон, в том числе художественно-философской, обогатили мышление своих читателей. А такая практика является для нас основным критерием существования и функционирования философских понятий и терминов.

Возьмем, к примеру, Томаса Мора (1478-1535). Он разделил участь таких великих мыслителей как Бэций, Бруно, Сократ и др., т.е. был казнен за свои убеждения. Учился в Оксфордском университете, в 1529-1532 гг. был канцлером Англии. Его работа "Утопия" не есть философское сочинение, это социально-политический трактат, изобилующий философскими понятиями и словами. В идеальном обществе, по Мору, не должно быть частной и даже личной собственности, все должны трудиться по 6 часов в день. В политике все равны, действует принцип выборности, основой общества является семья, которая есть не только родственная, но и производственная ячейка. А первая часть "Утопии" - это скорее литературное произведение, в котором сатирически изображены нравы современной ему Англии. Вывод напрашивается сам собой - ни Мор, ни Шекспир, ни другие мыслители не могли обойтись без философской лексики. Более того, мы склонны считать, что именно исполь-

зование философской лексики, т.е. универсальных мировоззренческих понятий и категорий, и стали одной из причин того, что этими авторами были созданы великие произведения. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что английская философская лексика Возрождения формировалась и развивалась под влиянием двух основных факторов - событий, происходящих в английском обществе того времени и творчества великих английских авторов периода Возрождения и Нового времени. Люди создавали эпоху, эпоха создавала людей. Творчество английских мыслителей могло состояться только при активном использовании лексических ресурсов английского и других языков, наполнение существующих терминов новыми, более разнообразными и богатыми значениями.

Тенденции развития и пополнения состава философских понятий

В эпоху Возрождения меняется складывавшееся веками отношение к искусству, уничтожается деление искусств на "механические" и "свободные", формируется относительно самостоятельная сфера художественной деятельности, продукты которой начинают выполнять новые функции в соответствии с потребностями развития новых общественных отношений. То было время великих усилий и значительных открытий, не оцененных по достоинству современниками и понятых лишь тогда, когда их результаты наращиваясь от столетия к столетию стали одним из решающих факторов жизни человеческого общества. Именно тогда создавались основы современного естествознания и вместе с ними предпосылки ускоренного развития техники, приведшие позднее к промышленному перевороту в экономической структуре общества и его дальнейшему развитию на индустриальной основе.¹ Философия, наука, искусство начинают теперь

¹ Субботин А.Л. Френсис Бэкон и принципы его философии/ Бэкон Френсис. Соч. в 2-х т. Т.1.- М.: Мысль, 1971. -С. 16.

восприниматься как грани единого целого, а художник перестает быть шутом, актером, ремесленником. Обнаруживается, что он скорее мыслитель, а потому его творчество, сама его личность становятся предметом особого внимания гуманистов. Возникает новый тип интеллигенции: писатели, ученые, художники, в произведениях которых отражается эпоха величайшего культурного и промышленного переворота, разложения старого типа общественных связей и соответствующего ему типа мышления.

Хотя радикальные преобразования эпохи Возрождения переживались и осмысливались гуманистами еще в прежних терминах, начинают давать себя знать крутая ломка понятий и принципов прежней "креационистской логики". В сфере теоретического мышления начинается формирование нового понятия причинности, на его основе складываются и принципиально новые схемы объяснения явлений природы, а затем и человеческой деятельности, модифицируется содержание категорий, познавательной деятельности.

В контексте каждой культуры на разных ее этапах можно выделить и особый тип противоположных тенденций - множество стилевых образований в пределах культуры одной эпохи. В противоречивых формах таких явлений в истории философской мысли эмпиризма и рационализма происходило развитие интеллектуального ядра культуры исследуемого периода, трансформация центра тяжести, преобразование культурных контекстов, изменение ценностных ориентации. Наиболее полный охват всех сторон жизни осуществляется в научной и художественной литературе эпохи, что делает наиболее значительные произведения эпохи средством реконструкции духовной атмосферы самой эпохи, характера мировосприятия и миропонимания, способов миропознания мыслителя - человека прошлого. Их творчество не только весьма показательно для своего периода, но и сыграло значительную роль в систематизации выражения научных понятий средствами национального языка.

Английский язык того периода далеко не был совершенным философским языком. Мыслители эпохи не могли не понимать, что это серьезное препятствие для дальнейшего развития англоязычной философии, ибо без точности терминологии, понятийного аппарата нельзя рассчитывать на точность мышления и его истинность. "Слова должны соответствовать мыслям; непроясненность слов рождает запутанность толкования и непонимание смысла, а в своем крайнем выражении приводит к искажению характера бытия и мышления"¹. Все это не могло не отразиться на словарном составе языка эпохи и тенденциям развития и пополнения английского языка вообще и философского языка в частности.

Возрастающий уровень философского анализа и мировосприятия находит свое отражение в постепенном увеличении числа терминологической лексики в системе философского лексикона, а также в корреляций значений терминов в рамках терминотворчества отдельных мыслителей², в содержательной структуре текстов философского порядка меняются позиции терминов, прослеживается их адекватность и т.д. В свете вышеизложенного представляет интерес тенденция развития языка английской философии периода исследования и дальнейшего пополнение ее понятийного аппарата, речевое выражение которых проявляется в лексике.

В философии интерес к проблеме языка и его истории в качестве средства исследования проявился очень рано: еще Платон, анализируя категорию субстанции, разобрал этимологию выражавшего это понятие термина³. Не оставлял без внимания философскую терминологию и Аристотель – вся его книга V "Метафизики", как подтверждают исследования его трудов,

¹ Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций.-М.: Наука, 1987. -С. 66.

² Боэций считается одним из первых разработчиков латинской философской терминологии, адекватной греческой, хотя немало в этой области было сделано еще Цицероном. Он переводит "Введение" Порфирия - сочинение, ставшее трактатом средневековой логики, определив круг ее понятий, проблем и истолкований. "Без столь важной работы Боэция по выяснению, уточнению, переводу, детализации и выработке философской терминологии (на латинском языке - К.Ш.) просто невозможно представить себе дальнейший ход развития средневековой схоластики" (Уколова В.И. Указ. соч. С. 73).

³ Платон Соч. Т.1. –М., 1972. -С. 439-440.

посвящена выявлению значений основных терминов философии - начало, причина, элемент, природа, необходимость, единое, сущность, количество, качество, часть, целое и др¹. Позднее этот интерес перешел и к философии Возрождения. "Люди объединяются речью, - писал Ф. Бэкон в 1620 году, - слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум.... Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям". Чтобы избежать всех этих неприятностей, нужно установить точное значение этих слов и, прежде всего, тех из них, над которыми постоянно задумываются люди².

Через 70 лет сходные мысли мы встречаем и у Дж. Локка в его «Опыте о человеческом разумении», где он признается: "Я должен сознаться, что сначала не думал заниматься исследованием слов. Но когда я начал рассматривать границы и достоверность нашего познания, то нашел, что оно так тесно связано со словами, что если не рассматривать внимательно их силы и значения, то и о познании можно сказать очень немного...". Поэтому Дж. Локк отдельно выделяет философское употребление слов (в противовес их гражданскому употреблению), под которым он подразумевает такое их употребление, "которое служит для передачи точных понятий вещей и для выражения в общих положениях определенных и несомненных истин, на которые ум может полагаться и которыми он может удовлетворяться в своих поисках истинного познания"³.

Оба философа были убеждены в важности изучения понятий в их соотношении со словами. Как и Ф. Бэкон, Дж. Локк делал из подобных несовпадений понятий и слов один вывод: философ обязан разобраться в их сложном соотношении. Несовпадение между ними, известная произвольность наименований затрудняют процесс осознания самих

¹ Аристотель. Метафизика. М. -Л., 1934.

² Бэкон Френсис. Соч. в 2-х т. Т.2. - М.: Мысль, 1972. -С.19-20.

³ Локк Дж. Соч. в 3-х т.: Т.1. Опыт о человеческом разумении. - М.: Мысль, 1985. -С.535.

понятий. Затруднения эти, однако, не приводят к невозможности осмыслить понятия, но лишь демонстрируют непрямолнейность подходов человека к понятиям. Используя данные этимологии, Дж. Локк анализировал категории «субстанция» и «сущность». Известно также, какое значение анализу языковых форм и этимологическому разбору философских понятий придавал Гегель. Он исследовал категории «сущность» и «бытие» и понятие «суждение» (Urthel)¹. "Язык, - обращал внимание П.Лафарг, - занимает слишком большое место в развитии разума, чтобы этимологическое образование слов и их последовательные значения не отражали на себе условий жизни и умственного состояния людей, их создавших и пользовавшихся ими"². "Изменения в значениях слов иногда очень поучительны" - отмечает Б.Рассел³. Глубоко философское рассмотрение роли и значения диалектики человеческого слова можно найти у А.Ф.Лосева, П.А.Флоренского⁴.

Говоря об истории языка как о средстве исследования становления языковой (словарной) базы английской философии, ее категорий, мы имеем в виду несколько аспектов этой области знания, соответственно разным уровням развития философии как форме мышления. Во-первых, речь идет об этимологии выражающих категориальные - шире - философские понятия слов естественного народного языка, позволяющей вскрыть древнее, глубинное содержание обозначаемых ими понятий, соответствующих уровню становления категорий философии как форм мышления⁵. Для того, чтобы проследить развитие категорий мышления на следующем этапе, предшествующем их становлению в качестве категорий философии, необходимо изучить эволюцию значений выражающих их слов и

¹ Гегель. Соч. Т.1. М.-Л., 1929. -С. 192., 273.

² Лафарг П. Соч.Т.3. М.-Л., 1931. -С. 47.

³ Рассел Б. История Западной философии. Новосибирск, 1999. -С. 52.

⁴ Лосев А.Ф. Философия имени / Из ранних произведений. - М.: Правда, 1990. -С. 139-156. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т.2. - М.: Правда, 1990. -С. 17 - 350.

⁵ Маслиева О.В. Становление категории причинности. - Л.: Наука, 1980. -С.13.

грамматических структур в культуре народов - носителей рассматриваемых языков на протяжении длительного исторического периода. Это составляет второй аспект истории языка как средства исследования категорий. Третий аспект - это история становления философской терминологии: вхождение слов в качестве терминов для обозначения понятий развитого категориального мышления, в состав философских систем, эволюции смыслового объема этих философских терминов и субституция одних терминов другими для выражения близких по значению философских понятий. Последнее - факт истории языка, позволяющий наблюдать процесс формирования и дифференциации категорий уже внутри философских систем, особенно в период становления самой философии.

История становления и развития любого национального языка всегда самобытна. "Образование письменной формы английского национального языка относится к XIV-XV вв. и связано в основном с преодолением центробежной инерции диалектов и влияния французского языка. Ко времени Возрождения средневековые процессы языкового скрещивания уже завершились и на базе Лондонского диалекта сложился национальный язык. Победив в сфере функционального развития французский, английский язык сам испытал сильное влияние последнего, что сказалось наиболее очевидно на его словарном составе"¹.

Процесс формирования английской нации² обусловил собой дальнейший рост и распространение как устного, так и письменного национального

¹ Онтология языка как общественного явления. - М.: Наука, 1983. -С. 119.

² Процесс образования наций и национальных языков у отдельных народов протекал в различные эпохи по-разному в зависимости от степени интенсивности развития, а затем и распада феодальных отношений в данной стране, от состава населения и его географического распространения. Первой "капиталистической нацией" была Италия. Вслед за итальянской нацией зарождается также голландская, а позднее французская (официальным и единственным государственным языком французский провозглашается в 1539 г.) и английская (XV-XVI вв.) Годы правления Тюдоров (1485-1607) были периодом высшего расцвета абсолютизма в Англии, торжества государственного принципа национальной монархии над центробежными устремлениями феодалов. В стране происходит интенсивный процесс формирования английской нации.

английского языка. Этот внешний по отношению к системе языка фактор оказал большое влияние на развитие литературного языка¹.

Развитие и совершенствование лексики в целом определяется противоречием между ее возможностями в каждую историческую эпоху и растущим стремлением людей выразить свои мысли и чувства адекватнее, стилистически разнообразнее и точнее в свете нового философского видения и миропонимания. Отсюда и другой, не менее важный, вывод: в эпоху бурных общественных трансформаций имеют место наиболее стремительные процессы совершенствования языка. Так "в эпоху национального становления развитие словаря литературного языка происходит значительно интенсивнее, чем в предыдущие, донациональные эпохи, что с особой силой подчеркивает факт тесного взаимодействия внутренних и внешних факторов языкового развития"². Активизируется как процесс заимствования из других языков, так и вся система словопроизводства. Расширение состава английской философской лексики по своему содержанию отражало возникновение качественно новых явлений в жизни общества периода формирования и становления английской нации. Наряду с появлением слов, выражающих новые понятия, следует отметить как характерную черту данного периода английской философской лексики появление новых слов для выражения уже известных понятий. В значительной мере это объясняется обилием французских заимствований, но действует и другая причина, а именно - неотработанность английского словаря в ранненовоанглийский период (XVI в.), что и вело к многообразию и неустойчивости выражения некоторых понятий.

Как мы знаем, в основу литературного языка всегда в силу объективного исторического процесса используется какой-либо территориальный диалект. Для английского языка подобное осознанное выделение литературного

¹ Линский С.С. Формирование лексических норм английского литературного языка в период с XVI-XVIII вв.: Автореф. дис...д-ра филол.наук.-М.,1974. -С.17.

² Онтология языка как общественного явления. – М.: Наука, 1983. –С. 134.

языка с его нормами происходит, по мнению Э.Добсона, в XVI веке; таким языком стал язык юга Англии, в особенности язык Лондона¹. Действительно, В. Н. Ярцева отмечает, что начиная с XVI века, другие местные диалекты Великобритании практически не представляли никакой опасности для общенационального литературного языка². Для исследования развития и совершенствования английской лексической системы нами, как правило, применяется диахронный метод, поскольку наблюдению доступны лишь результаты изменения, а не сами изменения. Следовательно, за развитием языков можно проследить и следят лишь путем сопоставления результатов. Для понимания процесса становления английского философского языка XIV-XVII веков в общем важно учесть: 1) мнения писателей, переводчиков, ученых Возрождения о языке; 2) системы грамматических правил, отраженные в грамматиках периода; 3) толковые словари; 4) стиль мышления эпохи; 5) социальный фон.

Философы типа Фр.Бэкона были заинтересованы "в вещах, а не в словах" и потому ратовали за создание универсального языка, улучшая английский язык при помощи совершенствования его логичности, стройности, простоты. Этому способствовали многие факты: стремление к простоте изложения в научных трудах, рационалистический подход к языку, порожденный философией рационализма, отход от напыщенности и многословия эвфуистической манеры речи"³. Отметим, что в отличие от других западноевропейских языков локальные диалекты для национального английского языка не стали тем резервом, откуда можно было бы черпать лексический материал для пополнения литературного языка в целом и для обогащения языка английской философии Возрождения в особенности. Об этом недвусмысленно свидетельствует изученный нами весь корпус письменных источников философского характера периода анализа. Шекспир и

¹ Dobson S.J. Early Modern Standard English. – Transactions of the Philosophical Society. – L., 1956. P.97.

² Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. – М.: Наука, 1985. – С.193.

³ Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. – М.: Наука, 1985. – С. 172.

др., используют язык местных диалектов в основном, как нам представляется, для характеристики социальной принадлежности героя произведения или обстановки, места и времени действия.

Нельзя не упомянуть и о влиянии литературной и риторической традиции классических языков на практику эпохи исследования. В XVI веке, в пору расцвета пуризма, в английском обществе, особенно в сфере языка, наметились два диаметрально противоположных взгляда на развитие и совершенствование лексики английского национального языка: 1) сохранение латинского языка как языка науки и философии и 2) распространение английского языка на все сферы человеческой деятельности. Многие в риторике Англии XVI-XVII вв., как показывает В.Хауэлл, было связано так или иначе с риторикой Древних Греции и Рима, а учение о риторике, к тому же обогащенное и дифференцированное в средние века в отношении понятийного аппарата, не могло не влиять на науку о языковой теории и практике¹. Литература философского характера того периода, как показывает анализ, изобилует терминами классического происхождения, например, в трудах Г.Вильсона ("Правило разума, содержащее искусство логики, изложенное на английском языке", 1551, "Искусство риторики", 1553), Р.Шерри ("Трактат о фигурах и тропах", 1550), Р.Левел, Т.Мора, Фр.Бэкона, Дж.Локка и др.

Исторические факты, изложенные нами, имеют прямое отношение к проблеме развития и пополнения словарного состава английского языка и языка философии в особенности, потому что они являются важным резервом сознательного языкотворчества, которое характеризовало искания авторов - особенно в XVI веке - в области лексического состава языка и его пополнения для нужд зарождающихся и развивающихся стилей и жанров английской национальной литературы и, в первую очередь, стиля философской прозы.

¹ В.Хауэлл пишет, что в Англии именно стилистическая риторика (или стилистическая часть риторики) получила максимальную разработку и распространение (Howell W.S. *Logic and Rhetoric in England 1500-1700*. Princeton, 1956).

Приступая к анализу философской лексики, мы, прежде всего, исходили из признания того, что основой для изучения лексики языка является именно содержательная сторона¹. Лексический состав английского языка требовал расширения для того, чтобы стать орудием выражения новых и усовершенствованных научных понятийно-логических систем. Потребность языка науки и философствования в новых словах-понятиях была велика. Она могла быть удовлетворена либо за счет внутренних ресурсов, либо за счет внешних, то есть заимствований новых слов и, прежде всего, из классических языков - латыни и греческого. Актуальной становится проблема не только пополнения языка научной, философской лексикой, но и, в более широком плане, обогащения лексики, необходимой для написания научно-философских работ непосредственно на английском языке.

Внутренние социально-экономические сдвиги в обществе находят своё отражение в языке в виде появления острой потребности в установлении более тесных и более регулярных связей с другими языками, заимствования с них слов, словосочетаний. Английский язык Возрождения отражал на себе происходящее продвижение общества на новую ступень социального бытия.

Заимствование иностранных слов как факт объективно-исторический свойственно в той или иной степени всем языкам; это - фактор их эволюции, важный источник развития языка, так как лексика представляет собой область знания, в наибольшей степени "открытую" для всякого рода внешних влияний, область, в которой находят отражение все изменения, происходящие в социальной жизни общества.

Поскольку новые слова появились в философских трудах, прежде всего, для обозначения, наименования реалий и понятий, доселе незнакомых

¹ Подробно о словарном составе научного текста как предмета тематического изучения на материале общенаучной лексики дано в коллективной монографии "Теория и практика английской научной речи". - М., 1987. - С.62-82.

национальному английскому сознанию, постольку анализу, подвергаются слова, заимствованные из других языков и смысловое содержание которых в высшей степени абстрактно.

С этой точки зрения анализ показал, что введению, в определенной степени ассимиляции и толкованию новых слов, способствовали в основном целевые установки авторов. При этом применяются следующие способы : 1) толкование семантики новой лексической единицы в широком контексте, не через показ употребления в различных контекстах, а через экспликацию сущности (природы) самого явления или же посредством логического определения понятия, обозначаемого данной лексической единицей: "Placabilitie is no little occasion moved to be angry, and not withstandinge either by his owne reason ingenerate or by consaile perswaded he omitteth to be revenged, and often times receiveth the transgressour ones reconciled in the limits and boundes whiche honestie hath appoynted in spekyng and doinge.." (T.Ellyot.Govern); "Благодушие (кротость) не есть слабое стремление к сердитости, или не есть непонимание собственных причин для мести,... но весьма часто достигается примирение грешника в пределах, в которых честность отличается в речах и делах", "..moderation is the limits and boundes whiche honestie hath appoynted in spekyng and doinge.." (T.Ellyot.Govern.327); "... умеренность есть пределы, в коих честность отличается в речах и делах", "..abstinence is wherby a man refrayreth from any thyng, whiche he may., take, for a better purpose.." (T.Ellyot.Govern.305); "... воздержание (умеренность) проявляется... когда человек воздерживается от всего того, в чем можно отказать себе... для своего же блага", "..in the fyrste (volume) shall be comprehended the best forme of education or bringing up a noble children." (T.Ellyot.Govern.24); "... прежде всего следует понимать ... наилучшую форму получения образования или воспитания благородных детей", "wherein philosopher ought carefully and actively to have inquired of the strength and energy of custom, exercise, habit, education, imitation, emulation.."

(F. Bacon. De Augm. VII.74). "в то время как философу следует быть внимательным и скрупулёзным в отношении стремления и силы традиций, опыта, обычаев, образования, подражания, состязания..."

2) Вторым способом толкования новых слов является объяснение семантики слова путем соединения значения двух других, уже известных и бытующих в языке слов. Таким образом истолковываются слова, обозначающие не четко определенные понятия, диапазон значения которых довольно широкий, и слово может поэтому быть неправильно истолковано. Объяснение имеет целью конкретизацию параметров понятия, установления его границ, для чего берутся два противоположных по значению слова или понятия, например: "Nowe trust I have sufficiently expounde the vertue called maturitie, which is the meane or mediocritie between slowthe and celerity, communely called spedinesse..." (T. Ellyot. Govern. 215). "Теперь я с убежденностью достаточной определил добродетель, называемую зрелостью, что она ... есть средство или посредство ... между медлительностью и проворством, в целом называемую скоростью (быстротой) ..." .

В ряде случаев - правда реже - авторы для наглядности объяснения прибегают к примеру противопоставления объясняющего слова и лексической единицы, являющейся его антонимом как, например, при толковании слова placability "благодущие, кротость" Т.Элиот пишет: "The vertue thereof is best knowen by the contrarye which is ..., called vulgarely wraathe..." (T. Ellyot. Govern. 55). "... добродетель ... поэтому есть противоположное тому, что называется вульгарно ... ярость".

Новое заимствование acceleration -1531- [ad.lat.accelerationem, acceleratus, accelerare, f.ac=ad+celer] "акселерация, ускорение", введенное Т.Элиотом, объясняется семантическим объемом исконно германского слова haste, которое, таким образом, ставится в синонимическое отношение с обозначаемым словом. Или еще: Contractio, onis, feare, a shrinking or gathering together, a

frowning, a contraction or shortening, a drawing in, a faintyng of courage" (T. Ellyot. Govern. 60). "Сокращение ... уменьшение или сжатие воедино ... сокращение или сжатие, ... ослабление храбрости".

Здесь заимствованное слово contraction -1582 (ad.F., ad.lat. contracti-onem) "сокращение" толкуется путем постановки синонима shortening "уменьшение". Или: "A compeller, or constrainer. Coactor" (Baret); "Кто-то заставляющий или принуждающий. Со-деятель"; "Cosmographe, a cosmographer, or de-scriber of the world" (Florio). "Космография, космограф или человек, описывающий природу мира, вселенной".

Отличительной особенностью здесь является то, что авторы словарей не дают истолкования сущности обозначенного заимствованным словом явления или понятия, а подбирают знакомое для национального сознания слово, причем и в роли интерпретирующих слов могут выступать как исконно германские, так и заимствованные, но уже бытующие и ассимилированные национальным языком слова. Такова была суть философии языка того времени.

Иногда авторы-словотворцы дают мотивировку употребления того или иного слова, советуя при этом выбрать одну из предложенных лексических единиц. Например, Путтенгем объясняет hyperbole "гипербола" - 1529 (a.Gr. hyperboly excess, exaggeration) "гипербола, преувеличение" двумя созданными словами overreacher "хитрец" и loud Iyer "обманщик, вран": "Hyperbole or the overreacher otherwise called loud Iyer ... I for his immoderate excesse call him the overreacher right with his original or loud Iyer and we thinke not amisse..." ("Преувеличение ... подобно хитрецу или обманщику ... я по этому случаю называю такового хитрецом по своей сути или болтуном ... и думаю, что это верно. "

Тенденцию развития и пополнения состава терминологической лексики в системе философского лексикона и конкретизации философских понятий в анализируемую эпоху можно сформулировать следующим образом: введе-

нию, усвоению и интерпретации инноваций способствовали прежде всего целевые установки авторов. Более всего неологизмы вводились: а) толкованием смысла нового слова в широком контексте, т.е. посредством объяснения сущности самого явления или же путем логического определения понятия; б) объяснением смысла нововведения путем соединения значения двух других обыденных слов; в) путем противопоставления словарных дефиниций; г) путем мотивировки употребления слова.

Таким образом, обусловленные факторами социально-философского характера, эти тенденции имеют непосредственное отношение к проблеме развития и обогащения понятийного состава английского языка и языка философии в особенности.

Своеобразие экспликации авторского "Я" в английской философии Возрождения

Анализ философских трудов авторов периода исследования привел нас к логическому выводу о том, что значимость для человека философского знания как о внешних, так и о внутренних мирах была равновелика и равноценна. Человеку бесконечно важно было знать само существенное не только в отношении природных или социальных явлений со всем их многообразием, но также, а, может быть, и прежде всего – в отношении самого себя, своего внутреннего мира, духовных миров других людей. И это не являлось праздным интересом, а глубокой, постоянной, жизненной практической потребностью. Без её перманентного удовлетворения, хотя бы в определенной степени, невозможно было оценить существование человека.

Не кто-то со стороны, а сам мыслитель по своей природе, по своим внутренним потребностям, всегда философствует, так как он не может не размышлять о самом себе по отношению к «другому».

Факт осознания человеком своей единственности в мире и своей смертности перед лицом вечного мира заставляет его выходить на осмысление основных связей «Я» и «мира». Отсюда вывод о том, что философия есть философствование, и что это «основное событие человеческого бытия»¹. Философ соизмеряет себя и в мир в целом, себя и общество, себя и государство, свой духовный мир с таковым других. Личностное существование человека неразрывно связано с идеями и понятиями максимально возможной широты, то есть с философствованием.²

Проблема становления различных функциональных стилей, включая (особенно) английский научный язык, изучена весьма поверхностно. Необходимость исторических исследований в этой области подчеркивалась не раз ещё акад. В. В. Виноградовым. Он отмечал, что "историзм - основа правильного понимания явлений"³. Это обстоятельство обязывало нас обратиться к исследуемой эпохе с этой точки зрения и выявить стилистические элементы становления научного стиля в Англии.

Прежде чем приступить к описанию особенностей философской речи, необходимо уяснить, что является характерным для этого стиля в современном английском языке. Поскольку этот вопрос довольно четко изложен в трудах И. Р. Гальперина, Н. Разинкиной и др.⁴, то перейдем непосредственно к личным наблюдениям.

В отличие от современного научного стиля, в исследуемый период была широко представлена такая особенность, как иррелевантность, т.е. добавление в канву научного изложения определенных непосредственно не относящихся к излагаемому предмету довольно пространственных подробностей; такая иррелевантность свойственна языку научной прозы периода

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – С. 26.

² Стрижко В. А. Краткое слово о философии для лидера. – Харьков: Экограф, 2002. – С. 25; Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. – М.: Наука, 1983. – С. 42-178.

³ Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избр. труды. – М.: Наука, 1977. – С. 5.

⁴ Гальперин И. Р. Некоторые типологические особенности литературного языка XVI века // Типология германского литературного языка. – М., 1976; Разинкина Н. М. Развитие языка английской научной лит-ры: лингвостилитическое исследование. – М.: Наука, 1978.

становления научного стиля¹. В научной форме изложения эпохи характерно ощущение присутствия автора. В целом заголовки характеризуются многословием, часто довольно сложной окраски, например:

"An alarum against Vserers: containing tryed experiences against worldly abuses, dc. Heereunto are annexed the delectable Historie of Forbonius and Priseria: with the lamentable Complaiut of Truth ouer Egland. Written by Thomas Lodge, of Lincolnes lune, Gentleman"; "The famous true and Historical life of Robert secound Duke of Normandy, surnamed for his moustrous birth and behauior, Kobin the Diuell. Wherein is contained his dissolute life in his youth, his deuout reconcilment and vertues in his age: interlaced with many straunge and miraculous aduentures. Wherein are both causes of profite, and manieconceits of pleasure."; ("Предупреждение: книга, содержащая опытные данные против мирских недоразумений и т.д. Увлекательная история Форбониус и Приссерии: написанная Томасом Лоджем из Линкольншира, джентльменом; известная и правдивая история жизни Роберта II, дьюка Нормандского, названного так за его рождение и дело исчадием дьявола. Также содержится жизнеописание его юности, его преданности и деяний его возраста, с вкраплениями многих странных и очаровательных приключений, где есть и случаи получения выгод и многочисленных удовольствий").

Такое понимание иррелевантности объяснимо с точки зрения ее социально-философской обусловленности, а именно: человек научился философствовать – у него появился научный язык, он учится говорить сам, выкладывать свои мысли без обязательных ссылок на бога и на Библию. Это – внешнее проявление внутренне созревшего мира мыслей. А они, в свою очередь, созрели потому, что изменился внешний мир: человек почувствовал свою созидательную силу и познавательную энергию, начал – робко - осознавать свое место в этом брэнном мире. И тут возникает весьма справедливый интерес откуда и зачем потребовались эти подробные названия заглавий книг,

¹ Язык научной литературы.- М.: Наука, 1975. -С. 5-26.

занимающих чуть ли не целые страницы. Ответ заключается в следующем: человек, преисполненный радости, что может свободно высказать своё мнение на родном, доступном многим языке, торопится, захлебываясь от избытка внутренних мыслей и чувств, и хочет как бы высказать уже в самом титуле обобщенно – философскую суть того, что он собирается расшифровать в тексте своего труда. Истинный философский смысл «описательных титулов» кроется именно в специфике психологии английского ума: *Opus* – есть описание, ведущее к выводу, который может быть реализован в итоге длинных абстрактных медитаций, либо облачён в форму конкретных образно-доступных мыслей в виде компендиума. Оба, по сути, являются мысленными подстановками, не устраняющими реальности описываемого явления, т.е. его образа – компендиума, в одном случае, и, панорамности, во втором случае, но стоят они наряду с ним, при нем и ради него. Титульное объяснение хочет снять самое явление, растворить его реальность в тех дальнейших описаниях, которые оно подставляет вместо компендиумного объясняемого; последнее же сразу желает притянуть и углубить наше внимание и послужить осознанию предстоящей нам реальности описания/рассуждения. Это, как нам представляется, живо свидетельствует о желании английского мыслителя Возрождения не объяснить с ходу мир, но лишь описать его так, как это свойственно английскому уму: сперва, предложить сжатый факт, а затем уже раскрыть, соответственно своеобразному умственному складу данного мыслителя, и утвердить однородность описания и образа (компендиума). Иначе – самое описание есть образ и, наоборот, образ, содержимый в описании, суть не что иное, как сгустки, уплотнения, кристаллы того же описания, но сжатого и образно живого. Отсюда другая специфическая особенность языка научных текстов философского толка – интимизация, то есть внешнее проявление внутреннего желания самоутвердиться. Человек, после долгих столетий молчания и послушности перед Богом и церковью, впервые хочет сказать, выкрикнуть: «Я! Это Я. Я

пишу. Это я высказываю. Я – человек, Я – бог на Земле... Я Вам объясняю». Потому что у человека появилось, наконец-то, ощущение мировой реальности, сфокусированное единство вселенского сознания и – затем уже и единство самопознающей личности.

Повествование от 1-го лица используется авторами не только для выражения их личной оценки предмета исследования, но и в связи с описанием его свойств. Этим обстоятельством мы объясняем факт свободного выражения авторского "Я", а не как особый стилиевой прием научно-философской прозы. В исследуемых текстах четко ощущается свободное восприятие "Я" автора во всех без исключения частях их словесной аргументации, при этом личное местоимение "I" ("Я") становится своего рода аккумулятором мыслей и действий, описываемых в этих работах. Употребление от первого лица единственного числа присуще следующим частям изложения: а) описанию эксперимента; б) описанию методики; в) авторскому наблюдению; г) суждению, выраженному вводным предложением типа I think "Я думаю", I believe "Я знаю", I suppose "Я предполагаю"; I chiefly insist "Я настаиваю на..."; I ought not be accused "не следует осуждать"; д) суждению, экспликации мнения автора "Я"; е) ссылкам на предшествующие работы в данной области исследователей и просто лиц, имеющих какое-либо отношение к данному труду.

Рассмотрим в деталях каждый из указанных моментов.

А.. Описание эксперимента, как правило, ведется от 1-го лица: I take not any substances. I ought not to be accused of discarding substance out of the reasonable world. I onely reject the philosophic sense (Which in effect is no sense) of the word substance... These I retain The philosophic nee quid, nee quantum, nee quale, whereof I have no idea, I discard, if a man may be said to discard that which never had any being. (Berkley. Com. Book.20). "Я не занимаюсь какой-нибудь субстанцией. И не следует осуждать за опровержение субстанции... я всего лишь отрицаю философский смысл этого слова ... я сохраняю в памяти это

как философское "и не кто-то, и не что-то, и не какой-то", ... если у меня нет идеи, то я отвергаю, как это сделал бы человек, который отвергает то, что никогда не существовало".

Б. Описание методики. Приведенные выше положения справедливы и здесь. Авторское "Я" ощущается весьма заметно; типичными глаголами и наречиями при описании зафиксированы: to attempt "пытаться", to take "брать", to proceed "происходить", to open "открывать", to begin "начинать", to conceive "постигать", to cause "побуждать", sometimes "иногда", frequently "часто", several times "несколько раз".

В. Описание наблюдения (в широком смысле), как известно, связано с употреблением глаголов to find "находить", to notice "замечать", to observe "наблюдать", to see "видеть", to perceive "чувствовать", to discern "различать", to view "наблюдать", to describe "описывать", а также таких частотных выражений как to take notice of "замечать", to have the opportunity of "иметь возможность" и др.

Наблюдения также выявили употребление в основном глаголов умственного и физического восприятия (observe "наблюдать", perceive "чувствовать", see "видеть", conceive "постигать", retain "хранить", take "брать", understand "понимать", assert "утверждать").

Г. Суждение. Необходимо подчеркнуть, что описываемая классификация типов научного повествования дает всего лишь общее представление о всех сферах экспликации авторского "Я" и является весьма условной. Исследуемый языковой материал показал, что авторское "Я" эксплицируется с:

1) глаголами to acknowledge "признавать", to allege "утверждать", to argue "спорить", to assert "утверждать", to believe "верить", to conceive "постигать", to confess "признавать", consider "рассматривать", to dispute "дискутировать", to guess "догадываться", to expect "ожидать", to judge "судить", to know "знать", to imagine "представлять", to fancy "воображать", to see "ви-

деть", think "думать", to wonder "удивляться", т.е. это глаголы с семантикой "мнение, суждение, догадка, сомнение" и т.д.;

2) выражениями : it seems to me "кажется"; I am confident + Inf "уверен..."; it seems improper + Inf "кажется..."; I am convinced + Inf "убежден..."; I am prove + Inf "докажу, что...";

3) условным придаточным предложением (if "если"; as "как"): "I am more for reality then any other philosophers. They make a thousand of doubts, I know not certainly but we may be deceiv'd. I assert the direct contrary" - "Я более ближе к реальности нежели другие философы. Они делают сотни догадок, я не убежден, но мы можем заблуждаться. Я утверждаю обратное". (Berkeley. Com.Book.21). "If men didnt woe wods for ideas they would never have thought of abstract ideas" - "Если бы люди не имели слов-понятий для выражения идей, то они никогда бы не имели представления и о самих абстрактных идеях" (ibid, 25); "Locke seems be misfaken w" he says thought is not essential to the mind" - "Локк, кажется, допускает ошибку, когда он говорит, что мысль не является важнейшей для ума" (ibid.34); "I don't fully agree w" Locke in w" he says Conserving Sagacity in finding out intermediate ideas in matter capable of demonstration a the use thereof; as if that were the onely means of; improving and enlarging demonstrative knowledge" - "Я не совсем согласен с Локком, когда он говорит о дальновидности при нахождении идей промежуточных, в случае с возможной демонстрацией и ее использованием; как будто бы они являлись единственными средствами улучшения и увеличения знаний" (ilid. 40);

Д. Вводные предложения в форме 1-го лица I guess "догадываюсь", I think "думаю", I suppose "предполагаю". Эти предложения обычно употребляются с глаголами восприятия to believe "верить", to guess "догадываться", to suppose "предполагать", to think "думать". Особо следует отметить употребление глаголов to mean "иметь в виду, означать" и to say "говорить, сказать" в 1-м лице единственного числа. Например : I mean

всегда употребляется при дальнейшем раскрытии мысли или понятия в значении "я имею в виду", "я подразумеваю", "я хочу сказать", в то время как I say - употребляется для того, чтобы подчеркнуть важность высказываемого. В определенном смысле эти сочетания можно считать некими штампами, характерными для трудов рассматриваемого периода: "The vast, widespread, universal cause of our mistakes is, that we do not consider our own notions. I mean consider them in themselves-fix, settle, and determine them, -we regarding them with relation to each other only" - "Широкая, широко распространенная, всеобщая причина ошибок наших есть в том, что мы не учитываем собственные мысли. Я имею в виду, что рассматривать их следует, зафиксировав, разрешив и определившись; затем мы рассматриваем их соотношение" (Berkeley. Com.Book.23); "What I say is demonstration-perfect demonstration" - "То, что я имею в виду -это демонстрация, прекрасная демонстрация" (ibid.)

Е. Ссылка на другого автора, на его произведение и др. в виде: I am informed "мне известно"; We have learned "нам известно"; "I am better informed a shall know more by telling me there are 14,000 men, than by shewing me them drawn up" - "Я хорошо осведомлен, что 14000 человек..." (ibid.44); глаголов to hear "услышать", to find "обнаружить", to learn "узнать": "We have learn'd from Mr.Locke that there may be, and that there are,several glib, coherent, methodical discourses, which neverthess amount to just nothing" - "Мы узнали от господина Локка, что существуют несколько когерентных методических дискурсов, которые, тем не менее, ничего не стоят" (Berkeley, Com.Book.18) и т.д.

Итак, в результате проведенного анализа можно проследить случаи проявления авторского "Я" в различных планах и частях научно-философского изложения. К этому, как было указано ранее, можно добавить следующее: четкое отнесение текста к определенному жанру в период становления стиля философской речи (труда) невозможно именно по причине еще существующей недифференцированности научного и художественного мышления. В

исследуемый период все виды научной прозы - с точки зрения композиции - в той или иной степени идентичны; они представляют собой последовательное изложение фактов, наблюдений, экспериментов и формулировку некоторых теоретических выводов. Для этого периода характерно еще отсутствие четкого деления излагаемого эмпирического материала - в отличие от современного научного стиля речи - на интродукцию, излагаемый материал и заключение. Однако уже в этот период можно четко выделить в композиционном плане вступление и заключение. Интересно, что анализ языкового материала показывает употребление 1-го лица (единственного числа) как прием интимизации повествования, т.е. авторское "Я" весьма эксплицитно и здесь.

Почему мы характеризуем вступительную и заключительную части произведения представителей периода исследования как традицию, как установившиеся части стилевой экспликации речи? Попробуем обосновать нашу точку зрения. Вступление, как показывает анализ, выражено менее определенно, чем заключение; во вступлении содержится, обычно, либо упоминание о предстоящей работе или дате, как начале исследования, возможно и упоминание о трудах предшествующих. При этом часто авторское "Я" присутствует либо имплицитно, либо эксплицитно: "In vindication of the senses effectually to confute what Des Cartes saith in the last part of the last Med., that the senses offener inform him falsely than truly - but sense of pain tells me not my foot is bruised or broken, but I, having frequently observed then two ideas, viz. of that peculiar pain and bruised foot go together, do erroneously take them to be inseparable by a necessity of nature as if Nature were any thing but the ordinance of the free will of God" (ibid.44). "В доказательство чувств действительного введения в замешательство ... о чем Декарт говорит в последней части труда ... касательно того, что чувство очень часто ложно свидетельствуют более, чем правдиво - но чувство боли говорит мне не о том, что моя нога разбита или ранена, ... но я, часто наблюдая при этом эти

обе идеи, т.е. конкретная боль и разбитая нога связаны друг с другом ... я считаю их обоих взаимосвязанными по необходимости, ибо природа представляет собой не что иное, как указ свободной воли Господа.

Таким образом, можно констатировать, что введение (introduction) как композиционная часть произведения научного стиля почти оформлена как норма. Что касается заключения (conclusion), то еще раз отметим, что это часть вырисовывается более четко уже в самом начале периода исследования. Кстати, слово conclusion [a.F.ad.L.conclusionem] - "заключение" проникло в английский язык в среднеанглийский период через язык-посредник - французский и впервые зафиксировано в SOD (Большой Оксфордский Словарь) в 1382 г. в значении "the end - конец, close - итог, finish - результат" . О.Швецова ошибочно считает, что заключительная часть научного сообщения (conclusion) как черта научного стиля вырисовывается более четко уже в начале изучаемого периода (т.е. XVII в. - К.Ш.), что это слово впервые встречается только в 1683 г. в сообщении, т.е. почти в конце рассматриваемого нами периода, тогда как глагол conclude "заключить" впервые появился в 1665 г.¹ В нашем исследовании уточняется, что conclusion впервые зафиксирован в 1382 г. (N.E.D.) именно в значении "вывод, заключение"², а глагол to conclude - еще в раннесреднеанглийский период (ME) в значении "to finish - "завершать", to come to a conclusion - "прийти к заключению", а в XVI веке его широко применял еще Шекспир. В подтверждение нашего довода добавим, что в XIII веке окончательно сложилась схоластическая логика с ее понятийным аппаратом, которая была направлена не на отыскание нового, не на развитие знания, а на обоснование уже имеющегося материала. Основным средством формальной и дедуктивной логики служил силлогизм. К началу XIV века увеличивается число философов, занимающихся

¹ Швецова О.А. К проблеме становления научного стиля в английском языке (прием интимизации повествования)// Язык научной литературы. -М.: Наука, 1976. -С. 210-215.

² Становление понятия "вывод, заключение" происходит из ресурсов латинского языка, начиная с XIV века, и фактически оформляется именно в логическом понимании и как термин логики заимствованием inference в XVI веке. (См.: Шадманов К. Язык- Идеология-Семантика. -Т.: Фан, 1992. -С. 17-39; 50-58).

проблемами естествознания, что было связано с расцветом номинализма (В.Оккам, Дунс Скотт): появляются черты эмпирической и сенсуалистической тенденции в вопросах математики и естествознания.

В XVI в. словарное ядро понятия "вывод", "заключение" пополняется двумя новыми словами латинского происхождения *illation* (1553) и *inference* (1594). *Conclusion* в XVI веке означает "вывод" как результат процесса, который в конечном счете проверен, а потому является достоверным или выводится "заключение" из чего-то определенного, т.е. есть указание на источник вывода, например: "... there must it need long ere any good conclusion go worfard" - "...должно быть, существует ошибка для продвижения вперед определенного вывода" (Th.More Rich.III.12); "... the mind rest and refresh itself on its journey to more certain conclusion" - "...ум отдыхает (освежается) до тех пор пока идет движение к конкретному выводу" (F. Bacon N.O.253).

В среднеанглийский период слово *conclusion* в основном является термином сферы логики, например, у Тиндаля: "The Sover conclusions of science" - "выводы науки" (Tyndall), тогда как глагол *to conclude* зафиксирован еще в произведениях средневековых авторов по NED, например: "Therefore wee conclude, that a man is justified by faith" - "таким образом, мы заключаем, что человек оправдан своей верой" (Rom.iii.28). Отсюда, в целом все "заключение" можно разделить на два типа: а) те, в которых присутствует сам глагол *conclude* и б) те, в которых значение этого глагола имплицитно, но где смысловое заключение маркировано. Отличительной чертой здесь является то, что авторское "Я" всегда (или почти всегда) присутствует "в грамматической форме 1-го лица единственного числа, например: "Now I propose something that answer theseveral appearances, and introduce nothing strange in philosophy, after a great many close thoughts. I can come to no other conclusion than the whole globe is one great magnet havind 4 magnetical poles of points of attraction." - "Сейчас я предложу что-то, что ответит на несколько проявлений и, при этом, ничего странного в философию не

привнесет после столь многих мыслей. Я не могу прийти к другому заключению, чем к тому, что Земля есть огромный магнит с четырьмя полюсами притяжения" (Philos. Trans., vol. II, p.628); "Certayn... conclusions towchyng women" - "Определенные ... выводы относительно женщин" (Caxton).

В конце можно констатировать, что, как показал анализ, во всех основных аспектах, связанных с описанием, выводами, заключением и т.д., авторское "Я" присутствует и выражается определенными языковыми средствами.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что основной композиционно-речевой формой мыслителя при создании им научных трудов является "рассуждение/размышление" в широком смысле слова. Использование этой речевой формы для выражения содержания философского труда детерминруется характером мыслительного процесса, где основную роль играет суждение. Мыслить - это значит судить. Суждение отражает в специфичной форме степень человеческого познания объективной действительности в ее свойствах, связях, отношениях. Как форма мышления "рассуждения" есть ряд суждений, которые относятся к определенному предмету мысли"¹. "Рассуждение" включает неотъемлемым компонентом основание, в силу которого цепь суждений признается истинным. Как речевая форма "суждение" выражается в логической последовательности предложений, составляющих тематически организованные целостности.

Основная линия трудов философского характера периода - это либо объяснения, либо обоснование, либо доказательства или опровержение. Чаще всего это комбинация их. Детальный анализ всего корпуса философских трудов эпохи исследования привел нас к выводу о том, что авторы целенаправленно используют разновидности речевой формы "рассуждение" в ее двух проявлениях, - объяснения и доказательства - или бинарной цепи "доказательство—объяснение", "валидность/обоснование/

¹ Асмус В.Ф. Избр. филос. труды.-М.: МГУ, 1971. -С. 147.

~объяснение", соотношение логического связей которых подобно геометрическому треугольнику, где каждая форма "рассуждения", взятая в отдельности, выводима из другой или является следствием их. Соответственно этому и определяются типы философских трудов, которые в своем большинстве содержат следующие компоненты в их строгой последовательности:

1. общее суждение тезисного порядка (т.е. интродукцию - introduction);
2. логическую последовательность высказываемых мыслей (ratiocination);
3. смысловая целостность (ens, essence);
4. причинность (cause);
5. вывод, заключение (conclusion).

"Дешифруем" ход мыслей философа на предмет построения им своей точки зрения по рассматриваемой научной проблеме. Текст, как обычно, начинается с общих спекуляций, тезисно сконцентрированных в начальном предложении, например: "No general ideas. The contrary a cause of mistake or confusion in mathematiques, ... This to be intimated in ye Introduction" - "Нет общих идей, наоборот, ошибка или математический конфуз..." (Berkeley. Comm. Book.3). В логической последовательности хода своих мыслей философ выглядит как "убеждающий", он стремится к рациональности в высказывании суждения, где истинность для него de facto, на что указывают наречия в предложении (hardly "едва ли", surely "обязательно", certainly "несомненно"). Вводное (believe "поверьте", as far as I know "насколько мне известно", to my knowledge "по-моему") поддерживает категоричность тезисного предложения. В процессе объяснения автор строит текст таким образом, чтобы не ломать логическую последовательность хода мыслей и чтобы, при этом, не нарушалась диалогичность композиции материала. Смысловая целостность текста проявляется в наличии понятия, вокруг которого разворачивается весь процесс рассуждения. Использование синонимов свидетельствует о стремлении автора избежать однообразия изложения. Логическая последовательность обеспечивается средствами

структурной связи, например: "I have not translated them orderly out of anye one author, but runninge as I sayde thorowe many, and vsyng myne owne iudgement haue broughte them into this body as you se, and set them in so playne an order, that redelye maye be founde the figure, and the vse wherevnto it serueth bicause longe ago, I was well aquannted wyth them, when I red them to other in y batin" - "Я не переводил их точь-в-точь от каждого автора, но изучив их у разных авторов, а также используя собственные суждения, я пришел к тому, о чем вы сами свидетели, и расположил их тайм образом, что легко можно выделить нужную фигуру, ..." (R.Sherry. Treat, of Schem. and Trop.150.)- Или, ещё: "The reverse of the Principle I take to have been the chief source of all that scepticism and folly, all those contradictions and inextricable puzzling absur-dities, that have all ages been a reproach to human reason, as well as of that idolatry, whether of images or of gold, that blinds the greatest part of the world, all that shameful immorality that turns us into beasts" -"Принцип обратности, использованный мною в качестве основного источника всего скептицизма и ошибок, всех тех противоречий и абсурдов... присущих всем векам по отношению к человеческому разуму, так же как и этому поклонению подобно золоту, что ослепляет большую часть человечества, все это бесстыдная аморальность, что..." (Berkeley Com.Book.8).

Доминантой всех предложений, составляющих любой философский труд, является каузальность (причинность), которая эксплицирует посредством лексических единиц, с помощью которых автор стремится показать взаимообусловленность объясняющего понятия с другими понятиями состава суждения. Наконец, процесс рассуждения заканчивается выводом с динамическим характером рассуждения.

Речевые формы (их комбинации) наглядно демонстрируют, какими средствами языковые системы в речевом произведении философского характера эксплицируются в разные типы содержания и как они - целенаправленно - семантически и синтаксически усложняют форму

авторского текста : 1) попутные замечания, передающие дополнительные сведения, оценки изложенного ранее, замечание комментирующего характера (I think "думаю", I feel "чувствую", I believe "верю", I am afraid "боюсь, что", as far as I know "насколько мне известно", to my knowledge "по моему разумению, it seems to me "кажется, что"), сочетания которых отражают субъективное отношение автора к высказыванию, предмету. Вставки же подчеркивают гипотетичность, сомнительность. 2) употребление наречия hardly "едва ли" как элемент сомнения, surely "конечно", really "действительно", certainly "несомненно" в целях усиления возражения; 3) употребление отрицания "no" - "нет" и "yes" - "да" как возражения высказыванию с отрицанием и др.

Частое употребление лексических единиц сферы языка философии, как knowledge "знание", sense "чувство", idea "идея", judgement "суждение", reason "причина" и т.д., говорит в пользу диалогического способа организации мысли автора в динамике речевой деятельности. Нам представляется, что композиционно-речевая форма "рассуждение", дедуктивно-логическая по форме, отражает динамический характер процесса мышления в рассматриваемую эпоху. Внутренние, мысленные вопросы, направленные на диалог (в лучшем случае с самим собой) по мере раскручивания рассуждения, эксплицируются в тексте в форме вопросительных предложений, придаточных предложений с союзами, с вопросительными местоимениями (why "почему", if "если"), субстантивных блоков. На диалогичность формы Ренессансной философской литературы, как на средство структурирования мыслей индивидуума, исследователи часто обращали внимание.¹

¹ Бахтин М.М. Проблемы текста. Опыт философского анализа// Вопр. лит.-ры. 1976.-№10. -С.122-151; Голенищев-Кутузов И.Н. Романские лит.-ры.- М.: Наука, 1975; Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. - М.: Высш.школа, 1980; Дьяченко И.Н. Ренессансное мировоззрение: гуманистическая традиция в украинском обществе XVI-XVII вв.: Дис... канд. филос. наук. –Калининград, 2003; Петелина М.В. Мир как театр в Ренессансной философии: Дис... канд. филос. наук. – СПб., 2004; Соколов В.В. Очерки философии эпохи Возрождения. –М.: Высш. школа, 1962; Bush D. The Renaissance and English Humanism. – Toronto, 1956; Burton R. Evolution of Selective Neutrality: Further Consideration// Genetics, 1986, vol. 114, N3; Grant V. The Evolutionary Process. A Critical Review of Evolutionary Theory. Cambr. Univ. Press. – N.-Y., 1985.

Вопрос служит скорее для формулировки собственной позиции автора, чем, скажем, является запросом недостающей информации. Часто встречающийся, вводящий реплику возражения противительный союз *but*, который сопоставляет или противопоставляет две части высказывания, объединяет высказывания двух говорящих в единый смысловой комплекс. Вопрос помогает вскрыть внутреннюю противоречивость изложения, что не всегда видно за логической обоснованностью речи автора. Таким образом, такой вопрос имеет вполне определенную стилистическую функцию и может считаться одним из первых стилистических приемов научной речи.

Часто вопрос начинается с *why* и, фактически, он не требует ответа. Другой разновидностью вопроса являются переспросы, которые реализуются в форме неполных предложений, потенциально восстанавливаемые по предыдущей реплике, высказыванию: "if there is be not two Kinds of visible extension - one perciev'd by a confus'd view, the offer by a distinct successive direction of the optique axis to each point?" - "Если и есть здесь два вида осязаемых протяженностей - одна вследствие неправильного обзора, другая - в результате точного определения с помощью оптического прибора..."(Berkeley Com.Book).

Таким образом, становление системы основных понятий английской философии периода исследования и дальнейшее пополнение ее понятийного аппарата, речевое выражение которых проявляется в лексике, характеризуется следующим: концептуально-понятийный аппарат английской философии XIV-XVII веков формировался и развивался под влиянием двух основных факторов - а) событий, происходивших в английском обществе того времени и б) творчества великих английских авторов периода Возрождения и Нового времени.

Расширение состава английской философской лексики по своему содержанию отражало возникновение качественно новых явлений в жизни общества периода формирования и становления английской нации. Характерная

черта данного периода в развитии философских понятий - появление новых слов для выражения уже известных понятий. В значительной мере это объясняется обилием французских заимствований, но есть и другая причина - неотработанность английского словаря что вело к многообразию и неустойчивости выражения некоторых понятий. Эта особенность английского национального языка характерна и для философской лексики периода исследования.

Словарный состав английского языка требовал расширения для того, чтобы стать орудием выражения научных понятийно-логических систем. Анализ выявил, что введению, в определенной степени, ассимиляции и толкованию новых слов, способствовали в основном целевые установки авторов через экспликацию сущности самого явления или же посредством логического определения понятия или путем трактовки семантики слова путем соединения значения двух других, уже известных и бытующих в языке слов. Объяснение имеет целью конкретизацию параметров понятия, установления его границ.

В отличие от современного научно-философского стиля, в исследуемый период широко представлена такая особенность как иррелевантность, т.е. добавление в канву изложения некоторых непосредственно не относящихся к излагаемому предмету пространных подробностей. Ощущение присутствия автора характерно для такой формы изложения. Другой особенностью является прием интимизации повествования.

Можно констатировать, что введение (introduction) как композиционная часть целого произведения научно-философского стиля почти оформлено как норма. Заключение (conclusion) вырисовывается более четко уже в самом начале периода исследования. Во всех аспектах, связанных с описанием, выводами, наблюдениями и т.д., авторское "Я" присутствует и выражается определенными грамматическими средствами.

В итоге удалось выявить следующие закономерности организации текста философского порядка:

1) тексты, раскрывающие различные аспекты научного знания, созданные разными авторами по своим профессиональным наклонностям и призванию;

2) основной композиционно-речевой формой автора при создании им научных трудов является "рассуждение/размышление" в широком смысле слова: использование ее для выражения содержания философского труда детерминируется характером мыслительного процесса, где основную роль играет суждение;

3) основная линия трудов философского характера периода - это либо объяснение, либо обоснование, либо доказательство или опровержение - чаще всего это их комбинация;

4) авторы целенаправленно используют разновидности речевой формы "рассуждение" в ее двух проявлениях - объяснение и доказательство; в соответствии с этим и определяются и типы философских трудов, которые в своем большинстве 5-ти компонентны в их строгой последовательности: 1. общее суждение тезисного порядка; 2. логическая последовательность высказываемых мыслей; 3. смысловая целостность; 4. причинность; 5. вывод, заключение. Такая композиционно-речевая форма отражает диалогический характер процесса мышления в рассматриваемую эпоху, что позволяет наилучшим образом выразить авторскую мысль. И еще это говорит о том, что язык как реальность мысли вычленился и оформил свои закономерности, чего раньше не было и не могло быть в силу действовавших в то время факторов, тормозящих такие детерминации.

Итак, можно констатировать, что поскольку в сфере теоретического мышления начинается формирование нового понятия причинности времени и пространства, а на его основе складываются и принципиально новые схемы объяснения явлений природы, а затем и человеческой деятельности, то

модифицируется и содержание категорий познавательной деятельности. Этот процесс был связан с коренными изменениями социально-экономической и духовной жизни эпохи Возрождения, когда стало крепче и смелее осмысливаться единство и взаимосвязанность стран, регионов и языков. В контексте каждой культуры на разных ее этапах можно выделить и особый тип противоположных тенденций - множество стилевых образований в пределах культуры одной эпохи.

В противоречивых формах таких явлений в истории философской мысли английского эмпиризма и рационализма происходило развитие интеллектуального ядра культуры эпохи исследуемого периода, трансформация центра тяжести, преобразование культурных контекстов, изменение ценностных ориентации.

Наиболее полный охват всех сторон жизни осуществляется в научной и художественной литературе эпохи Возрождения, что делает эти наиболее значительные произведения авторов средством реконструкции духовной атмосферы самой эпохи, характера мировосприятия и миропонимания, способов миропознания мыслителя. Их творчество не только показательно для своего периода, но и сыграло значительную роль в систематизации выражения научных понятий средствами национального языка.

Все эти глубочайшие изменения отразил в себе английский язык Возрождения четче подтвердив, тем самым, ту истину, что язык, во-первых, это реальность мысли; во-вторых он улавливает малейшие изменения в обществе и отражает в себе через слова, несущие новый, революционный смысл актуализировавшихся новых понятий и идей; в-третьих, язык как величайшее средство общения, фиксации мыслей, в том числе и новых, революционных, есть еще и могучий рычаг прогресса; в-четвёртых, в этот период проявилась во всей ясности та истина, что взаимное сближение стран, государств, народов, их языков – историческая необходимость и истори-

ческая неизбежность; в-пятых, без сближения и взаимопроникновения стран, народов, языков, нет прогресса, развития.

Возрастающий уровень философского анализа и мирочленения находит свое отражение в постепенном увеличении числа терминологических слов в системе философского лексикона, а также в развитии отношений между значениями терминов. В содержательной структуре текстов философского порядка меняются позиции терминов, прослеживается их адекватность.

Исследуя трансформацию основных понятий английской философии Возрождения и давая общую характеристику её понятийного аппарата, мы пришли к выводу, что селекция философских понятий шла не так уж произвольно, а в соответствии со смысловым объемом, с традицией их понимания, истолкования и употребления. Этот процесс служит частным подтверждением античной этимологической концепции о естественной, природной связи предмета или явления и его наименования. Интерес к словарному запасу языка естественным образом вызывает интерес и к его составным частям. Одну из них представляет иноязычная лексика, заимствование которой было целесообразно и жизненно важно, а потому они надолго сохранили общественную ценность и легко слились со структурой языка, в который вошли.

От исторических условий, возможностей и интересов народа зависело возникновение новых понятий, а значит и новых слов. Оказалось, что яркие революционные идеи, связанные с эпохой социальных преобразований и революционных бурь, также ведут к появлению в свет новых слов. Именно в этот период, т.е. Возрождение, была заложена основа английской философской терминологии и состава её понятий. Эта основа и стала составной частью фундамента понятийной системы современной философии в мир ее пионера – английской философии Возрождения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СТАНОВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ В АНГЛИИ XIV-XVII ВЕКОВ

Особенности формирования и становления философских понятий как отражение в языке кардинальных изменений в общественном развитии

С XIV века вырисовывается начало новой эпохи в жизни человечества: в недрах общества постепенно созрели условия, чтобы выйти за рамки церковных предписаний, почувствовать общность языка, образа жизни, нового миропонимания и мироощущения со всеми окружающими. Так образовывается новая национальная общность, наряду с религиозной. Складывается английская нация – одна из первых в Европе.

Это была новая нация, опирающаяся на общественные отношения, где все диктовали конкуренция и рынок. Эти отношения требовали нового языка с новым миром понятий и представлений. Формирующаяся национальная общность во главу угла ставила не государственные и географические границы, а интересы рынка. Поэтому она смело шла на расширение общения и языковых заимствований.

Процесс образования английской нации, интенсивно продолжавшийся в анализируемый период, шел параллельно с распространением как устного, так и письменного национального английского языка¹. Этот внешний по отношению к системе языка фактор оказал большое влияние на развитие литературного английского языка. Расширение функций английского национального литературного языка периода формирования и стабилизации нации не могло реализоваться без существенного пополнения его словарной

¹ Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка IX-XV вв. – М.: Наука, 1985; Чубукова Е.М. Язык и коммуникация: Дис...д-ра филос.наук. –СПб., 2004.

базы. В словарный состав английского языка входит значительное количество новых слов и при этом активизируется как процесс заимствования из древних и современных языков, так и вся система словопроизводства.

Своеобразие эпохи и состояние языка отчетливо просматриваются при детальном анализе тематически организованной лексики философского характера. Добавим, что понятия и слова, их выражавшие, формировались в сложных взаимоотношениях с религией, влияние которой было велико; сама практика (крупнейшие географические открытия, научный и технический прогресс, расширение рамок *orbis terrarum*) вызвали необходимость подчинить философскую мысль практике, поэтому рождаются целые группировки слов соответственно установившейся общественной практике и утверждению тематических рядов категорий, отражающих предметный мир.

Все нововведения периода исследования представляют собой важнейшие термины философии, среди которых следует, к примеру, выделить обозначение важнейшей философской категории - "понятие". Возникновение этой категории в эпоху позднего Возрождения не случайно, так как его появление отражает высшую степень развития философской мысли и свидетельствует о ее способности к абстрагированию. Интенсивное и целенаправленное обогащение понятийного аппарата философии (это в особенности относится к таким понятиям как "метод", "категории познания", "пространство и время", "взаимосвязь и противоположность") наводит на мысль об интенсивном развитии философской тенденции в плане дальнейшей разработки этих категорий. Причиной тому, на наш взгляд, явился наметившийся своеобразный поворот к гносеологии в противовес метафизически-онтологической схоластике средневековья, поворот, который составил один из центральных пунктов философской мысли позднего средневековья и Возрождения. Мировоззренческая борьба определила и характер научной литературы и языка Возрождения.

Философское теоретическое познание, отраженное в специально разработанных понятиях и категориях, давала возможность глубокого и целостного представления о мире, о его всеобщих закономерностях и взаимосвязях. Основным источником формирования философских категорий и понятий на данном этапе является латынь, поэтому основу словарной базы философии Возрождения составляют латинизмы, а не исконный элемент. Здесь ещё раз подтвердилась та истина, что нельзя прервать цепь развития человеческого мышления. Оно достигло своего научного апогея в древнем Риме – стране классической латыни, которая просуществовала в церквях и дотянула до предвозрождения и Возрождения. Мир – один, и един познающий его человек – один и един, и это понятно. Во всем этом проявляется особенность национального английского языка. Количественно преобладающие лексические единицы романского происхождения выполняют в английском языке социальный заказ огромной важности: они обозначают именно основные философские категории (бытие, движение, единичное и общее, пространство и время, единство и противоположности, материальность). Таким образом, в исследуемый период увеличивается число и обогащается содержание основных научных категорий, система которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира. Основой изучения философской лексики английского языка, как указывалось выше, является именно содержательная сторона каждого слова. Из сказанного следует, что структурный и функциональный анализ словарного состава философских текстов имеет целью определение тех имплицитных связей, которые проявляются между различными частями речи внутри этой лексики.

При рассмотрении вопросов, связанных с тенденциями развития и пополнения словарного состава языка всегда приходится помнить и о языковых контактах и об их взаимовлиянии, ибо язык – щедрый и надежный источник познания истории жизни народа; в нем сохраняются, в

специфическом проявлении, вековые достояния материальной и духовной культуры народа - творца языка, а также, в определенной степени, и достояния других языков, с которыми он контактирует.

Анализ лингвистического материала XIV-XVII вв. методом сплошной выборки дал возможность выделить 30 тематических групп лексики философского характера со значением: "реальное и потенциальное бытие", "материя", "дух", "различие и тождество", "часть и целое", "сознание", "пространство", "время", "свобода и необходимость", "сущность и явление", "необходимость и случайность", "метод", "метод познания", "практика", "форма и содержание", "движение", "взаимосвязь и противоположность", "качество и количество", "материальность", "единичное, особенное и всеобщее", "возможность и действительность", "конечное и бесконечное", "причина и следствие", "рациональное познание", "чувственное познание", группа терминов социального характера, общие этические понятия, свойства человеческого характера, свойства человеческого интеллекта, виды человеческого отношения (всего 1439 слов).

Фундамент лексики английской философии закладывается еще в древнеанглийском периоде, где зафиксированы 15 групп из общего числа 30: это тематические группы "реальное и потенциальное бытие", "пространство", "время", "свобода и необходимость", "сущность и явление", "метод познания", "практика", "форма и содержание", "движение", "качество и количество", "материальность", "материя", "единичное, особенное и всеобщее", "рациональное познание", группа терминов социологического характера.

С точки зрения хронологии слова этих тематические группы (ТГ) зафиксированы в основном еще в древнеанглийский период, но их особо интенсивное пополнение относится к XIV-XV вв., с наивысшей точкой в XIV веке, когда активно оформляется ядро английской философской лексики. Выявлен любопытный факт: еще в XIII веке в составе английского

словаря не отмечаются слова таких ТГ как "возможность и действительность", "конечное и бесконечное", "практика". Однако интересы складывающейся английской нации и национального сознания толкают общество к новой, широкой жизни, полной ренессансных идей и гуманистического направления философской мысли. А реализация всего этого требовала к жизни новых понятий, слов, терминов; последние же заимствовались из классической латыни и в этом процессе огромную роль сыграло обращение – в эпоху Возрождения – к античному философскому наследию и языковым традициям канонизированной латыни. Поэтому этимологически наибольшее количество поступлений приходится на романизмы: латынь - 553 слов, в том числе - а) прямых заимствований - 224 слова; б) проникших через язык-посредник - французский - 329 единиц; прямые французские заимствования - 71 слово (то есть из общего числа 1439 слов - 43,4 процента слов являются романского происхождения).

Сопоставление соотношения исконной и заимствованной лексики в нашем случае выделяет критерий "исконности/неисконности" как релевантной для данного языка, которая может служить основанием для его использования в качестве одного из дифференциальных признаков при стратификации словарного состава английского языка.

Анализ материала показывает, что формирование ядра философской лексики окончательно произошло в XIV-XV веках, а в XVI-XVII вв. происходил процесс дальнейшего пополнения, расширения, шлифовки понятийного круга философских категорий, по этимологии своей восходящих, в своем большинстве, к античности. О непрекращавшемся потоке заимствований, приведшем к совершенствованию языка английской философии и, в основном, к завершению его становления, свидетельствует значительное пополнение в XVI-XVII вв. 20-ти тематических групп из общего числа 30. Именно на этот исторический период приходится проявление в составе английского философского лексикона таких новых для английского национального

сознания слов как fact "факт", concept "идея", notion "понятие", reflex "отражение", reminiscence "воспоминание", modality "модальность", antecedence "антецедент", entity "целостность", expectation "ожидание", ratiocination "рассуждение", education "образование", modesty "скромность", credit "доверие", decorum "декорум" и т.д. Это важнейшие термины английской философии с точки зрения их семантико-функциональной нагрузки и социальной ценности. Из их числа можно выделить concept [ad.L.conceptionem, conceptus], превратившееся в базовое обозначение важнейшей философской категории "понятие", появление в составе английского литературного языка которого не случайно в эту эпоху, ибо оно отражает высшую ступень развития философской мысли и свидетельствует о ее способности к абстрагированию.

Грецизмы (21 слово) совпадают по семантическим признакам с романскими заимствованиями и используются для обозначений понятий категорий английской философии.

Исконная лексика в виду ее немногочисленности не играет заметной роли среди слов философского характера, т.к. ренессансные мыслители возрождавшие "медь торжественной латыни" классической древности, обратились к понятийно-словарному богатству этой культуры также и в вопросе языка профессиональной философии и науки.

В итоге можно констатировать, что основным источником формирования тематических групп философской лексики в стадии их становления является латынь, поэтому основу словарного фонда категорий английской философии составляют латинизмы, а не исконный элемент. На это мы обращаем особое внимание потому, что оно в дальнейшем предопределило относительную выигрешность английского языка, когда этот язык стал выдвигаться в XX веке как международно-мировой язык N1, ибо в нем было много совпадающего, созвучного, понятного, общего с другими международно-мировыми языками: французским, испанским и их

"собратьями" – итальянским, португальским и др. Количественно преобладающие слова романского происхождения выполняют социальный заказ огромной важности: они обозначают основные понятия английских философских категорий, о чем свидетельствует и то, что эти слова проникли в язык не как отдельные изолированные единицы, а входили в него большими, тематически-целостными группами, что является результатом франко-английских языковых контактов и длительного двуязычия. Нормандское завоевание Великобритании (в XI веке) оставило глубокие следы в английском языке. Именно в сфере философской лексики это воздействие очевидно, и оно оказало серьезное влияние на формирование, становление и - шире - дальнейшую эволюцию всей терминосистемы английской философии в период становления английской нации. Убедительное тому свидетельство - воздействие французского языка периода XIII-XIV вв. и его роль в социально-общественной обстановке Великобритании после ее завоевания Вильгельмом Завоевателем, влияние на словарный состав английского языка в целом, и, в частности, на язык философских сочинений исследуемой эпохи. Не может быть сомнений в большой ценности анализа нормандского культурно-языкового вклада для решения вопроса о роли французского языка в контексте экстралингвистических факторов эпохи, как сопутствующего, в деле формирования основного ядра философской лексики английского национального литературного языка периода XIV-XVII веков (особенно - XIV-XV вв.). Не может не считаться с этим и история английского литературного языка: влияние французского языка на английский, как известно, не прекращалось после обособления Англии от Нормандии - просто чисто политические факторы уступили место факторам культурно-историческим, но воздействие не стало от этого меньше. Чем объясняется значительность влияния нормандского завоевания на английский язык, хотя оно было недолгим? Дело не только в лингвофакторах, но и в факторах

экстралингвистических, т.е. начиная с XIII века Англия перестает быть отдаленной окраиной по отношению к Центральной Европе и приступает к усиленному заимствованию всей европейской культуры, которая воплощалась, прежде всего, во Франции.

Для периода становления (XIV-XV вв.) и обогащения (XVI-XVII вв.) английской философской лексики пополнение тематических рядов романизмами и в особенности латинизмами обусловлено тем, что, во-первых, этот исторический промежуток времени был началом систематического изложения на английском языке первых научных трудов, а, следовательно, и началом формирования на английской почве семантического ряда современной английской философской терминологии. Предпочтение латинизмов для обогащения словарной базы, в частности философской лексики, объясняется тем, что первые философские труды на английском языке опирались на канонизированную латинскую грамматическую схему, которая вплоть до XVII-XVIII вв. признавалась в Англии почти единственной основной наукой о языке и как образец совершенства и эталон для подражания, а сама латынь была тем центром, вокруг которого велись поиски нормы английского литературного языка.¹ И это понятно, потому что классическим обобщенным изложением всей предыдущей человеческой мысли была именно эта канонизированная схема, и возрожденческая философия должна была и не могла не продолжить канонизированную латынь, ибо она была ступенью всего предыдущего развития, когда философской задачей Возрождения оказывалось не противопоставление в человеке божественного и природного, духовного и материального начал, а раскрытие их гармоничного единства.

В результате интенсивный характер поступлений в ТГ: общие свойства человеческого характера (memory "память", motive "мотив", speculation

¹ Ступин Л.П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии XV-XX вв. – Л.: ЛГУ, 1979. - С. 40-42.

"рассуждение", communication "связь", fantasy "воображение"), "категория познания" (sense "чувство", apprehension "чувствование", image "образ", appreciation "оценка", reflex "отражение"), "метод" (anticipation "антиципация", expectancy "ожидание", presension "представление", inference "догадка, вывод"), "пространство", "время" (moment "миг", eternity "вечность", period "период", concomitance "сопутствование", perennity "вечность", vacuum "вакуум", vacuity "пустота"), "взаимосвязь и противоположность" (contradiction "противоречие", opposition "противопоставление", correlation "корреляция", compendium "компендиум") наводит на мысль об интенсивном развитии философской мысли периода исследования в плане дальнейшей разработки категорий философии. Для каждого периода истории английского языка существовал свой характерно-определенный круг имен существительных для обозначения того или иного понятия подъязыка философии.

Характерной особенностью становления понятий философии является то, что в древнеанглийский период формируется состав лексики 15 категорий из общего числа выделенных нами 30. Еще в XIII веке не отмечаются слова тематических групп "возможность и действительность", "конечное и бесконечное", "практика". И только период XIV-XV вв. свидетельствует: а) об окончательном оформлении состава всех ТГ (суть - категорий) философии; б) формировании, в значении слов, тех абстрактных понятий, которые присущи языку философии.

Качественно-количественные данные относительно становления философской лексики и образования тематических групп свидетельствует о том, что в дальнейшем, т.е. XVI-XVII вв., обогащается число и содержание основных научных категорий, совокупность которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира. Проведенный нами анализ становления базы философских категорий наглядно выявляет ступени движения общественной и естественно -научной мысли в понимании

философских категорий, актуально звучащих в XVI-XVII веках, но истоками своими уходящих в античность.

Итак, философская терминология предстает перед нами как единая целостная система, подчиненная объективным законам истории и мышления, отражающая реально существующую диалектическую взаимосвязь и дальнейшее развитие важнейших философских понятий, мировоззрения представителей эпохи. Эпоха Возрождения решительным образом повлияла не только на содержание, но и на состав философского словаря, о чем свидетельствует появление в XVI-XVII вв. большого количества слов для выражения понятий и идей нового мировоззрения и миропонимания в свете открытий эпохи.

При изложении истории становления философской лексики принято соблюдать хронологическую последовательность с тем, чтобы охватить присущую этому процессу внутреннюю закономерность и, одновременно, воздать должное особенностям того или иного произведения и его автора, периода в развитии языка. Такой подход и положен в основу нашего исследования.

Роль классических заимствований в оформлении философских понятийных групп

Интерес к словарному запасу языка обязательно вызывает внимание к его составным частям, одну из которых представляет иноязычная лексика. Говоря о классических заимствованиях и их соответствиях в философской лексике периода, необходимо учитывать общелингвистический фон эпохи, т.к. в нем, сложно взаимодействуя, преломляются экстралингвистические и собственно языковые факторы, определяющие развитие и совершенствование языка. Для Западной Европы в течение ряда веков латынь служила не только источником терминологии, а также, как отмечают многие

исследователи, во многих отношениях образцом для подражания в сферах религиозно-философской, естественнонаучной и вообще "серьезной" печатной продукции. И только поздние художественная форма ренессансных философских сочинений будет противостоять строгой системе логических дефиниций средневековья в форме образного, классического, художественного мышления.

Лексические заимствования латинского характера весьма значительны в словарном составе современного английского языка, и эти лексемы обрастают по мере их ассимиляции в языке-реципиенте многочисленными производными. Так, в "Кратком этимологическом словаре английского языка" У.Скита (Skeat, 1980) в разделе *Select list of Latin & Greek words* выделено 524 лексемы классического происхождения, из которых латинскими являются 448, а греческими - 76.

Что же касается реального влияния процесса заимствования из классических языков на язык философских трудов в рассматриваемый период - XIV-XVII вв., то следует отметить, что история взаимоотношений английского и латинского языков развертывалась в таких условиях, которые вполне естественно подсказывают мысль о наличии влияния латыни преимущественно на формирование и становление английской философии в плане ее исторического рассмотрения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вплоть до современного английского литературного языка дошел массивный слой религиозно-культурной терминологии, истоки которой связаны с введением христианства в Великобританию (VI в.). В XIII-XV вв. в связи с установлением новых форм церковной иерархии продолжается пополнение английского языка классицизмами, в основном латинизмами, связанными с такими сферами понятий как "пространство", "время", "практика", "познание", "движение", "взаимосвязь и противоположность", "качество и количество" и др. Английский литературный язык, засвидетельствованный документами, становится единым, базируясь на языке Лондона,

но в этот период для науки этот язык не был еще приспособлен, хотя английский язык все больше и больше проникает в область науки.¹

Поскольку в эпоху Возрождения, как и прежде, латынь использовалась как язык науки и в связи с большим интересом к памятникам античной культуры, пополнение словарного состава английского языка и создание научной терминологии шло в значительной степени за счет заимствований из латыни и древнегреческого языков. Количество таких заимствований настолько велико, что, по подсчетам почти четвертая часть латинской лексики проникла в словарный состав английского языка².

С.С.Линский считает, что только в 30-90-е годы XVI столетия более 10 тысяч слов проникло в состав английского языка в результате целенаправленной языковой деятельности отдельных писателей, ученых, ставящих цель обогащения и совершенствования родного языка. Большинство специалистов сходится на том, что латинские заимствования раннего английского периода представляют собой главным образом абстрактные слова научного обихода. Однако многие исследователи рассматривают этот вопрос лишь в аспекте выяснения источников пополнения словарного состава в данный период (что само по себе, конечно, очень важно и показательно при изысканиях), не показывая сам процесс развития и пополнения и особенности этого процесса. М.С. Красильникова, например, в своем исследовании пришла к выводу, что основная нагрузка в английских именах существительных литературно-книжного характера выпадает на заимствованную лексику, особенно на романскую, которая составляла около 80% всего исследуемого материала. Далее она приходит к интересным выводам: "...за счет романских заимствований английский язык пополнил свой арсенал абстрактных имен существительных со значением

¹ Jones R.F. The Triumph of the English Language.- Oxford, 1953. P.16; Soderlind J. The Attitude to Language Expressed by or Ascertainable from English Writers of the 16th to 17th Centuries. – L.,1964. P. 113; Tucker S.I. English examined. Two centuries of comment on the mother-tongue.- Cambridge. 1961. P.125.

² Линский С.С. Неологизмы в словарном составе англ. языка XVI в. Способы их введения и популяризации писателями и лексикографами: Дис... канд. филол. наук. -Владивосток, 1959. -С.3.

нравственной, умственной и духовной характеристики агента, а также понятиями времени и пространства (с соответствующими единицами их выражающими)"¹. Вопрос о детальной тематической классификации слов классического происхождения в составе английского лексикона периода XIV-XVII вв. в целом нельзя считать решенным, поскольку эти заимствования в большинстве работ излагаются недифференцированно или просто в алфавитном порядке². Наш анализ роли классических заимствований и их лексических соответствий в оформлении лексико-семантических групп (ЛСГ) философской лексики в составе английского национального литературного языка XIV-XVII веков, проникших в английский язык в период расцвета английской народной культуры - это первая попытка, исходя из современных теоретических принципов рассмотрения словарного состава языка по тематическим группам дать классификацию лексики, позволяющую сделать конкретные выводы о сферах воздействия языков-источников - латинского и греческого - на язык-реципиент - английский, о характере и сферах употребления лексики философского характера³. Это, в свою очередь, проливает свет на исторический процесс формирования лексических норм и закономерностей их развития в литературном английском языке в период с XVI века по XVII век включительно. Интенсивное пополнение словарного состава английского языка в этот период вызывалось еще и необходимостью обозначения большого количества новых, ранее не существовавших явлений, понятий, предметов. Эта необходимость также приводит к

¹ Красильникова М.С. Происхождение семантической структуры и некоторые синтагматические связи английских имен сущ-ных литер-книж. х-ра : Автореф. дис... канд. филол. наук.- М., 1978. -С.6-7.

² Serjeantson S.M. A History of Foreign Words in English.- L.,1935.

³ Следует указать, что с начала 80-х годов кроме нашей диссертационной работы (Киев, 1981) и монографий «Язык. Идеология. Семантика»(1992), «Особенности становления и развития английской философии и лексики XIV-XVII веков» (2003) насколько нам известно, не появилось сколько-нибудь значительной работы в этой области.

активации всех возможностей пополнения словаря по части философски нацеленной лексики. Особенно это относится к заимствованиям из других, в основном, классических языков, так как особого введения и популяризации требует именно эта группа слов, которое по своей семантике относится к разряду слов абстрактного значения, то есть философские. Изученный корпус слов показывает силу и разносторонний характер влияния социально-философской атмосферы Возрождения на лексику, охватывающую основные сферы философской науки, на словарный состав английского языка. В результате, тематическая классификация позволяет сделать некоторые выводы и предположения о широте влияния классических заимствований на словарный состав языка того времени для адекватного способа выражения истины риторикой, поэзией, мифологией. Этот анализ также свидетельствует о традиционной восприимчивости английского литературного языка как средства пополнения и одного из основных источников формирования абстрактной лексики. Заимствования эти также отражают широту амплитуды влияния классических языков на формирование терминологии английской философии и - шире - гуманитарных наук. Особо сильное влияние, характерное для языка английской философии, видно в XV-XVII вв.: гуманисты создали новый метод использования готового мыслительного материала, накопленного в предшествующие века, новый стиль мышления, что и имело непосредственное отношение к философии и философской оригинальности. Практика английского национального языка Возрождения в целом и философской терминологии, в особенности, дала яркий образец путей развития национальной философии и языков в новых условиях установления господства рыночных отношений и небывалого усиления общения стран, континентов, государств и народов. Все нации, формировавшиеся вслед за английской, с теми или иными особенностями, повторяли путь, пройденный английским языком.

Интенсивность проникновения иноязычных слов этого периода, как показал анализ, проходит два этапа: 1) с 1540 по 1560 гг.; и 2) с 1580 года. Особого внимания заслуживает большая группа имен лиц (97 слов), зафиксированных во всех выделенных разрядах: им присущи некоторые общие черты - они все служат средством обозначения (номинации) лиц по должностям, по роду деятельности, а именно: а) имена, выделяющиеся по признаку активного производителя действия, который определяет лицо по должности, роду занятий или служит терминологическим, философским словом (philosophist "философ", forseer "провидец", producer "производитель", pacificator "миротворец" и др.); б) имена, выделяющиеся по признаку этнического, географического, территориального происхождения (tyrian "тириец" (житель Тирии), oppidan "оппидан", pygmean "пигмей"); в) имена, выделяющиеся по признаку принадлежности к какому-либо идеологическому, религиозному или философскому направлению (Priscillianist "присциллианист", последователь Присцилиана; puritan "пуританец", purist "пурист"); г) имена, выделяющиеся по отношению к предмету как объекту воздействия или орудия деятельности (mandatory "мандаторий", manuary "мануарий"); д) имена, обозначающие активно действующих лиц, действия которых подразумевают активное вмешательство, направленное на объект (grantor "грантор", causer "каузер", advertiser "советник"). Имена лиц обозначают принадлежность к какому-либо идеологическому, главным образом, религиозному или философскому течению. Причем такие имена собственные - не что иное, как названия основателей данного течения или направления (Priscillianist, Puritan, Vergillian). Это подтверждает мысль о широте международных контактов языка-реципиента с языком-источником, ибо "соприкосновение языков является исторической необходимостью, и соприкосновение это неизбежно влечет за собой их взаимопроникновение"¹.

¹ Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. - М.: Соцэкгиз, 1937. -С.257.

Многочисленность латинизмов в сфере этики непосредственно характеризует специфические черты нового гуманистического мировоззрения интеллигенции, возросшая социальная формализация которой обозначилась в XVI веке на основе экстенсивного распространения и признания гуманистических занятий и знаний, вошедших в преемственную структуру общественной деятельности, когда навыки ренессансного воспитания и осведомленности стали среди просвещенных верхов чем-то общепринятым². С другой стороны, данная группа слов представляет собой социально и культурно уязвимую лексику, изменение которой обусловлено умонастроениями общества в рассматриваемый период, когда для динамики состояния общественного сознания характерен процесс дестабилизации понятия религиозной веры в связи с ломкой старой картины ненаучного видения мира и вытекающих отсюда морально-этических понятий, что и отражается на лексике словарного состава английского языка периода исследования.

В результате анализа выявлено 377 классического характера заимствований (356 - латинских нововведений и 21 - грецизм), в том числе: а) прямых заимствований 115; б) проникших через язык-посредник - французский - 262 единицы. Для сравнения скажем, что вклад других языков в исследуемую лексику невелик (50 слов французского происхождения, 5 лексических единиц - из других языков), а исконный слой лексики составил всего 72 слова. Данные заимствования позволили более точно использовать, обозначить такие фундаментальные философские категории, как бытие, сущность и явление, пространство, время, движение, взаимосвязь и противоположность, качество и количество, конечное и бесконечное, единичное, особенное, всеобщее, материальность, метод, возможность и действительность, категории познания (рациональное познание; истинность познания). Наибольшее коли-

² Баткин Л.Н. Ренессанс и утопия// Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М.: Наука, 1976. - С. 23; Муравьева М.Е. Трансформация гуманистических идеалов свободы и социальной справедливости в истории философской мысли: Дис... канд. филос. наук. – Смоленск, 2005.

чество поступлений относится к группам: а) обозначающим общие свойства человеческого характера (18 единиц); б) метода (14); в) прост-ранственно-временных отношений (9); г) категорий познания (6); д) связи и противоположности (5). Количественно преобладающие слова классического происхождения выполняют социальный заказ огромной важности: они обозначают основные понятия философских категорий. Таким образом, в исследуемый период увеличивается число и обогащается содержание основных научных категорий, система которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира. Анализ также показал, что 33 классических заимствования философского характера вступили в семантическое взаимодействие с лексикой исконного и иноязычного (в основном романского) происхождения. В качестве лексических соответствий (полных или частичных) анализируемых слов отмечены 48 единиц. Хотя эта лексика - продукт в основном средних веков, своим новым семантическим наполнением, новыми смысловыми связями она принадлежит эпохе Возрождения. 20 заимствований классического характера стали доминантами в ТГ: пространство, время, метод, конечное и бесконечное, категории познания, явления общественной жизни, свойства человеческого характера.

Заимствования отличаются высокой степенью смысловой автономности, независимости от контекста (association "ассоциация", entity "целостность", exploration "использование", prediction "предсказание", modesty "скромность", ratiocination "разумность" и др.). У 20 новых заимствований классического характера в исследуемый период появляется по одному новому значению терминологического характера, что расширяет сферы их употребления в философии (anticipation "антиципация", quiddity "рассудительность", compendium "компендиум", expectation "ожидание", species "образец", vacuity "пустота", presupposition "пресуппозиция", contraposition "противопоставление", vacuum "вакуум", notion

"смысл"). Лексические соответствия анализируемых заимствований способствуют более четкому выявлению определенных понятий философии (perpetuity "вечность", inquisition "наблюдение", eternity "вечность", remembrance "память"). Указанная тенденция проявляется не только в непосредственно философских произведениях, но и в художественной литературе, поэзии, проповедях. Показательно, что лексические соответствия связаны с центральными понятиями философии гуманизма (eternity, substance, chance, conclusion, inquisition, modesty, education). Наличие философски "нацеленных" слов у драматургов, поэтов, теологов говорит о том, что они были хорошо знакомы с основными философскими произведениями Старого и Нового времени, с лексикой, употреблявшейся в таких произведениях.

Для начального этапа формирования английской философской лексики характерна синонимия. Становление семантического ядра языка философии в XVI веке отмечено широко развернутой синонимизацией одного и того же понятия в пределах ЛСГ (anticipation - prediction; presension - explanation; inquisition - investigation). Заимствования из классических языков способствуют перестройке иерархической устоявшейся системы понятий, законов и категорий сферы научного мышления. При конкретной реализации лексической вариантности в наименовании одних и тех же философских понятий в XVI-XVII вв. отмечаются 3 основных разновидности: а) в английском языке этого периода функционировало несколько заимствований из разных языков для экспликации одного и того же понятия (например, "компендиум" - compendium-abridgement-epitome); б) новые заимствования классического происхождения встречали на почве языка-реципиента лексические соответствия исконного или заимствованного ранее иноязычного происхождения (например, "предвидение" presension-foresight; "вывод" illation-conclusion; "рассуждение" ratiocination-reasoning); в) с появлением нового заимствования на английской почве создавалось английское слово (например,

"пустота" vacuum-emptiness; "предвидение" anticipation-foreknowledge), соответствующее ему по семантике. Новое заимствование философского характера выражает чисто наиболее общее понятие по сравнению с эквивалентной лексикой. В ряде случаев между анализируемыми новыми заимствованиями и словами со сходной семантикой с самого начала прослеживаются четкие семантические различия. Таким образом, классические заимствования используются в качестве идеографических синонимов, уже имеющих в английском языке слов (precedency-precedence; reminiscence-reminiscency; remembrance-remem-brancy). Новые заимствования философского характера склонны сочетаться с именами существительными абстрактного характера (presension of mind; illation or premise; inference of consension). Количество таких терминологических сочетаний весьма значительно. Новые поступления классического характера используются в английском языке с глаголами широкого семантического объема - to have; to make; to give; to suppose.

По характеру, значению и, соответственно, по функции эти классические заимствования служат обозначению понятий в языке-реципиенте. Намечается следующая тенденция: а) если новое классическое заимствование употреблено в трактате или другом труде философского характера, то лексическое окружение этого слова состоит из единиц, способствующих точности информации, адекватности ее восприятия (vacuitie or emptinesse "вакуум или пустота", entity of sound "целостность звука"; antecedence and consequence "антецедент и последствие"); б) если же заимствованное слово употреблено в поэме, драме и т.д., то его лексическое окружение состоит из единиц преимущественно адъективного характера, способствующих увеличению объема понятия и образности (infinite of love "бесконечность любви"; vulgar notions "примитивные понятие"; true notions "реальные понятия";).

Итак, видно, что если заимствование целесообразно в силу надобности ее для нужд возрожденческой философии, гуманистической по духу и экспериментально-новаторской по мысли, то иноязычные слова выступают в роли источника, который пополняет словарный состав и служит обогащению языка-реципиента. Причем они обладают разной силой воздействия, в зависимости от исторической обстановки и языковой ситуации в стране.

Анализ функциональной специфики философских понятий

Для установления общих тенденций, многоаспектно характеризующих основной состав философской тематической лексики, возникает необходимость проследить трансформации, определяемые фактором времени. Новые пласты лексики, как заимствованной из латыни при посредничестве французского языка, так и бытовавшей ранее только в обиходно-разговорном стиле, включаются в письменно-литературный язык, посредством и при помощи которого находят свое выражение новые понятия, новая трактовка семантики лексических единиц в свете утвердившей себя опытно-экспериментальной системы Ф.Бэкона - "истинного родоначальника всей экспериментирующей науки".

Обогащение языка эпохи заимствованиями было обусловлено мощными сдвигами во всей общественно-политической жизни Англии периода Возрождения. Авторы, выступавшие в различных жанрах, каждый по-своему старались объяснить *humana studia* эпохи (поэзия, проза, песни, стихотворные диалоги, драматургия, политические и научные трактаты, проповеди, памфлеты, описания путешествий, исторические хроники). Подобная языковая ситуация, когда господствовала латынь в таких областях как наука, политическая жизнь, обучение, воспитание и религия, влияла на лексический состав и на совокупность синтаксических приемов организации

языкового материала философского характера в самых разных сферах и жанрах. Употребление философской лексики в подавляющем большинстве жанров является одной из характерных черт литературы эпохи, т.к. новая философия находит свое выражение в новой литературной форме – литературно – риторической, рассчитанной на образованные общественные круги, тем самым включая философские сочинения в общий поток латинской словесности, восстанавливая ее былые связи с художественной литературой, поэзией, историей, политикой, риторикой. Вместе с тем, приобретение словами новых значений, оттенков, характерных для выражения философской мысли, свидетельствует о том, что наблюдается процесс постепенной профессиональной дифференциации языка философии в связи со специализацией знания, оформлением ее в отдельную науку (*anticipation* "антиципация", *concurrence* "совпадение", *gradation* "градация" и т.д.): "anticipation is when we prevent those words that another would saie" (T.Wilson. *Rtet.*100); "so shall my anticipation prevent your discovery" (Shaks.*Haml.* 11.2. 304).

Однозначные слова отличаются незначительной частотностью, однако они обладают высокой степенью семантической автономности, независимой от контекста (*modesty* "скромность", *presupposition* "пресуппозиция", *ratiocination* "рассуждение"), "...is according unto the light and presupposition of that which is delivered" - "...есть в соответствии с ясностью и пресуппозицией того, о чём говорится" (F.Bacon. *Adv.L.* 11.126); "withot any discourse of reason, or ratiocination" - "... без всякой дискурсии в причины или рассуждения" (Holland *Plutarch*, *Мог.* 1344); "...be pastime passing excellent, if it be ... with modesty" - "... быть прекрасным развлечением, если это связано... со скромностью" (Shaks.*Ind.*1.66).

Происходит: 1) значительный рост гнезда сочетаемости слов от 2 до 32 лексических единиц при сохранении основного слова в качестве ядра сочетания и 2) увеличение количества лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Эти два условия говорят о заметном развитии семантической структуры слов философского характера. Усложнение смысловой структуры анализируемых слов подтверждает мысль о полном их усвоении в семантическом плане. Все взаимодействующие значения слов выполняют роль уточняющих, конкретизирующих компонентов первично заимствованного значения.

По своему происхождению философская лексика делится на: 1) слова, возникшие из общенародной исконной лексики и 2) слова, заимствованные из других языков.

Отмечены некоторые особенности введения в обиход новых заимствованных единиц: а) авторские толкования в словарях, где по самой природе свойственна простота и ясность изложения; б) перифразы - обычно путем описательного перевода или посредством использования синонимов, например: *ratiocination is, that cometh of logic of any Commodity, or to echeve any discomodity, levity, lightnesse, inconstancie*; - "попытка разумно обосновать - это значит исходить из логики любого удобства или ... достичь какого-либо неудобства, легкомыслия, поверхностного мышления, непостоянства". В значительном количестве случаев автор вводит слово без толкования, рассчитывая на лингвистическую эрудицию читателя, при этом контекст помогает определить значение вводимой лексической единицы: *In the mysteries of the Christes person, there is no transition of the deitie into the humanite or humanite into the deitie* - "В тайнах личности Христа нет никакого перехода божества в человеческий образ или наоборот" (Gard. *Explication of transubstantiation*, 123).

Следует различать слова, которые относятся к философской лексике и выражают важные, основополагающие понятия данной сферы (*fact* "факт", *agent* "агент", *coherence* "последовательность", *modesty* "скромность", *levity* "легковерность"), от слов, являющихся философскими терминами в анализируемый период: *ratiocination* "рассуждение", *gradation* "градация", *medium*

"медиум", ubiquity "вездесущность", reflex "отражение", materiality "материальность", presupposition "предположение").

Манера изложения от первого лица была типичной в анализируемую эпоху (письма, проповеди, памфлеты, поэзия), что подтверждается преобладанием личных активных форм глагола, в которых есть семантический оттенок оценки, авторское "я", а также персонализированная форма изложения (псалм, поэзия, трактат), отражающаяся в отборе лексики, особенно с глаголами физического действия и с глаголами "оценки, суждения, намерения". Эти лексические единицы являются принадлежностью не только научной философской литературы, но и широко используются в произведениях самого различного жанра: поэзии, драматургии, трактатах, проповедях, корреспонденции, полемических статьях, что позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период в целом философская лексика еще не была строго ограничена в рамках терминосистемы, т.е. не была "чистой" принадлежностью философии, т.к. последняя в качестве новой – Ренессансной – только рождалась, а потому проявляла себя в качестве общеупотребительной лексики для выражения философской мысли авторов, чьи произведения характеризуются различной жанровой направленностью. Это подтверждает общеисторическую тенденцию - факт энциклопедической образованности представителей эпохи Возрождения и, соответственно, разнообразные области применения их способностей.

Слова философского характера в XVI-XVII вв. используются в различных жанрах. Этому способствовало новое философское мышление – идеология гуманизма, ставшей философской мыслью эпохи, ведь речь шла о глубочайшем перевороте во всей системе философского знания: характере философствования, стиле мышления, облике самого философа, его места в обществе. Особенно это было заметно в области этики (modesty, levity, constancy, coherence), выражающей морально-этические качества человека и в использовании слов с широкой семантикой (fact,

gradation). Привлечение данных групп слов связано с тем, что они характеризуются абстрактностью, используются преимущественно в стиле письменной речи (Ф.Бэкон, Кр.Марло, Шекспир, Т.Графтон, Дж.Мильтон, Стоу, Г.Флетчер, Кокс) и характеризует специфику нового гуманистического мировоззрения интеллигенций, возросшая социальная формализация которой четко обозначилась эпоху Возрождения. Переворот, начавшийся в эту эпоху, означал прежде всего смену языка культуры. Профессиональному языку средневековых трактатов гуманисты противопоставляют изящество возрожденной латинской речи, возвращая философию общей литературной культуре – этого требует теперь понимание философского текста.

Ряд слов с самого начала является принадлежностью философской научной терминологии: reflex, ratiocination, anticipation, pressupposition). Сфера распространения их весьма узка - они присутствуют в произведениях философского характера (трактаты, эссе): "...great progress ever be made in science by means of anticipations" - "... прогресс в науке всегда достигается с помощью антиципации (предвидения)" (N.O.262); "by means of anticipation, that is to say, of the reasoning which is now in use" - "с помощью антиципации, то есть рассуждения..." (N.O.262); "presuppositions must seek assistance from similitudes and comparisons" - "предположения должны основываться, исходя из схожестей и сравнений" (F.Bacon. De Augm.V.532).

В анализируемых текстах к термину, как показало изучение, обычно сначала присоединяются единицы микрополя, т.е. совокупности специальных лексических единиц, сочетающихся с данным словом в пределах терминологической системы, а позднее - слова общелитературного языка. К примеру, сочетаемость лексической единицы ratiocination в первые 100 лет на английской почве: process of-; discourse of-; to evidence-, to evince-; reason or-

15 слов - нововведений латинского характера имеют сопряжение со словами сходной (но не совпадающей семантикой): anticipation, coherence, correlation, elucidation, education, gradation, identity, levity, modesty,

materiality, penalty, ratiocination, reflex, transition. Эти слова, являясь составной частью общеупотребительного словарного фонда (всего 178 слов), выполняют роль посредника при пополнении запасов пласта философской лексики.

Выделяется некоторое количество сопрягающихся слов, возникших в пределах одного (XVI) века: *hardheartedness* "твердость (мысли)", *falsity* "ошибочность", *deceitfulness* "обман"; *perspicuity* "ясность (изложения)"; *inclination* "склонность"; *reflection* "отражение"; *the vulgar* "простолудин"; *forecast* "предвидение"; *epitome* "итог". Наблюдавшаяся в английском языке более древнего периода и в средние века многозначность семантики этих сопрягающихся слов, выражавших то или иное понятие, в XVI веке уступает место более четкому и однозначному выражению понятия, поскольку отношение к тексту стало иным. Отчищая тексты античных авторов и Аристотеля, прежде всего, от средневековых "варваризмов", исправляя неверную терминологию, искажавшую смысл их учения, гуманисты возрождали подлинного философа античности, понять которого нельзя было вне общей литературной, исторической, философской традиции. Так возрожденные философские тексты воспринимались в определенном историческом контексте и ракурсе своего времени.

Английская абстрактно-философская лексика выступает как многомерная система, характеризующаяся наличием многочисленных переходных случаев, отражающих, таким образом, сложность взаимоотношений и взаимосвязей составляющих ее единиц. Эти слова также подвержены процессам, которые характерны для всех латинских заимствований Возрождения.

Таким образом, философская лексика предстает перед нами как единая, целостная система, подчиненная определенным объективным законам истории и мышления, отражающая реально существующую диалектическую взаимосвязь и дальнейшее развитие важнейших философских понятий, ми-

ровоззрения представителей эпохи. Показательно то, что на переднем плане находится та часть терминов, которая непосредственно связана с центральными понятиями философии гуманизма (reflex, modesty, levity, identity, coherence, antitipation, education, correlation).

Эпоха Возрождения самым решительным образом повлияла не только на содержание, но и на состав философского словаря, о чем свидетельствует появление в исследуемую эпоху (XV-XVII вв.) большого количества слов для объяснения нового мировоззрения и миропонимания в свете революционных научных открытий эпохи.

Наличие философско "нацеленных" слов у драматургов, поэтов, теологов говорит о том, что их авторы освоили новое миропонимание, а также были хорошо знакомы с основными произведениями философского характера старого и нового времени, с лексикой, употреблявшейся в таких произведениях.

Становление понятийных групп

Известно, что язык состоит не из отдельных слов, а представляет собой сложную систему, в которой слова связаны грамматическими и лексико-семантическими отношениями, без чего немислимы связная речь, коммуникация между людьми, познание и преобразование объективной действительности, что составляет, в свою очередь, непременное условие существования человеческого общества.

Свое место в ряду воззрений, высказывавшихся в 30-50-е годы XX века на природу лексико-семантических связей, заняла теория "семантического поля" Юста Трира, согласно которой при употреблении любого слова в сознании говорящего и слушающего всплывает ощущение другого слова или других слов, в семантическом отношении "соседних" с данным словом. Это соседство слов вызывается сходством или противоположностью как их зна-

чений, так и стоящих за ними понятий. По принципу сходства или противоположности все понятия, заключенные в языке, разбиваются на более или менее замкнутые группы, круги или "блоки". Круг понятий и наличный в нем механизм соотношений и изменений был вызван "семантическим полем", обладающим своим "знаковым или лексическим полем".

С учетом вышесказанного, переходим к характеристике тематических понятийных групп (ТГ).

1. Реальное и потенциальное бытие. ТГ, обозначающая универсальную, определяющую категорию человеческого познания, свидетельствующая о степени мировосприятия людей определенной социальной системы, включает 26 слов.

Становление этой группы начинается в древнеанглийский период с фиксацией двух важнейших слов: *body* - ... - тело; *world* - 832 -мир¹. Период наиболее интенсивного пополнения наблюдается в XII-XV вв., когда в целом оформляется основной круг понятий данной ТГ (16 л.е.): *matter* -1125- вещество; *being* -1325- существо, бытие; *existence* -1384- существование; *abyss* -1398- бездна (хаос); *galaxy* - 1398- мир, вселенная; *subsistence* -1432- существование; *chaos* - 1140- хаос; *accident* - ... - акцидент; *substance* -... - вещество; *real* -1448- реальное; *immovable* -1449- неподвижное; *meaning* - 14..- смысл; *mechanic* -14..- механическое. В XVI веке *fact* -1539- факт; *motionless* -1569- неподвижность; *accidence* - 1509 - акцидент; *potency* -1539- потенция. XVII век (4 слова): *substratum* -1631- субстрат; *still* -1626- неподвижность; *mechanics* -1649- механическое; *indivisible* -1641- неделимое.

Данная понятийная сфера в основном пополнялась словами латинской и греческой этимологии. Значительна роль французского языка как посредника (9 слов из 26); исконный слой - (3 слова).

¹ *world* в древнеанглийском (Com.Teut;O.E. *weorold*, *worold*; образование типично германское от *wer* "человек" + *aid* "возраст") заключало в себе смысл "земная жизнь" (человека); бранный мир (в противоположность потустороннему миру).

Понятие бытия¹ неразрывно связано с представлением о пространстве и времени.

С этой точки зрения ТГ характеризуется определенной смысловой связью слов и распадается на 3 ЛСГ по общности понятий:

а) выражающие бесконечность мироздания - galaxy, world; б) представление об ее устройстве - chaos, abyss; в) формы ее существования - existence, subsistence, being, matter, indivisible.

2. Пространство и время. ТГ, единицы которой служат в качестве важнейших терминов философской науки, отражают основополагающие формы человеческого опыта, насчитывают 37 слов. Первая фиксация относится к IX в. (2 слова): end - 825 - конец; time - 893- время; XIII в.(1 слово): point - 1225-момент, мгновение;

XIV в. (14 слов): air - 1300- воздух; interval -1300- прерывность; inanition -13..- пустота; immortality -1340- бессмертность; eternity -1374- вечность; future -1374- будущее; infinity -1374- бесконечность; distribution -1383- распространение; duration -1384- длительность; priority -1387- предшествование; discontinuance -1398- прекращение, перерыв; ether -1398- эфир; XV в.(9 слов): extension -1400- протяженность; antecedent -НООпредшествующее (что-то); dimension -1413- протяжение, объем; period -1413- период; prorogation - 1432- начало; perpetuity -1450- вечность; inception -1483- начало (чего-либо); durance -1494- длительность; instance -1494- мгновение; XVI в.(9 слов): antecedence -1535- предшествование; antecedency -1598- предшествование; соpcomittance -1535- сопутствование; discontinuity -15..- разрыв непрерывности; perennity -1597- вечность; precedency -1599- предшествование; suspension - 1528- временное прекращение; vacuity -1541- пустота; vacuum -1550- вакуум.

С точки зрения происхождения данная лексика группируется следующим образом: 1) из латыни (30 л.е.), из которых 14 (inanition, extension, inter-

¹ Следует отметить, что первоначально эти слова понимались в религиозном восприятии. Дунс Скотт, Роджер Бэкон впервые обратили внимание на существенные стороны бытия материального мира, а не идеалистически-религиозного.

val, inception, moment, antecedence, antecedency, concomittance, discontinuity, perennity, precedency, suspension, vacuity, vacuum) - прямые заимствования, а остальные 16 слов проникли через язык-посредник французский. 3 лексические единицы греческого происхождения (air, period, ether): первые два слова проникли через латынь и французский, а последнее - через латынь непосредственно; вклад французского языка - durance; одно слово англо-французского происхождения - discontinuance; исконный слой - 2 л.е. (end, time).

Именно в XV веке лексический круг, охватывающий по своей семантике основополагающие понятия ТГ¹, наиболее полно представляет суть категорий пространства и времени, что связано с более поздним возникновением абстрактного понимания времени этих категорий, поскольку они появляются на базе конкретных представлений. По общности понятий, передаваемой словами, представляется возможным произвести их более подробное логическое деление на ЛСГ, передающие: 1) наиболее общие понятия данной сферы (time, eternity, perpetuity); 2) определенные ограниченные отрезки времени (instance, moment, period, point), связанные с: а) предшествованием (antecedency, priority); б) началом (inception, proragation); в) продолжением (conformation, duration).

Этимология группы слов moment, instance, period, concomittance указывает на наличие закономерной связи движения и времени и возникших на базе сравнения с движением ("предшествование", "начало", "продолжение"), вскрывает наличие ассоциации времени с поступательным движением. Интересно в этой связи отметить: если в начальный период формирования понятий данной ТГ закономерным был переход от пространственных значений к временным (аналогично ходу развития представления о пространстве и времени), то на современном этапе наблюдается обратное, т.е. превращение

¹ Об эволюции понятия "время": См.: Жабицкая Н.Л. Историко-семасиологическое исследование сущ-ных, выраж. понятие «время» в англ. языке: Дис... канд. филол. наук. – Киев, 1974; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. –М.: Наука, 1982.

временных понятий в пространственные, в измерительные единицы протяжения.

3. **Свобода и необходимость.** Важнейшие с точки зрения философских категорий слова этой ТГ, изучению которых уделяется значительное внимание в истории культуры и философии, насчитывает 13 лексических единиц. Эта группа слов связана с раскрытием сущности и значения философских категорий "свобода и необходимость", играющей важную роль в формировании мировоззрения нации, начиная с древнеанглийского периода: IX в.: freedom - ... - свобода; lot -....- судьба, рок; need-825- потребность, необходимость; will -....- воля. Все слова исконного происхождения. XII в.: liberty -1116- свобода; XIII в.: duty -1274- долг, обязанность; XIV в.: passion -1300- намерение, страсть; desire -1303- желание; subject -1300- субъект; XVв.: intension -1400-намерение.

С точки зрения этимологии 9 слов - романского происхождения; вклад латинского языка - 7 слов, из которых 3 - прямые заимствования (fate; object, passion), 4 слова проникли через язык-посредник французский (intention; liberty; necessity; subject); desire - прямое французское заимствование, а duty - долг - англо-французского происхождения.

В пределах ТГ выделяется ЛСГ слов, выражающих: а) основные понятия философских категорий: liberty, freedom, duty, necessity; б) психологическое, эмоциональное отношение человека к происходящему: intention, passion, desire; в) судьбу, рок: fate, lot; г) объект-субъект: object, subject.

Начиная с XVI века отмечается тенденция к расширению семантической производности лексических единиц, уже прочно вошедших в лексико-семантическую систему английского языка в предшествующие века, например, lot, fate, destiny, chance, divinity составляют ЛСГ, где последнее становится своеобразной персонификацией, философской абстракцией выражаемых этими словами понятий.

4. Сущность и явление. Данная ТГ, лексический состав которой отражает своим семантическим объемом всеобщие необходимые стороны всех объектов и процессов в мире и во взаимоотношениях которых обнаруживается диалектика единства и многообразия, насчитывает 17 лексических единиц, 3 из которых зарегистрированы еще в древнеанглийский период: kernel -...-суть, сущность; marrow -700- суть, сущность; pith -868- суть, сущность; XIII в.: sign -1225- знак; XIV в.(4 слова): substance -1300- сущность, суть; condition -1315- условие; XV в.(5 слов): emblem -1430-символ; quintessence -**1430**-квинтэссенция; manifestation -1432 проявление; symbol -1450- знак; propriety -1456- сущность; XVI в.(4 слова): ens -15...- суть; entity -15...- сущность; quiddity -15...- сущность, суть; esse -15...- суть.

Хронологически XIV-XV вв. - это наиболее активные периоды проникновения иноязычной лексики данной ТГ в состав английского языка (11 из 17-и слов). Большинство слов ТГ заимствованы из классической латыни, 6 из них - прямые заимствования, остальные проникли через французский язык-посредник: condition, distinction, division, essence, substance, propriety, quintessence.

Привлекает внимание ЛСГ, выражающая основное понятие "сущность", важное для всякой философской системы: ens, esse, essence, kernel, marrow, pith, substance, quiddity. Отдельную ЛСГ составляют слова, связанные с символикой и рассмотрение гносеологических функций которых занимает важное место в философии: emblem, sign, symbol, attribute. Выделяется также ЛСГ, характеризующая необходимый момент всякого единства, особенность любой вещи, явления, процесса (distinction), разделение (division), проявление (manifestation) и состояние (condition).

5. Необходимость и случайность. ТГ, словарный состав которой отражает понятия двух видов объективных связей материального мира, оформляется с XIII века и насчитывает 14 слов. XIII в.: chance -1294- удача;

XIV в.(6 слов): fortune -1300- везение, случайность; har -1340- судьба, случай; predestination -1340судьба; accident -1374- случайность; necessity -1374- необходимость; occasion -1382- случай; XV в.(4 слова): destiny -1440судьба; casualty -1423-несчастный случай; pertinence -1432 - уместность; fatality - 1440- фатальность; XVI в.(3 слова): contingency -1561- случайность; pertinency -1598- уместность; relevancy -1561- уместность. Наиболее активный период пополнения ТГ - XIV-XV вв.(10 из 14 слов), в основном лексика романского происхождения (9 латинизмов, из которых 3 - прямые, а 6 - проникли через французский); одно слово (pertinence) - прямое французское заимствование, и одно слово - har - скандинавское.

Здесь можно выделить ЛСГ, связанную с: а) верой философов в предопределенность человеческого существования и - так или иначе - связанные с носителями судьбы, удачи, фатальность: casualty, destiny, fatality, occasion; б) понятием "случайность": accident, har, casualty, occasion.

6. Метод. ТГ слов, по семантике своей связанная с понятиями путей познания и разъяснения явлений жизни на основе единства материи и сознания, насчитывает 58 слов различной этимологии. Данная ТГ распадается на две ЛСГ - "метод исследования" и "метод познания"¹.

ЛСГ "метод исследования" - 28 лексических единиц, формирование ее фиксируется с XIII в.: insight -1200- интуиция; balance -1275- равновесие (причин, мнений); XIV в.(11 слов): foresight -1300- предвидение; proposition - 1340- пропозиция; solution -1375- решение; presentation -1380- преподнесение; principle -1380- принцип; conclusion -1382- вывод; explanation -1382-

¹ Известен исключительный интерес "последнего римлянина" Боэция к вопросам метода философствования. Интерес этот закономерен. Собственно, поиски метода можно обнаружить в сочинениях Платона. Аристотель придавал особое значение взаимосвязи метода познания и его конечных результатов. Наиболее полно проблема метода разработана Стагиритом в "Категориях", "О софистических опровержениях", "Топике", "Риторике". Свою задачу он сформулировал следующим образом: "Цель сочинения - найти метод, при помощи которого можно было бы из правдоподобных (положений) делать умозаключения о всякой выдвинутой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение" (Аристотель. Топика.1.1). Неоплатоник Прокл придал методологии, или учению о методе, сложнейшую и рафинированную форму, в полной мере использовав логические рассуждения Аристотеля.

объяснение; *inquisition* -1382- исследование; *observation* -1382наблюдение; *consummation* -1398- логическое завершение до конца; *argument* -1382- аргумент; XV в. (6 слов): *search* -1400- исследование; *sophistication* -1400- софистикация; *apposition* -1440диспут (открытый); *representation* -1477- утверждение; *argumentation* -1491- обоснование; *intuition* -1497- интуиция; XVI век (8 слов): *anticipation* -1548- антиципация; *elucidation* -1570- выяснение; *exploration* -1543- исследование; *prediction* -1561- предвидение, предсказание; *presension* -15..- представление; *expection* -1538- ожидание; *expection* -1598- ожидание.

Наибольшее число поступлений из латыни (24 слова), в том числе прямых заимствований - 12 (вторая половина XIV в.- первая половина XV века и XVI век); 12 слов проникли через французский как язык-посредник: *balance*, *argument*, *conclusion*, *consummation*, *argumentation*, *inquisition*, *presentation*, *principle*, *representation*, *solution*, *proposition*; 1 слово (*search*) - прямо проникло из французского языка.

Особо интенсивное развитие наук в XV-XVII вв. позволило накопить новые наблюдения и доставило средство для экспериментирования (в области физики - Дж.Гильберт, математике - Т.Гарриет, Д.Нэпер; медицины - У.Гарвей и др.), что и отразилось и на лексике этой эпохи. Открытия авторов эпохи "способствовали не только углублению познания мира природы и природных законов, но и методологической подготовке того коренного переворота в истории естествознания, каким явилось математическое и экспериментальное естествознание нового времени. Вместе с тем, трудно переоценить значение научных открытий во всех областях знания... для развития философской мысли своего времени"¹.

Значительное пополнение словарного запаса ТГ говорит также и о том, что успехи экспериментальных наук в XVI веке свидетельствовали о плодотворности новых методов накопления наблюдений (Ф.Бэкон) и их рацио-

¹ Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. -М.: Наука, 1980. -С. 121.

нальной обработки. Новые веяния в науке и общественной жизни находили свое отражение в философских трудах, для которых характерно критическое отношение к схоластике, стремление сконцентрировать научные интересы на природе и человеке, апелляция к опыту как источнику знаний.

В ЛСГ "**метод познания**" насчитывается 30 слов, формирование которой начинается еще в древнеанглийский период - learning -...- изучение, обучение. В основном пополнение этой ТГ начинается с XIII-XIV вв., когда, как известно, громадное значение в практике научной жизни приобретает публичный диспут как форма изобличения и опровержения заблуждения: meditation -1225- размышление; interpretation -1292- толкование; judgement -1297- суждение; XIV в.(14 слов): opinion -1300- мнение; thinking -1300- размышление; guess -1300- догадка; comparison -1340- сравнение; discussion -1340- рассуждение; sophistry -1340- софистика; experiment -1362- эксперимент; deliberation -1374- размышление; mode -1373-метод; induction -1380 индукция; explanation -1382- объяснение; problem -1382- проблема; interrogation -1386- вопрос; thesis -1398- тезис; XV в.(5 слов): supposition -1449- предположение; disputation -1450- спор; credo -1475- кредо; contemplation -1480- созерцание, размышление; deduction -1483- дедукция.

Хронологическая шкала поступлений ЛСГ: О.Е.-1; XIII в.-3; XIV в.-14; XV в.-5; XVI в.-7.

Этимологический анализ выявил 23 поступления из латыни при 14 прямых заимствованиях (mode, explanation, supposition, interrogation, disputation, deduction, credo, compendium, education, illation, inference, presupposition, ratiocination, semination) и 9 проникли через французский как язык-посредник: opinion, experiment, contemplation, comparison, interpretation, meditation, sophistry, induction, discussion. Два прямых заимствования из французского (judgement, practice); два - из греческого (problem, thesis); исконные слова: guess, learning, thinking.

7. Практика. Круг этой ТГ составили слова, обозначающие материальную сторону единого, общественно-исторического процесса познания и трансформации природы и общества, в количестве 15 единиц, из которых 4 зафиксированы еще в древнеанглийский период - IX-X вв.: work -825- работа, труд; will -900- воля; need -900- потребность; XIII в.: aim -12..- цель; XIV в.(7 слов): labour -1300- труд; action -1330- действие; effect -1385- результат; operation -1386- действие; outcome -13..- результат; utility -1391- полезность; creation -1393- созидание; XV в.: practice -1494- практика; XVI в.: reality -1550- действительность; activity -1530- деятельность.

С точки зрения этимологии 5 лексических единиц составляют исконный слой, а остальные - заимствованы английским языком из латыни или проникли через французский язык-посредник, но по своей этимологии восходят к латыни. Здесь выделяются ЛСГ, связанные с: а) практикой (practice, labour, work); б) действием и результатом - result, outcome, utility.

8. Форма и содержание. ТГ, отражающая взаимосвязь двух сторон природной и социальной реальности, представлена 15 словами, начиная с древнеанглийского периода: nothing -686- пустота, ничто; (the) whole -...- целое; XIII в.: void -1290- пустота; form -1297- форма; XIV в.(3 слова): process -13..- процесс; state -13..- состояние (положение); condition -13..- состояние (условие); XV в.: attribute -1400- атрибут; object -14..- объект; content -1481- содержание; inanity -14..- пустота; structure -1440- структура; XVI в.: inanity -15..- пустота; static -1570- статика; XVII в.: statics -1656- статика.

Хронологическая шкала: VI-IX вв.-2; XIII в.-2; XIV в.-3; XV в.-5; XVI в.-2; XVII в.-1.

Лексика ТГ состоит в основном из латинских заимствований: прямые (7 слов), 4 слова - через посредство французского; исконный слой (2 слова): nothing, the whole.

9. Часть и целое. ТГ слов, выражающих отношения между совокупностью предметов и связью, объединяющей эти предметы, а также

характеризующих общее движение познания, насчитывает 18 слов. Первая фиксация приходится на древнеанглийский период (2 слова): part -...- часть; the whole -...- целое; XIII в.: element -12..элемент; portion -12..- часть; sum -12..- целое; XIV в.: indivisible -13..- неделимое; composition - 13.. - строение; aggregate -13..- агрегат; XV в.: integrity -1400- цельность; structure -14..- структура; XVI в.: totality -1598- целое; integer -1509.....; integral -1551- интеграл; compound -1530- часть; aggregation -1547- агрегация; XVII в.: integration - 16.. - интеграция; component -1645- часть; integrality -1611- интегральность.

По этимологии эти лексические единицы составляют латинские заимствования (прямые -12, через французский язык-посредник - 5), кроме слова the whole, которое является исконного происхождения. Эти ТГ распадаются на 3 ЛСГ, связанные с: а) нерасчлененным представлением о целом (sum, the whole); б) переходом к анализу, расчленению целого на части (composition, structure, compound, element) и в) индуктивным воспроизведением объекта в мышлении в форме конкретного целого (integer, integral, totality).

10. Движение. Тематический ряд слов, определяющий группу понятий, свойств предметов и явлений динамики окружающего мира, структурную организацию и характер существования материи, включает 30 слов.

Формирование этой ТГ уходит вглубь веков, начиная с IX-X вв. (5 слов): death -888- смерть; stillness -888- покой; rest -900покой; leap -1000- скачок; life -1000- жизнь; XIII в.: advancement -1297- продвижение; XIV в.(13 слов): shift -1300- перемещение; process -1330- процесс; action -1330- действие; conversion -1340- превращение; motion -1374- движение; movement -1374- движение; transmutation -1380- трансмутация; regress -1375- регресс; destruction -1387- разрушение; conversion -13..- превращение; discrepancy - 13..- противоречивость; contradictory -13..противоречивость; XV в.(7 слов): instability -1422- неустойчивость; progress -1432- прогресс; transformation -

1432- изменение; alteration -1472- изменение; immobility -1483- неподвижность; mobility -1490- подвижность; decay -1460- смерть; XVI в. (3 слова): transition -15..- изменение; discursion -1535- дискурсия; absoluteness -1570- абсолютность.

Хронологическая шкала свидетельствует о наиболее интенсивном пополнении английского вокобуляра в XIV-XV вв. (21 слово из 30). В этимологическом отношении исконный слой составил 6 слов, 22 слова - латинские заимствования (5 - прямые заимствования), 2 слова - прямые французские заимствования (decay, advancement).

Здесь возможно более детальное деление сфер этой ТГ на ЛСГ, связанные с: а) процессом изменения (alteration, transformation, conversion); б) движением (movement, motion, shift, discursion); в) движением как поступательным процессом (advancement, progress, regress, recess); г) качественным коренным изменением (leap).

11. Взаимосвязь и противоречивость. ТГ, связанная с понятиями, выражающими степень развития, нарастания, зрелости противоречия и взаимного влияния тел друг на друга и определяющая существование и структурную организацию всякой материальной системы, конечной причины всего существующего, насчитывает 28 слов, начиная с первой фиксации в XIII веке - 2 слова: order -1225- последовательность; (the) contrary -1250- (нечто) противоположное; XIV в.(14 слов): quiet -1300- тишина; unity -1300- единство; accordance -1303- гармония; subjection -1340- подчинение; influence -1374- влияние; contrariety -1380- противоречие; contradiction -1382- противоречие; juncture -1382- соединение; harmony -1384- гармония; opposition -1386- противодействие; opposite -1386- противоположность; reverse -1390- противоположность; relation -1390- отношение, связь; antipode -1398- антипод; XV в.(18 слов): disjunction -1400- разобщение; counterpoise -1430- противовес; collision -1432- столкновение; conflict -1440- конфликт; link -1440- связь; inequality -1484- неравенство; factor -1485- фактор; disagreement -

1495- несогласие; XVI в.(6 слов): *contraposition* -1551- противопоставление; *coherence* -1580- взаимосвязь; *ubiquity* -1576- вездесущность; *medium* -1551- медиум; *correlation* -1561- корреляция; *attraction* -15..- аттракция ; XVII в.(3 слова): *coincidence* -1605- совпадение; *bifurcation* -1615- раздвоенность; *divarication* -1623 - раздвоенность.

Хронологическая оценка новых слов свидетельствует о превалировании XIV-XV вв. по количеству поступлений (22 из 28 слов). Этимологический анализ: исконная лексика - 1 слово (*link*); латинский язык - 27 слов (прямые заимствования -14); через французский язык-посредник - 13 слов.

Лексический состав этой ТГ логически распадается на ЛСГ понятий, связанных с: а) категориями диалектики, выражающими внутренний источник всякого движения, корень жизненности и принцип развития (*contradiction, contrariety, contrary (the), conflict, collision, strife, antipode, reverse, opposite, opposition, inequality, disagreement*; б) определением существования и структурной организации всякой материальной системы, конечной причины всякого существующего (*link, relation, accordance, juncture, harmony, unity, factor, coherence*; в) взаимодействием и взаимовлиянием между собой (*influence, subjection, correlation*).

12. Различие и тождество. ТГ слов, связанная с сравнительной характеристикой объектов на основании признаков единства устойчивости и изменчивости вещей, включает 15 слов, первая фиксация которой приходится на древнеанглийский период: *likeness* -...- схожесть; XIII-XIV вв. (8 слов): *equality* -....- равенство; *resemblance* -....- схожесть; *individual* -....- единичность; *distinction* -....- различие; *difference* -....- отличие; *discrepancy* -....- противоречивость; *changeability* -....- изменчивость; *contradictory* -....- противоречивость; XV в.: *unstability* -1470- изменчивость; *variance* -1497- изменчивость; XVI в.(4 слова): *identity* -1570- идентичность; *universe* -1589- универсум; *model* -1575- модель; *constancy* -1526- постоянство.

С точки зрения этимологии латинские заимствования составляют 14 слов: 3 - прямые заимствования; 11 - через язык-посредник французский, при одной исконной - likeness.

13. Качество и количество. Это ТГ слов, отражающая важные стороны действительности, существенную определенность вещи, однородность частей или предметов, насчитывающая 20 слов различной этимологии и хронологии, составляют эту лексику. XIII в.(2 слова): quality -1290- качество; degree - 1290- степень; XIV в.(13 слов): measure -1300- мера; quantity - 1300- количество; property -1303- качество; value -1303- величина; difference - 1340-различие, отличие; degree -1340- ступень; level -1340- уровень; privation - 1340- отсутствие (качества); perfection -1382- совершенствование; revolution - 1390- революция; magnitude -1398- величина; sign -13..- признак; symptom - 13..- признак; XVв.: superiority -1495- превосходство; XVI в.: gradation -1538- градация; indication -1560- оценка; XVIIв.: class -1656- класс; evolution -1622- эволюция.

К XV веку уже сформировался круг слов качественно-количественного содержания (16 слов из 20). В подавляющем своем большинстве это слова романской этимологии: а) латинизмы - 18 слов, из них 4 - прямые заимствования, через язык-посредник французский - 14 лексических единиц; 1 слово - прямое французское заимствование (measure); одно слово греческое - symptom.

Выделены ЛСГ, выражающие: а) основные понятия данной ТГ (quality, class, quantity, property); б) понятия величины (value, magnatude); в) понятия меры (measure, gradation); г) понятия уровня развития (degree, level, gres); д) понятия скачка и его результата как важнейшего элемента перехода количества в качество (evolution, revolution); е) совершенствование, превосходство (perfection, superiority).

14. Материальность. Данная ТГ насчитывает 10 слов, из которых 3 представлены в древнеанглийском периоде: thing -685- вещь; soul-825- тело;

genesis -1000- генезис; XIV в.(6 слов): creature -1300- создание; nature -1300- природа; element -1386- частица; creation -1397- создание; hyle -1390- материальность; atom -1398- атом; XVI в.: materiality -1529- материальность.

С точки зрения этимологии исконный слой (3 слова) представлен почти наравне с нововведениями из латыни (4 слова) и греческими (3 слова).

Данная ТГ подразделяется на ЛСГ: а) выражающие основные понятия (hyle, matter); б) относящиеся к элементарному строению материи (atom, element); в) связанные с теорией возникновения мира (genesis, creation).

15. Материя. ТГ слов для обозначения объективной реальности, данной человеку в его ощущениях, насчитывает 20 единиц, свое начало эта ТГ берет в древнеанглийский период (3 слова): star -...- звезда; field -...- поле; world -...- мир; XIII в.(3 слова): virgin - 12..- несотворенность; planet -12..- планета; matter -1235 - материя; XIV в.(6 слов): foundation -13..- основа; base -13..- основа; experiment -13..- эксперимент; sensibility -13..- ощущение; substance - 13..- вещество; XV в. (3 слова): relation -14..- отношение; determination -1483- детерминированность; XVI в.(2 слова): basis -1571- базис; substantiality -1545- субстанциальность; XVII в.(5 слов): regularity -1603упорядоченность; ratio - 1636- отношение; substratum -1631- субстрат; system -1619- система; sensation -1615- ощущение.

Хронологически становление ТГ относится к XII-XV вв. (10 слов), однако и в XVI-XVII вв. пополнение этой группы идет интенсивно (10 слов). По этимологии эти лексические единицы делятся на: исконные - 12 единиц, из них прямые - 5, через язык-посредник французский - 8 слов; греческие заимствования, проникшие посредством французского или латинского - 4 слова.

16. Дух. Группа слов, связанных с понятием философии, означавшем невещественное начало, насчитывает 12 слов, из которых 3 слова зафиксированы в древнеанглийский период: ghost -...- дух; wind - 900- дух; will -...- воля; XIII в.: spirit -1225- дух; feeling - 12..- чувство; XIV в.:

immaterial -13..- нематериальное; imagination -13..- воображение; XV в.: original -14..- первоначало; sense -14..- чувство; feel -1461- чувство; XVII в.: theism -1678 - теизм; consciousness -1632- сознание.

С точки зрения этимологии исконных слов насчитывается 5; латинских слов - 4; греческих - 1 слово; с темной этимологией - 1 слово (spirit); образование на английской почве - 1 (consciousness).

Выделяется ЛСГ "различные духовные ценности": ghost, spirit, mind.

17. Единичное, особенное, всеобщее. ТГ, соотносимая с понятиями, относящимися к категориям философии, выражающие различные объективные связи мира и ступени их познания, были представлены еще в древнеанглийский период (4 слова): likenes -.....- схожесть; kind -.....- род, вид; oneness -.....- единичность; whole -.....-всеобщее.

Интенсивное пополнение этой ТГ наблюдается в средние века: исторически поставленные вопросы теологии, проблемы реальности общего и единичного, единого и многого обнаруживали независимо от богословия свое подлинно философское содержание в силу несамостоятельности философской мысли средневековья, что отразилось и на лексике: XIII в.: sort -1250- сорт, вид; XIV в.(10 слов): semblance -1300- подобие; affinity - 1303 - сходство; multitude -1325- множество; singularity -1340- единичность; badge - 1350-символ, признак; plurality -1362- множественность; univergency -1374- универсальность; proportion -1386- соотношение; resemblance -1390- сходство; discretion -13..- дискретность; XV в.(4 слова): duality -1400- двойственность; speciality -1432- особенность; uniformity -1432- однородность; generality - 1482- всеобщность; XVI в.: multiplicity -15..- множественность; totality - 1598- всеобщность; species -1551- особенность; definite - 1530-определенность; dependence -1535- зависимость; XVII в.(6 слов): specific -1631- специфичность; specification -1615- особенность; uniqueness - 1603- ограниченность; unicity -1635- универсальность; independence -1640- самостоятельность; self-dependency -16..- самостоятельность.

В хронологическом плане превалирование нововведений XIV века (10 слов) очевидно. В плане этимологии наибольшее число слов - латинизмы (23 л.е.) при посредничестве французского языка (16 слов). 7 лексических единиц - прямые заимствования из классической латыни; 1 - из французского языка (*semblance*); слово *badge* - с темной этимологией; исконный слой (4 слова): *likeness, kind, whole, oneness*.

Всю лексику ТГ можно сгруппировать вокруг основных понятий категории философии "единичное, особенное, всеобщее": а) единичности (*dingularity, oneness*); б) всеобщности (*generality, universality, whole*); в) сходства (*affinity, semblance, likeness, resemblance*); г) однородности (*uniformity, duality*); д) множественности (*multitude, plurality*), а также передающих названия признаков, символов (*kind, sort, badge*).

18. Абстрактное и конкретное. Группа слов для характеристики различия содержательности, развитости мысли составляет всего 7 единиц, причем пополнение ТГ начинается только в позднее средневековье: XV в.: *reflection* -14..- отражение; *reverberation* -14..- отражение; XVI в.: *abstraction* - 1542- абстрактное; *concretion* -1541- конкретное; *rationality* -1570- рассудочность; XVII в.: *completion* -1657- полнота; *synthesis* -1666- синтез.

Почти все слова данной ТГ романского происхождения, а именно латинизмы, пять прямых заимствований и одно слово перешло в английский язык через язык-посредник французский - *abstraction*, одно греческого происхождения, но заимствовано через латынь - *synthesis*.

19. Возможность и действительность. Лексика, отражающая динамические изменения объективного мира, различные стадии, этапы возникновения и развития предметов, составляет 6 слов. Слова данной ТГ - заимствования, проникшие в английский язык в XIV-XVI вв., в том числе: в XIV в.(4 слова): *possibility* -1374- возможность; *opportunity* -1374- возможность; *impossibility* -1387- невозможность; *actuality* -1398- реальность;

XVI в.(2 слова): reality -1550- реальность; substantiality - 1545- реальность (субстанциальность).

Вся лексика по этимологии восходит к романской и оформляет понятия:
а) возможности/невозможности (opportunity, possibility, impossibility); б) реальности (actuality, reality).

20. Конечное и бесконечное. Состав ТГ слов, выражающих неразрывно связанные между собой противоположные стороны объективного мира, состоит из 11 лексических единиц классического происхождения (латынь), вошедших в английский язык в основном в XIV-XVII вв.: infinity-1374- бесконечность; limit -1375- предел; measure-13.-мера; border-13-граница; bounds -13.- граница; confines -13.-граница; immensity - 1450- необъятность, безмерность; finity -1493- конечное; progress -14.- развитие; infinite -15.- бесконечное; multiplicity -1587- многообразие; boundary -1626- предел, граница.

Шесть слов были заимствованы языком из французского как языка-посредника : limit, immensity, infinity, boder, confines.

Вся лексика концентрируется вокруг понятий : а) бесконечности (infinity, immensity); б) предела (limit, boundes, confines).

21. Причина и следствие. ТГ слов, связанных с философской категорией, обозначающей необходимую генетическую связь явлений, из которых одно обуславливает другое, насчитывает 22 единицы. Формирование ТГ начинается в древнеанглийский период - 1 слово: tie-...- связь; XII в. (2 слова): cause-1225 - причина; reason-1225 - причина; XIV век - наиболее продуктивен в смысле обогащения английского лексикона этой ТГ (10 слов): motive -1362мотив; issue-1374 -исход; consedent -1385- преемственность; succesiion -1386- - результат; effect -13.- эффект; foundation -13.. - основание; cooperation -13.- взаимодействие; condition -13.- условие; term -13.- условие; clause -13.- условие. XV в.(2 слова): consequence -1400- результат; incident -1423- случайность. XVI в.(4 слова): agent -1579агент;

concurrence -1525- совпадение; inconsequence -1588- непоследовательность; dependence -1535- зависимость. На XIV век приходится пик проникновения слов в состав данной ТГ. Вклад романских языков - II слов из 22: два прямых заимствования из французского языка - incidence, dependence.

Выделяются ЛСГ, связанные с : а) выражением причинности (cause, ground, reason, foundation); б) мотива действия (motive); в) понятия следствия (consequence, consequent, effect, issue); г) условия (condition, clause).

22. Сознание. Группа слов для обозначения одного из основных понятий философии, связанной с высшим уровнем психической активности человека как социального существа, включает 20 слов.

Хронологическая шкала поступлений выглядит следующим образом: древнеанглийский период - 3 слова : thought -...- мысль; knowledge -....- знание; brain -....- мозг. XII в.: aim -12..цель, установка; purpose -12..- установка. XIV в.: communication -13..- связь. XV в.: practice -1494- практика; intercourse -1467общение; insight -1491- инсайт; reflection -14..- отражение; representation -14..- представление; formation -1450- образование. XVI в.: notion -1507- представление; idea -1531- идея; intercommunication - 1586- общение; control -1590- контроль. XVII в: ideal -1611- идеальное; subconsciousness -1690- самосознание; contact -1626- контакт, общение. С точки зрения этимологии исконный слой составляет 5 слов; латинские поступления - 13 единиц, из них прямые - 3 слова; а через французский язык- посредник - 10 слов; один грецизм, но проникший через латинский язык (idea); одно слово; (purpose) англо-французского и одно - англо-латинского (intercommunication) происхождения.

23. Рациональное познание. ТГ насчитывает 28 единиц. В древнеанглийский период зафиксировано 4 слова: thought -839мысль; belief - 1175- вера; mind -....- разум, ум; knowledge -....-знание. XIII в.: cogitation - 1205- обдумывание. XIV в.(16 слов): conception -1300- восприятие; mention - 1300- рассматривание; fantasy -1325- воображение; intellect -1326- рассудок,

ум; imagination -1340- воображение; motive -1362- побуждение; memory -1340- память; speculation -1374- размышление; doctrine -1382-доктрина; communication -1382- передача(мысли); reflective -1384- отражение; information -1390- информация; recapitulation -1388- вывод; intelligence -1390- ум, интеллект; remembrance -1390- память; catalepsy -1398- каталепсия. XV в. (4 слова): impression -1402- представление; cognition -1475- познание; assertion -1449- утверждение; perception -1475- восприятие. XVI в.(3 слова): concept -1556- концепция; reflex -1508- отражение; reminiscence -1589- воспоминание, память.

С точки зрения этимологии вклад языков-источников выглядит следующим образом: латинский- 23 слова (из них 5 прямых заимствований), греческий- 2 слова (catalepsy, fantasy) французский - 3 слова (motive, mind, reminiscence).

Слова данной ТГ образуют ЛСГ: а) понятий интеллекта: intellect, intelligence; б) его различных форм: memory, fantasy; в) деятельности интеллекта: speculation, conception, communication; г) причин и их результатов: motive, recapitulation.

24. Чувственное познание. Эта ТГ включает 6 слов, впервые зафиксированных в XIII-XV вв.: image-1225-образ, подобие; sentiment-1374- чувство; sensibility-чувствительность; восприимчивость; apprehension-1398- оценка, правильное понимание; sense-1420-чувство, восприятие.

С точки зрения этимологии все поступления приходятся на латинский язык, из которых 2-прямые заимствования (sensibility, apprehension), а остальные попали в английский язык через французский: appreciation, sentiment, sense, image.

25. Истинность познания. Данная группа слов, связанная с объективным, правильным отражением действительности в мысли, включает 25 единиц, оформление ядра которой начинается еще в древнеанглийский период: truht -893- правда; untruth -893- ложь; canon -....- канон. XIII в.: proof -

1225- доказательность. XIV-XV вв. (11 слов): error -1300- ошибка; evidence - 1300- факт, доказательство; falsity - 1300- ложность; illusion -1388- иллюзия; experience -1377- опыт; perversion -1388- fallacy -1481ошибка; axiom - 1485- аксиома; refusal -1474- отказ. XVI в.: repudation -1485- отрицание; refutation - 1548- опровержение; confutation -1526- опровержение; fact -1543- факт; modality -1545модальность; denial -1528- отказ; negation -1579- отказ; rejection -1552- отказ. XVII в.: consciousness -16..- сознание; realization -16..- реализация.

Вклад классических языков составил 21 слово из 25, при 19 заимствованных из латыни, из которых 12 лексических единиц - прямые заимствования, а 7 слов проникли через французский язык. Два гречизма (canon, axiom); исконной слой составляет 2 лексические единицы - truth, untruth.

Лексика данной ТГ служит, как видно из отбора, для обозначения: а) опыта (experience) как одного из важнейших элементов, доказывающих истинность познания; б) процесса познания истины (recognition); в) доказательства истины (evidence, fact) и г) истину, не требующую доказательств (axiom).

26. Социология. ТГ, связанная с закономерности развития и функционирования социальных систем, явлений и попытками сформулировать основные закономерности социального поведения людей, составляет 39 слов.

В древнеанглийский период для своеобразного объяснения и лингвистического выражения понятий общественной жизни и тенденции исторического развития использовались слова (5 слов): speech-725-речь; town-725-город; law-1000-закон; war-1554-война; poverty-1175-бедность. XIII в.(7 слов): skill-1200-навык; art-1225 - искусство; state -1225- государство; person -1225- личность; tribe-1250-племя; commonalty-1290-простой народ; people-1292-народ. XIV в.(16 слов): common-1300-простолудин; mankind-

1300-человечество; commoner-1325-житель; commons-1330-низшие слои (общества); labour-1300-труд; concorde-1300-согласие; договор; nation-1300-племя; property-1303-собственность; fraternity-13..братство, союз; sovereignty-1340-суверенитет; community-1375-общество; personality-1380-личность; policy-1386-политика; village-1386-деревья; history-1390-история; authority-1397-авторитет; XV в.(9 слов): equality-1400-равенство; family-1400-семья; view-1415-точка зрения; culture-1420-культура; reformation-1425реформация; progress-1432-прогресс; organization-1432-организация; government-1483-правительство; conventi- on-1490-конвенция; XVI в.: vulgarity-1579-парад; association-1535-ассоциация.

Хронологическая шкала пополнения этой ТГ выглядит следующим образом: древнеанглийский период - 5 слов; XIII в. - 7 слов; XIV в. - 16 слов; XV в. - 9 слов; XVI в. - 2 слова.

Этимологический состав свидетельствует о преобладании латинизмов (29), из которых 9 - прямые заимствования, остальные проникли через французский язык-посредник; прямые французские заимствования - 3 слова (sovereignty, view, government); один грецизм (history); исконный слой (6): speech, town, war, law, skill, mankind.

Целесообразно выделить здесь ЛСГ в соответствии с социологическими подразделами на:

1) человек как совокупность общественных отношений (person, personality, authority); 2) социальные группы (common, commons, commoner, commonslty), 3) ячейки общества (family, tribe); 4) в широком смысле (mankind, people); 5) социальные формы общественного расслоения (town, village); 6) структуры общественной жизни (convention, organization, association, concorde, fraternity, community); 7) формы общественного познания (law, equality, history); 8) социальные явления (culture, art, notion); 9) тенденции исторического развития (progress, reformation); 10) государственного управления (government, policy, sovereignty, state, power); 11)

источник существования и его результат, система имущественных отношений (labour, property).

27. Общие свойства человеческого характера. Данная ТГ включает 104 слова различной этимологии и хронологической последовательности, формирование которой фиксируется с древнеанглийского периода. Внутри данной ТГ можно выделить 2 ЛСГ: 1) положительные свойства человеческого характера; и 2) отрицательные свойства человеческого характера.

1. Положительные свойства человеческого характера: формирование лексики данной группы начинается в древнеанглийский период: creed-1000-доверие; credo-1175-кредо; XIII в. (10 слов): charity-1800-милосердие; trust-1200-доверие; mensk-1205-человечность; courtesy-1225-вежливость; devotion-1225-жалость; virtue - 1230-добродетель; duty-1297-долг; mercy-12...-сострадание; XIV в. (20 слов): courage-1300-смелость; feat-13...-подвиг; honesty-1330-трудолюбие; discretion-1340-осмотрительность; justice-1340-справедливость; lastingness-1340-постоянство; magnanimity-1340-великодушие; prudence-1340-благоразумие; indulgence-1362-терпимость; delicacy-1374-чуткость; simplicity-1374-простота; durability-1374 -постоянство; ability-1360-способность; satisfaction-1380-удовлетворение; civility-1382-вежливость; faculty-1382-способность; humanity -1382-человечность; respect -1395-уважение. XV в. (15 слов): loyalty -1400-лояльность; temperament -1412-темперамент; tolerance-1412-терпимость; credulity-1430-доверчивость; justice -1430-справедливость; audacity-1432-смелость; permanence -1432-постоянство; rectitude-1432-честность; example-1440-пример; esteem-1450-уважение; integrity-1450-честность; sociability -1475-общительность; industry -1474-трудолюбие; capacity -1481-способность; fidelity -1494-преданность. XVI в. (12 слов): gravity -1509-серьезность; decorum -1568-воспитанность; decency -1567-приличие; modesty -1531-скромность; probity-1514-честность; timidity -1598-робость; affectation -1548-аффектация;

constancy -1526- постоянство; clemency -1553- милосердие; снисходительность; spuereragation -1526- превышение требований долга; credibility -1594-правдоподобие; abberration -1594- отклонение (от моральных устоев).

Таким образом, эта ЛСГ насчитывается 59 слов, из которых 52 - латинские, в том числе прямые заимствования - 20 лексических единиц; через язык-посредник французский - 32 слова; одно итальянского слово заимствования из французского языка - loyalty, duty; скандинавские - 2 слова (trust, mensk); гибридные образования - два слова (justness, lastingness).

Хронологическая шкала: О.Е.-2 л.е.; XIII в.-10 л.е.; XIV в.-20 л.е.; XV в.-15 л.е.; XVI в.-12 л.е.

2. Отрицательные свойства человеческого характера. В данной группе насчитывается 44 слова, формирование тематики которой также начинается в древнеанглийский период (8 слов): shame-725-стыд; fright-825-боязнь; hate-835-ненависть; lie-900- ложь; guilty-971-вина; untruth-893-неправда, ложь; fear-1000-страх; hatred-1175-ненависть. XIII в. (7 слов): cruelty -12..- жестокость; hypocrisy-1225-лицемерие; treason-1225-измена; vanity-1230-тщеславие; counterfeit-1290-притворство; vice -1293порок; falsehood-1294-ложь, обман. XIV в. (14 слов): envy -1300зависть; covardice-1300-малодушие; malice-1300-злоба, злость; fault-1300-ошибка; falsity-1330-лживость; ambition-1340-амбиция; injustice-1340-несправедливость; simulation-1340-притворство; conceit-1374-зазнайство; crime-1382-злодеяние; dissimulation-1386-лицемерие; perversion-1388-искажение, извращение; fickleness -1397- непостоянство; falseness -13..- лживость. XV в. (7 слов): disobedience-1400-непослушание; defect-1420-порок; instability-1422-непостоянство; pretence-1425-притворство; deception -1430- жульничество; cupidity -1436- корыстолюбие; defestation-1432ненависть. XVI в.(8 слов): deceitfulness -1509- обман; mercifulness -1529-безжалостность; hardheartedness-1583-бессердечность; falsery-1594-лживость;

falsification-1565-искажение; inconstancy-1526-непостоянство; levity-1564-легкомыслие; atrocity -1534жестокость.

Хронологическое пополнение этой ЛСГ выглядит следующим образом: О.Е.-8 л.е.; XIII в.-7 л.е.; XIV в.-14 л.е.; XV в.-7 л.е.; XVI в.-8 л.е.

С точки зрения этимологии латинские заимствования составляют 26 единиц, в том числе прямых - 6 слов, через язык-посредник французский - 20 слов; прямых французских заимствований - 3 (counterfeit, conceit, covordice); один грецизм - hycpocpysy; исконной слой составляет 8 слов (lie, fright, fear, shame, guilt, hate, hatred); гибридных образований - 6 л.е.: falseness, deceitfulness, fickleness, mercifulness, hardbeartedness, falsehood.

28. Общие этические понятия. Понятие "этика" всегда имело особое значение в жизни разных народов. Однако исключительно важную роль сыграло новое понимание этики в эпоху Возрождения. Именно такой подход к этике и стал одним из решающих фактов революционного преобразования сознания людей на этапе перехода общества от средневековья к новому времени.

Учитывая это, мы выделили анализ понятий этики в самостоятельную главу. Здесь мы упоминаем лишь общие этические понятия для того, чтобы сохранить целостность системы ТГ слов философского значения.

Эта ТГ включает 38 слов различной этимологии и хронологии; ее фиксирование начинается в древнеанглийский период (6 слов): pride-1000-гордость; feeling-1175-чувство; evil-950- зло; wrath -950-ярость; good-1000-добро; wrong-1000-ложь; friendship-1000дружба; XIII в. (6 слов): jealousy - 1225- ревность; habit -1225привычка; conscience -1225- совесть; honour -1200-честь; custom -1200- привычка; religion -1200- религия; XIV в. (15 слов): perplexity-1300-замешательство; repentance-13..-раскаяние; inspiration-1303-вдохновение; humility-1315-смирение; character-13..-характер; offence-1374-грех; benefit-1374-благо; moral-нрав; tradition-1380-традиция; principle-1380-принцип; zeal-1382-ревность; felicity-1386-счастье; humbleness-1388-

смирение; morality -1386- нравственность; nobility -1398- благородство; XV в. (8 слов): carnality-1400-чувственность; tumult-1412-смятение (чувств); transgression-1426-проступок; incentive-1432-побуждение; distraction -1450- рассеянность; generosity-1482-благородство; fatality-1490-фатальность; fidelity-1496-преданность. XVI в.(2 слова): emotion -1579- эмоция; nonplus - 1582-замешательство.

Хронологическая шкала поступлений: О.Е.-7 л.е.; XIII в.-6 л.е.; XIV в.-15 л.е.; XV в.-8 л.е.; XVI в.-2 л.е. Этимологически вся эта лексика распадается на : латинские заимствования - 28 слов, включая прямых заимствований - 12 слов, через язык-посредник французский - 16 слов; один грецизм (zeal); два слова французского происхождения (jealousy, repentance); одна лексическая единица скандинавского происхождения - wrong; одно гибридное слово - humbleness; исконные слова (6): wrath, pride, feeling, good, friendship, evil.

29. Свойства человеческого интеллекта. В этой ТГ насчитывается 23 лексические единицы, ее формирование которого начинается с XIII века (2 слова): insight-1200-проницательность; dignity-1225-достоинство; XIV в. (9 слов): merit -1300-достоинство; revelation-1303-откровение; chastity-1305-чистота, скромность; purity -1340- чистота (души); curiosity-1380-любопытность; reputation-1380-репутация; innocency-1387-чистота; creation-1393-творчество; providence-13..- предусмотрительность; XV в. (5 слов): moderation -1432- умеренность; parsimony -1432- бережливость; importunity-1460-назойливость; perspicuity -1477- ясность, понятность; conviction -1491- убежденность. XVI в. (7слов): tenacity-1526-цепкость; acumen-1531- проницательность; sincerity-1546-искренность; perspicacity-1548- проницательность; obduracy-1597-упрямство; persistency-1597-настойчивость.

Хронологическая шкала поступлений: XIII в.-2 л.е.; XIV в.9 л.е.; XVI в.-7 л.е. По этимологии своей лексика этой ТГ состоит из: а) латинизмов -22

слова, из прямых заимствования - 1 слово, а через язык-посредник французский - 10 слов; исконный слой представлен одним словом.

30. Виды человеческих отношений. Данная ТГ состоит из 51 лексической единицы различной этимологии и дат первой фиксации в английском языке. Формирование е± начинается еще в древнеанглийский период (6 слов): deed-825-дело; sin-825-проступок, грех; love-900-любовь; unbelief -1160- неверие; belief -1175- вера; passion -1175- увлечение, страсть. XIII в. (12 слов): upbraiding -1205-укоризна; temptation -1275-искушение; treachery-1225- измена; trust-1225-доверие; affection -1230- привязанность; blame -1270- осуждение; punishment -1292-наказание; obligation -1297-обязанность; XIV в.(17 слов): claim-1300-требования; faith-1300-доверие; request-13...-просьба; reproach-13...-порицание; arrogance-1303-высокомерие; thrift -1305-бережливость; action-1330-действие; compassion-1340-сострадание; intention-1340-намерение; abusion-1374-оформление; disposition-1374-расположение; estimation -1374- оценка; reprehension -1374-порицание; act-1384-акт; effect-1385-эффект, действие; benevolence-1384-расположенность; concupescence-1390-желание. XV в. (10 слов): endeavour -1417-усилие; reproach-1420-порицание; incredulity-1430-недоверие; rebuke-1430-упрек; leaning-1440-склонность; interest -1450-интерес; compulsion-1462-принуждение; disloyalty-1481-нелояльность; inclination-1487-склонность; misdemeanour-1487-(дурное) поведение. XVI в.(6 слов): penalty-1512-наказание; propension -1530- склонность; proclivity-1591-наклонность; animadversion -1599-порицание.

Хронологическая шкала: О.Е.- 6 л.е.; XIII в.-12 л.е.; XIV в.-17 л.е.; XV в.-10 л.е.; XVI в.-6 л.е.

С точки зрения этимологии слова ТГ распадаются на: латинские - 27 слов, из них прямые заимствования - 7; через язык-посредник французский - 19 лексических единиц. Прямые заимствования из французского языка - 14

слов; скандинавские - 2 единицы: *trust, thrift*; исконный слой - 8 лексических единиц: *sin, love, belief, unbelief, upbraiding, deed, husbandry, leaning*.

Подводя итоги этой части нашего исследования, следует сказать, что крупнейшие географические открытия, научный и технический прогресс, расширение рамок *orbis terrarum* вызвали необходимость подчинить философскую мысль практике, поэтому рождаются целые группировки слов, которые соответственно установившейся общественной практике и утверждению тематических рядов категорий, отражают предметный мир. Мироззренческая борьба определила и характер литературы и языка XIV-XVII вв., которые стали отражением этой борьбы.

Основным источником формирования ТГ философской лексики в стадии их становления в английском языке стала латынь, поэтому основу ее словарной базы составляют латинизмы, а не исконный элемент. В исследуемый период увеличивается число и обогащается содержание основных научных категорий, система которых все более приближается к полному и всестороннему отражению объективного мира.

Выделено 30 тематических групп (ТГ) лексики философского характера со значениями: реальное и потенциальное бытие, материя, дух, различие и тождество, часть и целое, сознание, пространство, время, свобода и необходимость, сущность и явление, необходимость и случайность, метод, метод познания, практика, форма и содержание, движение, взаимосвязь и противоположность, качество и количество, материальность; единичное, особенное и всеобщее; возможность и действительность, конечное и бесконечное, причина и следствие, рациональное познание, чувственное познание, группа терминов социального характера, общие этические понятия, свойства человеческого характера, свойства человеческого интеллекта, виды человеческого отношения. Как отмечалось выше, общий корпус слов философского лексикона составил 1439 единиц. Фундамент

лексики английской философии закладывается еще в древнеанглийский период, когда зафиксированы 15 групп из общего числа 30.

С точки зрения хронологии слова этих ТГ вошли в язык в основном еще в древнеанглийский период, но особо их интенсивное пополнение относится к XIV-XV вв., с наивысшей точкой в XIV веке, когда в основном оформляется ядро английской философской лексики. С точки зрения этимологии наибольшее количество поступлений приходится на лексику романского происхождения: латынь - 533 слова из 1439, то есть 37%, в том числе прямых заимствований - 224 слова; проникших через язык-посредник - французский - 329 единиц.

Именно на XV-XVII вв. приходится появление важнейших терминов английской философии с точки зрения их семантико-функциональной задачи и социальной ценности. Вклад других языков в исследуемую лексику невелик. Лексические единицы гибридного характера не являются преобладающей чертой изучаемого материала.

Для периода становления (XIV-XV вв.) и обогащения (XVI-XVII вв.) философской лексики пополнение тематических рядов романизмами и в особенности латинизмами обусловлено тем, что, во-первых, этот исторический промежуток был началом систематического изложения на английском языке первых научных трудов, нового философского мышления, а, следовательно, и началом формирования на английской почве семантического ядра современной английской философской терминологии.

Интенсивное пополнение словарного состава английского языка в этот период вызывалось еще и необходимостью обозначения большого количества новых, ранее не существовавших явлений, понятий, предметов. Эта необходимость также приводит к активизации всех возможностей обогащения словаря по части философски нацеленной лексики. Особенно это относится к заимствованиям из классических языков, т.к. особого введения и

популяризации требовала именно эти слова, по своей семантике наиболее полноценно отражавшие понятия абстрактного значения, т.е. философские.

Изученный корпус слов показывает силу и разносторонний характер влияния заимствований на основные сферы философской науки того времени, на словарный состав английского языка. Это также свидетельствует о традиционной восприимчивости национального литературного языка как средства пополнения и одного из основных источников формирования понятийной лексики. Многочисленность латинизмов в сфере этики непосредственно характеризует специфические черты нового гуманистического мировоззрения интеллигенции, возросшая социальная формализация которой обозначилась в XVI веке. В целом же, формирование английской философской терминологии отражает высокую степень развития гуманитарных дисциплин в Англии периода формирования и становления нации.

Периоды интенсивного роста английской философской терминологии были тесно и неразрывно связаны со становлением письменного английского литературного языка на фоне широкой картины изменения представлений и знаний людей о мире, о Вселенной, о человеке, о его сущности и призвании в этом мире под влиянием Великих открытий XIV-XVII веков. Вместе с тем, это свидетельствует и о том, что эти века открыли новый мир, в том числе понятий, но одновременно они представляли собой предложение мыслительной цели человечества. Нуждаясь в новых понятиях и словах, люди не могли не обращаться к латыни, как лучшему достижению в осмыслении мира в Довозрожденческий период, а схоластика и формальная логика должны были быть восприняты с благодарностью как лучшие образцы выражения мыслей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР ЭТИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕЁ ПОНЯТИЙНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Этика позднего Возрождения: место в истории и философии

Этика, как и всякое другое общественно-гуманитарное философское явление, имеет исторический характер. Это одна из древнейших теоретических дисциплин, возникшая как часть философии в период становления рабовладельческого общества. Вопросы этики стояли в центре внимания общества со времен появления homo sapiens. Более того, именно появление этических форм взаимоотношений между индивидами и дает нам одно из оснований для выделения такой историко-социологической категории как человек разумный, констатировать его переход из первобытного состояния в более развитое¹.

Проблемы этики как науки и формы общественного бытия, несомненно, рассматривались на всех этапах человеческой цивилизации. Однако, каждый раз и в каждой стране толкование этических понятий и норм (а значит и терминов) носило конкретно - исторический и национальный характер. Другими словами, те нормы и поступки, которые считались этичными в Древней Месопотамии, могли быть не приняты в Древней Индии, а очень специфичную этику Древнего Китая вряд ли могли понять жители

¹ Асмус В.Ф. Античная философия. - М.: Высш. школа, 1976; Античная культура и современная наука. - М.: Наука, 1985; Джураев Р.З. Политическая философия Абу Насра ал-Фараби: Дис. ... канд. филос. наук. - Душанбе, 2004; Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. - М.: Правда, 1990; Культурное наследие Востока. - Л.: Наука, 1985; Петелина М.В. Мир как театр в Ренессансной философии: Дис. ... канд. филос. наук. - СПб., 2004; Серёдкина Е.В. Современное конфуцианство и Западно-европейская философия в их диалогичности: опыт философски-компаративистского анализа: Дис. ... канд. филос. наук. - Пермь, 2005; Хефийан М.Т. Суфийская философия Ибн Араби (единство гносеологии, этики и онтологии): Дис. ... канд. филос. наук.-М., 2004; Янги ва энг янги давр Фарбий Европа фалсафаси. - Т.: Шарк, 2002; Қадимги ва ўрта аср Фарбий Европа фалсафаси. - Т.: Шарк, 2003; Жахон фалсафаси тарихидан лавхалар. - Т.: Ўзбекистон, 2004; Фарб фалсафаси. - Т.: Шарк, 2004; Bennet J. V. Locke, Berkeley, Hume. Central themes. - Oxford, 1971; Grant V. The Evolutionary process. N.-Y., 1985; Watt W.M. A History of Islamic Spain-Edinburgh. 1978; Wersicker A. The Muslim Creed: Its Genesis and Historical Development.- Cambridge, 1985.

Древнего Египта. Учитывая задачи нашей диссертации, мы не будем задерживаться на этом и перейдем к краткому разбору этики античности и средневековья, чтобы на этом фоне понять особую роль этики в науке и практике более поздних эпох и прежде всего Возрождения и Нового времени¹.

Известно, что этика является наукой, изучающей мораль и нравственность как выражения общественного сознания и форм общественного поведения. Мораль и нравственность являются важнейшими, принципиальными особенностями существования человеческого общества. Этика, как и ряд других наук, пережила в своей многовековой истории ряд парадоксов.

Первой философской наукой была физика, т. е. изучение природы в форме философских рассуждений. Основоположником самостоятельного этического направления в философии стал Сократ. Но характерно для жизни терминов, что само слово "этика" для обозначения данного направления общественной мысли, он не использовал, это было сделано позже. В качестве особой науки этику выделил Аристотель, для чего достаточно вспомнить такие его труды, как "Никомахова этика", "Большая этика"². Однако практически до Возрождения этика как самостоятельная наука не существовала³, т.е. она не имела собственного систематизированного,

¹ Античность в культуре Возрождения. -М.,1984; Шефстбери. Эстетические опыты. -М.,1975; Долина В.Г. Проблема обоснования морали в философии (Концепции британских моралистов XVIII века А. Шефстбери, Ф. Хатчесон, Д. Юм): Дис. ... канд. филос. наук. –Калининград, 2003; Муровьева М.Е. Трансформация гуманисти-ческих идеалов свободы и социальной справедливости в истории философской мысли: Дис. ... канд. филос. наук. –Смоленск, 2005; Фомина Д.В. Власть и гост-во в философии Ибн- Хальдуна: Дис. ... канд. филос. наук. –М., 2003; Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII вв. -М.,1978; Мир философии. Книга для чтения. В 2-х ч. – М.: Политиздат, 1991; Brown P. The Cult of the Saints. Chicago,1981; Clanchy N.T. From memory to written record. England,1066-1307.Cambridge,Mass.,1979; Erickson C. The medieval vision: Essays in History and Perception. N.-Y., 1978; International Journal of Central Asian Studies.Vol.8,Seoul-Tashkent, 2003; XXIst World Congress of Philosophy. Abstracts. – Istanbul, Turkey, 2003.

² Термин "этика" (от греч. Ethika < ethos "обычай") был введен Аристотелем для обозначения учения о нравственности.

³ Овсянников М. Ф. Эстетика в прошлом, настоящем и будущем. - М.: Наука, 1988; Художественный мир Средневековья. – М.: Наука, 1982; Культура Возрождения и общество. – М.: Наука, 1986; Мир философии. Ч.2. – М., 1991; Koraly Kokai. Around Justice // XXst World Philosophy Congress. Abstracts. – Istanbul, 2003; Mc Dowell. Meaning, knowledge and reality. – Cambridge-London, 1998.

упорядоченного научного слова и понятийно-терминологического аппарата. Для Аристотеля этика была наукой, промежуточной между психологией и политикой. Он считал, что этика лечит душу человека и служит политике, а главной целью политики является создание демократического общества. Выделение этики, как и вообще развитие философии, осуществлялось постепенно. Древние греки производили деление философии обычно на три части, но каждая школа делала это по-своему. Одни выделяли физику, диалектику и логику, другие физику, диалектику и риторику и т. д. Этику, вместе с физикой и логикой, впервые выделили стоики. Такое деление, сосуществуя наряду с другими, уже не исчезло (подобных исчезновений в истории было немало), а постепенно развивалось. Оно было характерно и для средневековых мыслителей, дойдя таким образом до Возрождения и Нового времени (Абеляр, Чосер, Фома Аквинский, Т. Мор, Фр. Бэкон, Гоббс, Локк, Спиноза, Шефтсбери, Хатчесон, Юм, Гельвеций, Эдм. Спенсер и др). То же можно проследить и в концепции восточных мыслителей исламской культурной ориентации, т.е. в философии восточного перипатетизма (IX-XIII вв) в лице ал-Кинди, Ибн-Рушда, Ибн Туфейля, Беруни, Ибн Сина, Фараби, Яссави, Гиждувани, Накшбанди и др.

В целом для античности и средневековья этика была составной частью философии, она была слита с ними воедино. Этика фактически была конкретной, практической наукой, главная задача которой заключалась в телесной и психической гигиене жизни. В антично-средневековой этике тесно переплетались натуралистическое и нравственное направления, причем преобладало поначалу первое. Таким образом, достаточно узкое понимание сущности, цели и задач этики как науки о природе человека, о причинах и формах его действий¹, существовало очень долго, до позднего Возрождения

¹ Только с конца XVII - нач. XVIII в. этика завоёвывает статус самостоятельной науки, но в рамках философского знания; при этом вычлняются основные её понятия, определяются важнейшие категории (См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Наука, 1984. -С. 5-43; Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. – М.: Наука, 1984, С. 8-10; Мир философии. Ч.2. – М., 1991. -С. 56-126.

и Нового времени. Даже у Спинозы, который написал специальный труд - "Этика" - данная наука фактически отождествлялась с натурфилософией. Этика должна была давать человеку советы по поводу того, как правильно жить, в том числе в зависимости от божественных установлений, и это была главная особенность Довозрожденческой этики.

В средневековье господствовала такая традиция, когда все было подчинено теологии, а философия была признана ее служанкой. Церковь, бог, священное писание заранее предопределяли решение любых проблем, в том числе о месте и роли человека в этой жизни. На таких же путях решались и вопросы морали, нравственности, человеческих ценностей и т. д. Однако все эти века, то тайно, то явно, шла упорная борьба свободной мысли с теологическими предрассудками. Многие философы средневековья (Августин Блаженный, Фома Аквинский и др.) высоко ценили свободу человеческого разума. Развитие этической мысли у восточных и европейских философов в средние века постепенно привело к перевороту в понимании этики в последующие периоды - в Возрождение и Новое время. В истории английской философии это связано с именами Дунса Скотта, Т. Мора, Ф. Бэкона, Томаса Гоббса, Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, Б. Спинозы, Шефтсбери, а также У. Шекспира, Дж. Донна, Б. Джонсона, Дж. Путтенгема и др.

Надо подчеркнуть, что данный переворот не был переворотом только в этике, он был переворотом во всей науке и общественной практике. Наука не могла бесконечно находиться в узких тисках религиозного мышления, это противоречило самой природе науки как специфической сферы мысли, как объективной форме отражения жизни. Переворот начался с открытия Коперника, который разрушил геоцентрическую картину мира и создал гелиоцентрическую. У бога было отнято право верховного судьи, планета Земля оказалась неизмеримо меньше Солнца, более того - вращающейся вокруг него. Второй круг нового естественнонаучного мышления замкнулся

на самом человеке, философия стала антропоцентрической. Коперниканская революция оказала громадное влияние на весь исторический процесс формирования светского, буржуазного в тех исторических условиях, мировоззрения, способствовавшего секуляризации социальных воззрений утверждавшегося нового общества, становлению натуралистического, исторически прогрессивного в тех социальных условиях понимания общественной жизни и морали.¹ Новая наука, развитая последователями Коперника, давала человеку возможность реализовывать свои возможности. Исключительно важен тот факт, что наука помогала раскрепоститься этике, а этика - науке. Шел процесс обоюдного плодотворного влияния и взаимоподдержки в борьбе с мощной соперницей - теологией.

Коперниковским переворотом наука впервые оспорила у теологии ее право монополюльно определять формирование мировоззрения. Именно это стало первым актом в процессе проникновения научного знания и научного мышления в структуру деятельности, человека и общества. Все это имело самые непосредственные выходы на самостоятельность человека, но уже в свете новых этических норм. Коротко и емко эту мысль можно выразить в следующей форме - если раньше было безнравственно критиковать бога, то теперь стало безнравственно унижать человека². Возьмем, к примеру, Томаса Мора. Основной идеей его "Утопии" является именно этика. Соответственно, определение счастья как цели человеческого существования является центральной философской проблемы "Утопии". Иной философии, кроме этической, Мор не знает и не признает³. Человек живет для того, чтобы быть счастливым - таково его кредо. Мор понимает природу как мастерскую, а бога - как зодчего в ней. Следовательно, считает он, человек может и должен

¹ Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского процесса. – М.: Наука, 1983. –С. 28; Петелина М.В. Мир как театр в Ренессансной философии: Дис. ... канд. филос. наук. –СПб., 2004. –С.28-30.

² Проблема человека, его сущности и существования в материальном и духовном, нравственном аспектах, его развития и предназначения, его будущего – это, пожалуй, самая центральная из всех, которые когда-либо волновали человечество на протяжении тысячелетий его эволюции. (См. об этом:Фролов И.Т. Перспективы человека. -М.: Политиздат, 1979.-С. 8).

³ Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения-М.: Высш. школа, 1980.- С.137.

познавать эту мастерскую и существующие в ней творения, самым прекрасным из которых является он сам. Такой подход в корне противоречил средневековым этическим постулатам, не считающим человека за что-либо равное природе, а тем более богу.

Определение того, что есть счастье и каковы цели человека, является важной задачей любого этического учения. В зависимости от того, как решаются проблемы происхождения и содержания морали, как она соотносится с повседневной деятельностью человека, в этике можно выделить два направления - гедонистически-демонистическое и ригористическое¹. В первом направлении принято считать, что мораль вытекает из естественной природы человека, его потребностей. Этому противостоит второе понимание этики, характерное для древних стоиков, восточных религий и средневековья. Ригористы отрицают саму возможность исходить в этике из естественных потребностей человека и считают мораль нечто извне заданным человеку, заранее predetermined, идущим от бога. Разумеется, в эпоху позднего Возрождения и Нового времени возобладала первая точка зрения, хотя и не в чистом виде. Т. Мор считал нелепым искать суровую и недоступную добродетель, исключать для себя радость жизни и добровольно переносить страдания, от которых нет никакой пользы. Для мыслителей Возрождения, а затем и Нового времени этика стала учением о разумной, счастливой и полнокровной жизни. Такая теория выдвигалась в противовес аскетизму² - важнейшему проявлению средневековой этики. Известно, что аскетизм проповедовал добровольную изоляцию от земных радостей и благ во имя загробной жизни, жесткий контроль чувственных

¹ Гедонизм (греч. Hedone “наслаждение”) – широко применявшийся в истории этической мысли способ обоснования морали и истолкования её природы и целей. В Древней Греции одними из первых философов, проводившие принципы гедонизма в этике были Демокрит и Аристипп, а также Эпикур и Лукреций. Ригоризм (лат. Rigor “строгость”) – разновидность формализма в морали; моральный принцип, характеризующий способ выполнения требований нравственности, заключающейся в строгом и неуклонном соблюдении определенных нравственных норм безотносительно к конкретным обстоятельствам, в безусловном повиновении долгу.

² Аскетизм (греч. askev “упражняться”) – моральный принцип, предписывающий людям самоотречение, отказ от мирских благ и наслаждений, подавление чувственных стремлений ради достижения к.-л. специальных целей или нравственного самосохранения.

влечений и желаний. Главной его целью было ограничение человека от удовольствий.

Хотя в английской философской, социально-политической и художественной литературе XIV-XVII веков понятия и термины этики встречаются довольно часто, тем не менее, это не значит, что мыслители страны четко осознали место этики в общей системе наук и исследовали ее в качестве самостоятельного направления¹. В рассматриваемые нами века шел активный процесс обособления основных определений и категорий этики. Первично этика как самостоятельная научная система сформировалась лишь в конце XVII века; что касается окончательного оформления науки, то процесс этот продолжается и по сей день.

Томас Гоббс, например, считал этику не самостоятельной наукой, а такой, которая связывает между собой философию с социальной теорией. Основой этики, по Гоббсу, служат природные законы и их проявления в человеке. Здесь явно прослеживается эмпирический характер философии ученого. Поэтому Гоббс в принципиальном отличии от своих средневековых предшественников, не видит ничего плохого в том, что мораль и нравственность исходят прежде всего из таких естественных склонностей человека как самосохранение, реализация природных потребностей. Добро и благо для Гоббса это то, к чему человек стремится, чего желает. Зло - это то, что он не любит и чего избегает. С точки зрения общей теории этики Гоббс считает основные этические категории - добро, зло, нравственное и т. д. - понятиями относительными. Уже это вело к резкому расхождению с философами предыдущих времен, а также с его современниками, но не эмпириками. На этические воззрения Гоббса самое тесное влияние оказали его политические взгляды. Человеческая добродетель (или порок), считал он,

¹ Как было указано ранее только с конца XVII-нач.XVIII в. этика завоёвывает статус самостоятельной науки, но в рамках философского знания с вычленением основных её понятий и определением важнейших категорий (См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. - М., 1984. -С. 5-43; Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. - М., 1984. -С. 8-10 ; Mc Laughlin G.C. Aspects of the History of English.- N.-Y., 1968. P. 55-60).

зависят от того, насколько разумны члены общества, насколько они содействуют или мешают реализации блага. Так как, по Гоббсу, государство создается в результате добровольного общественного договора, то обязанности членов общества совпадают с той моралью, которая заложена в основе общественного договора и предусмотрена им. Невыполнение моральных и нравственных требований (то есть нарушение правил этики) должно караться различными по степени мерами наказаниями как невыполнение положений общественного договора. Гоббс считал стабильность строя важнейшей целью общества, поэтому он нравственность и ее законы идентифицировал с гражданскими добродетелями. Таким образом, этика послужила для Гоббса моральным фундаментом его философии, она поддерживала новую науку и отвергала абстрактно-бесплодные этические идеи.

Достаточно близким к Гоббсу, если учитывать общий разброс мнений по этике в мировой философии, был Дж. Локк. Локк несколько идеализировал этику, он считал, что она может быть наукой, схожей с математикой. Будучи по своему мировосприятию эмпириком, Локк считал, что благо это то, что приносит удовольствие, а зло - это то, что причиняет страдание. Следовательно, счастье заключается в том, чтобы получать побольше удовольствия и поменьше страданий. Поэтому, по Локку, стремление к счастью - естественный и вполне объяснимый процесс. Всякая деятельность человека должна быть свободна, а целью свободы личности является стремление к индивидуальному и общему благу. Несмотря на то, что Локк несколько упрощенно понимал мораль, счастье, благо и другие этические категории, его этика также в корне отличается от этики средневековья и имеет в своей основе разумные склонности человека, а не бесполезные теологические предрассудки. Истинной основой морали Локк считал божественную волю, которая находит свое непосредственное воплощение в законах, регулирующих общественную жизнь. Поэтому нравственность для

него была ничем иным, как осознанием и разумным подчинением данным законам. Локк считал необходимым условием существования и процветания общества сочетание, гармонию потребностей каждой личности с интересами общества в целом. Взаимопонимания можно достигнуть в случае наличия у членов общества благоразумия. Во всей этической философии Гоббса также ощущается присутствие эмпиризма и защита конституционной монархии.

Этика в английской философии оказала сильное влияние на философскую и общественно-политическую мысль других стран. Ф.Бэконом, Гоббсом, Локком зачитывались и англичане, и передовые ученые и общественные деятели других стран: Толанд, Пристли, Беркли, Юм, Вольтер, Кондильяк, Ламетри, Гельвеций, Дидро и др. Джон Локк, например, считался самым влиятельным философом своей эпохи. Одно то, что английские эмпирики в своих этических взглядах где прямо, а где опосредованно признавали смертность человеческой души производило смятение в умах их современников и последующих поколений. Главной основой этому была новая экспериментальная наука, новое понимание природы, мира, космоса, человека. Поэтому надо согласиться с И.Шайтановым, который считает, что "европейский XVIII век, который мы называем эпохой Просвещения и Веком Разума, начинался в Англии. Оттуда по всей Европе распространился дух новой философии, подкрепленный примерами реальных перемен в общественном устройстве".¹

Таким образом, божественное понимание мира, мира, построенного по божьему разумению, разрушалось. Но разрушалось уже по-другому. Если в средние века такое разрушение осуществлялось только теоретически и априорно, причем жестоко преследовалось как еретическое, то теперь, в эпоху Просвещения, это разрушение осуществлялось фактически, эмпирически, на основе опытов и практических доказательств. Сторонники

¹ Шайтанов И.О. Англия в памфлете. – М.: Прогресс, 1987. -С.11.

прежнего видения мира - религиозные деятели¹ и мыслители - не могли отрицать естественнонаучные открытия, ибо эти открытия были реальностью и воспринимались широкими массами как правильные, истинные.

Тогда религиозные деятели взяли на вооружение этику и поставили вопрос таким образом - естественнонаучная картина мира может быть и правильная, может быть действительно были преувеличены значение и формы влияния бога, но этично ли сводить бытие бога на нет, этично ли его отрицать, этично ли человеку претендовать на всемогущество и т. д. На что эмпирики и естествоиспытатели отвечали по-своему: истина - цель мечтаний ученого и перед ее достижением он не должен останавливаться ни перед чем. В этом также видно одно из проявлений этики Возрождения, т. е. новой этики. Поэтому вопрос об этике в эпоху Возрождения стоял очень остро. И не мудрено, что английские философы, художники слова и общественные деятели уделили этому вопросу столь серьезное внимание.

Френсис Бэкон, пионер разработки «естественной философии» был одним из тех, кто положил в Англии начало концепции «естественной морали», построению этики хотя и сопряженной с теологией, но в основном без помощи религиозных представлений, исходя из рационально понятых посясторонних жизненных устремлений и аффектов человеческой личности.

Серьезное внимание уделял этике и Дж. Локк. Учение о существовании врожденных идей, т.е. понятий и суждений, несущих в себе знания, а также врожденных принципов, указывающих как надо себя вести, было во времена Дж. Локка основой идеалистических концепций внечувственного и вообще внеэмпирического знания, равно как и основой представлений о существовании особой духовной субстанции, как сидалища врожденных идей. Эта теория разделялась многими современниками Дж. Локка, хотя

¹ От религии не так-то легко было отказаться по нескольким причинам: 1) религиозные деятели были сильны своей властью и было опасно с ними дискутировать (примеры Д. Бруно и Г. Галилея); 2) большинство людей действительно горячо и убежденно верили в бога и в этом плане им было тяжело совместить новую философию и религию.

своими корнями уходила в глубокую древность.¹ Критика Локком теории врожденных идей была отправной точкой его педагогической концепции и явилась исходным пунктом для всей теории познания Локка. Важную роль отрицание врожденности моральных принципов сыграло и в этике Локка: оно помогло ему в XX (О модусах удовольствия и страдания) и XXI (О силах и способностях) главах второй книги «Опыта...» сделать вывод о тесной связи понятия добра с удовольствием и пользой, а зла – со страданиями и вредом для человека² и таким образом обосновать учение о естественном законе морали и далее о естественном праве в его этической интерпретации.

Решительное отрицание Локком врожденных идей приносит огромную пользу теории познания в его учении об истине и истинности. Кроме неё в теоретическую систему английского просветителя входят: онтология, этика и педагогика, философия истории, политическая теория и учение о веротерпимости. Все эти части его системы неразрывно связаны с его гносеологией посредством признания того, что человек имеет свои слабости и заблуждения, но способен преодолеть их, а также тезисом о том, что «чувственно познаваемый «естественный» закон морали имеет разумную санкцию и действует во всех областях человеческой жизни и деятельности. Постулируемый этим законом принцип самохранения становится отправным пунктом буржуазной философии истории. Локков человек- не только эгоист-собственник, он не лишен и чувства социальной ответственности и жадно поглощает информацию об окружающем его мире. Из взаимодействия этих взаимопротивоположных устремлений возникает Локков стандарт буржуазного «здорового смысла», складываются его ограниченные рассудочные нормы»³.

¹ Локк Джон. Соч. в 3-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1985. -С. 25.

² Локк Джон. Соч. в 3-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1985. -С. 280-338.

³ Нарский И. Джон Локк и его теоретическая система// Локк Джон. Соч. в 3-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1985. -С. 59; Klenner H. Nachwort-John Locke. Burgerliche Gesellschaft und Staatsgewalt. Social- politische Schriften. – Leipzig, 1980. S.311.

Таковы были реалии, которые следует учитывать при описании ситуации эпохи. Самое главное – это то, что этику, в результате, унифицировали, сделали общемировым, единым критерием и явлением именно философы позднего Возрождения. В XIV - XVII вв. этика стала собственно этикой в современном понимании, значении этого слова.

Классификация и анализ этических понятий

Не только возникновение, но и расцвет философии в определенную эпоху, как правило, обусловлены глубоким социальным кризисом, когда человеку становится трудно, а подчас и невозможно жить по-старому, когда прежние ценности теряют свое значение. Сфера морали не могла остаться в стороне от общего философского процесса времени, от взрыва интеллектуальной энергии, когда, как никогда доселе, время поставило столь остро задачи философского осмысления всего происходящего, отказа от старых схем, обновления мировоззрения. И, как результат, появление в свет глубочайших по мысли и блестящих по литературной форме творений, воздействующих не на один лишь интеллект человека, но и на его эмоции, на весь спектр его духовных способностей. Было бы позором для человечества, убеждал Ф.Бэкон, если бы умственный мир людей оставался в отведенных ему древностью пределах, в то время как область материального мира неизмеримо расширялась¹.

Освобождаясь от пут феодальных отношений, человек стремился к самоутверждению, к более верному пониманию своего места в мире. Вековые представления древней и средневековой космологии о "вечности", нетленности того, что "над луной и под ней" подвержено тлению и гибели было поставлено под сомнение разрушением этой иерархической системы

¹ Бэкон Френсис. Соч. в 2-х т. Т.1.- М.: Мысль, 1971. -С. 100.

мироздания, а сам интерес и постановка проблемы личного бессмертия² как центральной стало явлением новым в философской культуре эпохи Возрождения. Параллельно с философским осмыслением пересматривается также и весь уклад человеческой жизни, выражаются определенные системы ценностей (представления о добре и зле и др.), получают одобрение или осуждение те или иные способы жизни, поведения, нормы морали, т.е. изменяется ценностное сознание, которое воплощает в себе особое отношение людей ко всему происходящему в соответствии с их целями, потребностями, интересами, тем или иным пониманием смысла жизни. В ценностном сознании формируются нравственные, эстетические идеалы. Важнейшими понятиями выступают понятия добра и зла, красоты и уродства.

Новое мировоззрение приводит в движение мощные импульсы нравственных чувств: стыда, укоров, совести, веры, чувства долга, морального удовлетворения, сострадания, милосердия, равно как и их антиподы. Эмоциональный мир человека эпохи Возрождения находит свою экспликацию и в философии. Известно, что в эпоху Возрождения философское мышление получает сильные импульсы из сферы искусства, в частности через прочтение - герменевтическое - античной литературы и таким образом погружению в мир образов античной культуры. При всем том эстетический подход играет здесь доминирующую роль. Это связано с процессом секуляризации, постепенным освобождением мысли от церковного авторитета.

Всякую культуру можно представить как упорядоченную смысловую структуру, связанную с соответствующими нормативно-ценностными системами практической деятельности и связанные с ними социальные институты, образцы поведения, идеи и т.д. Эти нормативно-ценностные системы и соответствующие смысловые структуры образуют сложные композиции. Определяющую же роль в обеспечении целостности смысловой

² Интерес к проблеме бессмертия был связан именно с процессом пересмотра традиционной церковной системы нравственных ценностей, так как средневековая мораль основывалась на учении о посмертном воздаянии (См.: Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М.: Высш. школа, 1980. -С.165).

структуры той или иной культуры играет ее мировоззренческая модель. Так как процесс в развитии культуры связан с постоянной дифференциацией и специализацией нормативно-ценностных систем и связанных с ними смысловых параметров, роль мировоззрения как интегрального фактора осмысления постоянно возрастает.

Прежде чем перейти к детальной характеристике категорий этики, позволим себе очертить круг, связанный с пониманием человека, его роли и места в мире в ретроспективе.

Гармония души и тела, высокое духовное развитие и физическое совершенство человека - лейтмотив античной культуры. В средние века человек провозглашается составной частью миропорядка, исходящего от бога. Идея бессмертия души, однократности и самоценности человеческой личности получает свое развитие внутри христианской философии (Августин Блаженный), где воплощаются и идеи неоплатонизма, и христианский дуализм низшего - земного и высшего - божественного. Совершенный человек в средневековой философии - это, в сущности, евангелический человек, следующий заповедям христианской морали.

Великое искусство Возрождения ярко выразило идеалы индивидуалистического гуманизма, утверждая величие земного, человеческого начала во всем его объеме и творческой активности: совершенный человек эпохи Возрождения определяется общим пониманием того, что такое человек, в чем его назначение и сущность. На этом фундаменте "утверждается своеобразно понимаемая гармония знания и красоты, что с предельной четкостью выразил Леонардо да Винчи в максиме: "искусство есть наука"¹. В эпоху позднего Возрождения искусство все более отдаляется от науки, отграничиваясь чувственными формами познания и подражания природе, а наука, в то же время, все более утверждается в качестве универсальной формы познания и ведет к изменению в

¹ Фролов И.Т. Перспективы человека. -М.: Политиздат, 1979. -С. 268.

мировоззрении - Globus Intellectualis. Ф.Бэкон основой истории считал память, поэзии - воображение, философии - рассудок.

Проблема человека всегда находилась в центре философского осмысления мира, при этом классическая философия, начиная с древнегреческой, не только фиксировала тот образ человека, который создавала та или иная эпоха, но и вырабатывала некоторый идеал, "идею человека будущего". В эпоху Возрождения эта проблема, как и сам человек, его сущность и существование в аспектах материальном, духовном и нравственном, получает новую жизнь и новое развитие. Эпоха по-своему ставит и пытается разрешить образ совершенного человека, а последний "всегда оказывался известной экстраполяцией в перспективу тех его качеств, которые являлись определяющими в утверждавшейся тем или иным мыслителем или художником концепции человека и мира, в котором он живет"¹.

Наиболее доказательным в этом плане являются этические воззрения Т. Мора и Ф. Бэкона, воплотивших в одном лице триединую позицию – гражданина, государственного деятеля и мыслителя. Ведь эти были деятели с головой погруженные в политические переплеты своего времени, политики до мозга костей, приобщавшие к глубинам государственной мудрости, наставлявшие в изощренной стратегии и опыте жизненной борьбы. Кратко остановимся на этом, обосновав тем самым переход к непосредственному анализу понятий этики. Если мы хотим глубже проникнуть в строй идей, чувств и представлений людей тех эпох, с которыми у нас нет преемственной связи, мы вынуждены обращаться к самым различным источникам и, прежде всего, к первоисточникам – произведениям самих этих предшественников, по крайней мере, в лице их выдающихся мыслителей. В истории английской философии это связано с именами Т. Мора, Ф. Бэкона,

¹ Фролов И.Т. Перспективы человека. –М.: Политиздат, 1979. –С.15;290.

Дж. Локка, Дунса Скотта, Дж. Беркли, а также корифеями художественного слова У. Шекспиром, Дж. Донном, Б. Джонсоном, Дж. Путтенгемом и др.

Первым по историческому времени и линии преемственности является Т. Мор, автор знаменитой «Утопии». Ценность анализа этого произведения ещё и заключается в том, что при всем разнообразии литературных источников, использованных при написании «Утопии» и свидетельствующих о необычайно широком ареале эрудиции автора, характерной для него как ученого–гуманиста, Т. Мор выступает как мыслитель, который черпает материал не столько из произведений писателей, сколько из самой английской действительности эпохи Возрождения с её острыми социальными противоречиями, требовавшими радикального решения.

Для понимания гуманистической концепции Т. Мора очень важно, наряду с социально-политическими проблемами «Утопии», осветить также её этические (и религиозные) аспекты. С точки зрения исследования сущности явления, т.е. его социально-определяемой жизненной необходимости, которая закрепляется в идеальных нормах поведения и морали, проповедуемых автором «Утопии». Это произведение неразрывно и глубоко связано с философскими, этическими, социально-политическими идеями гуманизма. А гуманизм, как известно, как необходимый духовный фон величайшей культурно-исторической революции Возрождения в целом и этико-эстетического обновления, в частности, явился основой для решительного переосмысления сложных философских проблем, связанных с пониманием природы человека, его существования и развития, когда проблема человека оказалась в фокусе философского центра осмысления, когда стало утверждаться идея о том, что человека можно понять, не вторгаясь в область трансцендентного, а лишь анализируя условия его реальной жизни, от которой зависят его свобода и достоинство как личности.

Не трудно заметить, что главное в утопийской этике – проблема счастья. Ставя и решая эту «вечную» проблему, Т. Мор обнаруживает основательное

знакомство с древнегреческой философией, в частности с Платоном и Аристотелем. Об этом свидетельствует общность во многом поставленных проблем и терминологии,¹ особенно это касается классификации таких важнейших категорий как удовольствие и наслаждение.

Этическое учение Т. Мора направлено «не только против сурового стоицизма, но и против извращенного средневековым аскетическим идеалом: утопийцы считают признаком крайнего безумия, излишней жестокости к себе и высшей неблагодарности к природе, если кто презирает дарованную красоту, ослабляет силу, превращает свое проворство в леность»². В гармонии с этими этическими воззрениями находятся и религиозные представления обитателей идеального общества; особенно это касается принципа широкой веротерпимости. Примечательно, что совершенная этика утопийцев обосновывается и аргументируется почти исключительно доводами разума, потому что она полезна для общества в целом и для каждого в отдельности, поскольку, как они считают, принципы этой этики более всего отвечают самому существу человеческой природы, в стремлении её к счастью. Однако, обосновывая с помощью религии этику утопийцев, Т. Мор исходит из ложной идеи о несовместимости человеческой морали с атеизмом, и в этом он остается сыном своего времени.

Итак, этика «Утопии», опирающаяся на философские традиции этических концепций античных философов и очищенного от схоластического догматизма христианства, сводится к обоснованию теории человеческой нравственности, исходя из самой природы человека как разумного существа – *Homo Sapiens*, для которого естественно и нормально стремление к совершенству и счастью.

А моралист Ф. Бэкон состоялся в тот период истории Британии, когда антиклерикальная Реформация в Англии привела к значительным

¹ Осинковский И.Н. Томас Мор. – М.: Наука, 1978. -С.176-177.

² Осинковский И.Н. Здесь же. С.139.

изменениям в религиозном сознании, а попытки короны приобщить страну к единой религии оставались безуспешными. Факт, что дела церкви и религии решала светская власть, способствовал тому, что «секуляризация захватила и прочие сферы духовной жизни общества», когда повсюду «слово Священного писания и догмы церкви теснил авторитет Человеческого разума, здравого смысла и интереса».¹

Определяя источники и корни нравственности, Ф. Бэкон решительно утверждал приоритет и величие блага общего перед индивидуальным, жизни деятельной перед созерцательной, престижа общественного перед личным удовлетворением. Не возражая христианскому тезису о первостепенном значении общего блага, Ф. Бэкон, вместе с тем «не очень-то хотел быть связанным со всем грузом его теологического содержания».² Он стремился строить этику, ориентированную на человеческую природу, равно как и на нормы моральных аксиом. Такая этика как утверждал сам Ф. Бэкон, «в своих собственных границах могла содержать немало разумного и полезного»³.

В фокусе внимания Ф. Бэкона – человеческое поведение и оценка его с точки зрения достижения определенных результатов (эссе «О высокой должности»). Религия как твердый принцип единой веры была для него как-бы высшей нравственной связующей силой общества⁴. В своем труде «Опыты или наставления нравственные и политические» Ф. Бэкон глубоко размышляет, тонко анализирует и живо описывает целый спектр положительных и отрицательных человеческих проявлений – скрытость, лукавство, любовь, зависть, хитрость, смелость, доброта, подозрительность, эгоизм, тщеславие, высокомерие и гнев.

Написанная Ф. Бэконом на закате лет философско-социальная утопия «Новая Атлантида» во многом вроде бы и роднит его с Т. Мором и его

¹ Субботин А.Л. Френсис Бэкон и принципы его философии // Бэкон. Соч. В 2-х т. Т.1.- М.: Мысль, 1971. -С. 46.

² Субботин А.Л. Здесь же. С. 47.

³ The Works of Lord Bacon. Vol.2. – L., 1841. P. 394.

⁴ The Works of Lord Bacon. Vol.2. – L., 1841. P. 414.

«Утопией». Однако, в своих взглядах канцлер Ф. Бэкон не был наследником и продолжателем взглядов канцлера Т. Мора ни по глубине социальной мысли, ни по широте политических горизонтов, поскольку «строй», изображенный в утопии Ф. Бэкона, есть лишь идеализация английской абсолютной монархии его времен. Мы узнаем в нем и королевскую власть, и парламент, и церковь,... и чиновничество...»¹. Но именно этим и ценна его «Новая Атлантида».

В свете вышесказанного несомненный интерес представляют понятийные группы слов, связанных с некоторыми важными категориями этики, проливающими свет на систему общей характеристики человека, его духовного развития и физического совершенства в русле общего понимания того, **что** такое человек, его назначение и сущность.

Эволюция проблемы человека в ходе его развития от античности до эпохи Возрождения, когда утверждается своеобразное понимание гармонии и красоты, когда наука все более представляется в качестве универсальной формы познания, приводит к созданию и оформлению или, по крайней мере, накоплению новых качеств в характеристике человека и, следовательно, новых понятий, либо более высокой ступени осмысления старых, что, несомненно, сказывается на лексическом составе его понятийной группы.

Нас интересовали вопросы: в какой степени качественный скачок в философском понимании человека в анализируемый период, его морально-этических характеристик отразился (и отразился ли) на языке передовых мыслителей (исконные слова, заимствованные слова, новые гибридные образования), что и кто способствовал этому и, наконец, какова была особая роль латыни как источника пополнения тематических групп, связанных с категориями и понятиями морально-этического порядка.

В данном параграфе нас интересуют особенности взаимодействия лексики различной этимологии в пределах категорий этики на стадии их

¹ Асмус В.Ф. Избр. филос. труды. Т.1. М., 1969. -С.362.

становления, в особенности роль новых заимствованных единиц с их лексическими соответствиями (эквивалентами) как исконного, так и заимствованного характера на почве языка-реципиента.

С учетом вышесказанного и в силу специфичности роли этики в эпоху позднего Возрождения, мы сочли необходимым дать детальный анализ исторического процесса взаимодействия нововведений XVI века с бытовавшей на английской почве к тому времени лексикой как исконного, так и заимствованного происхождения.

Нам представляется, что анализ понятийных групп этики с учетом вышесказанных параметров в сравнительном плане, как правило, достаточно полно выявляет преобладание того или иного слова по ряду показателей и позволяет сделать вывод о его статусе и степени усвоенности в целом.

Всеобщие этические понятия

В конце XVI века в словарный состав английского языка входит новое заимствование латинского происхождения *nonplus* (от лат. *nonplus* "no more") в значении "состояние замешательства". В языке-этимоне существовала фраза *nonplus* "no more, no further" - "не более, достаточно (далее нельзя)". Впервые слово употребляется у Р.Парстона "Def.of Ceus.Ep.to Charkes": "Beynge now brought to a non plus in argueing." - "Доведение до состояния 'далее некуда' при диспуте". Контекст говорит о том, что "состояние замешательства" - это следствие спора, дискуссии. В латыни, как было указано выше, *nonplus* функционировало как фраза, на английской же почве уже в первые десятилетия намечается тенденция дефисного употребления, а начиная с 20-х годов столетия прочно утверждается слитное написание слова, что вполне соответствует законам развития языка. Воспринимаемая как фраза в латыни, *nonplus* стало употребляться и ощущаться как единое слово.

Лексическим эквивалентом nonplus в XVI веке выступает perplexity (лат.perplexitas, perplexus) в значении "замешательство", которое впервые употреблено в XVI веке (хроника): "Succoure Scotland and remede that stad is in perplexyte" - "Отделение Шотландии и исправление зла в замешательстве"(in Wyntoun Chron VII.3625).

Таким образом, для языка письма характерно perplexity, а драмы - nonplus. Новое слово nonplus выходит за рамки одной жанровой представительницы и к концу первых 100 лет обнаруживает себя в псалмах и драматических произведениях, где проявляется большая субъективность оценок, суждений, выводов личного характера. Параметрическое сопоставление nonplus и perplexity в значении "замешательство" выявило, что в плане реализации комбинаторных возможностей превалирует perplexity: при равном количестве глагольных сочетаний, разница в словосочетаниях именного характера очевидна.

Новое заимствованное слово emotion появилось в составе английского языка в конце XVI века (1579) в значении "возбуждение" (политического или социального характера) в переносном употреблении: "There were...great stirres and emotions in Lombardie" - "Были отмечены ... большие движения и возбуждение в Ломбардии" (Fenton Vuicciard 11). Слово в основном использовалось в произведениях Ф.Бэкона, Т.Мора. Emotion не получило широкого распространения в этот период. У Бэкона отмечено образное употребление "душевное волнение": "..impression made on the mind in a state of strong emotion" - "...впечатление ума в состоянии сильного душевного волнения" (N.O.332).

Слово tumult (позднее средневековье) с самого начала различается, употребляясь в XVI веке в значении "суматоха","волнение" (в смысле "мятеж"). Таким образом, новое заимствование emotion впервые употребляется в переносном значении "возбуждение" в подобном же смысле и в то же время употреблялось и tumult, но уже как "мятеж, волнение", то

есть имело дифференциацию. Emotion к тому же еще употребляется в значении "душевное волнение" (Ф.Бэкон) и в этом плане emotion ближе подходит к современному употреблению. В XVI веке берет свое начало современное основное значение emotion "чувство, эмоция". А tumult как более раннее заимствование оставляет за собой сферу употребления (в понятии "волнение") как "социальное, политическое волнение", т.е. "мятеж, бунт".

В английском языке с XII века существовало слово feeling "чувство", которое в XVI веке актуализировалось в нескольких ЛСВ: 1) "faculty or power by which one feels" - "способность или сила, с помощью которой человек чувствует"; 2) "passive experience sensible proof" - "пассивный опыт, чувствительное доказательство" (16 в); 3) "capacity or rediness to feel" - "способность или готовность чувствовать" (F. Bacon). Именно feeling остается родовым понятием и основным выразителем "чувства" в XVI веке, но многозначность и многоаспектность приложения feeling создает благоприятные условия для актуализации в дальнейшем (XVII-XVIII вв.) emotion как конкретного видового проявления этого понятия (напомним, что в XVI веке emotion только эпизодически проявляется у Ф.Бэкона).

Свойства человеческого характера

Во второй половине XVI в. (1565) было заимствовано новое слово латинского происхождения falsification (от латинс. falsificare 'to make false') в значении "искажение", которое впервые зафиксировано у Jewell : "... He shoareth up a ruious mater with the falsification of his Doctours." - "...он показывает разрушительный случай искажения данных его учеными (Refl. Harding iv. 15.251). Судя по тому, что первое употребление нового заимствованного слова не сопровождается толкованием, ясно, что falsification

было понятно носителю языка в силу наличия в английском языке к тому времени слов с общим корнем - falseness, falsehood (XIII в.)

В анализируемый период слово не приобретает еще широкого распространения и используется ограниченным кругом авторов (Донн, Хукер, Скарлет, Топсел, Тейлор): в основном в корреспонденции и научной прозе. Относительная редкость употребления нового заимствования в указанном значении объясняется наличием в XVI веке целого ряда слов, смысловое содержание которых также соответствует понятию "искажение". Counterfeit - "подделка", т.е. ложная имитация нематериальных или абстрактных вещей (XVI в.); perversion - "искажение, извращение (истины, правды)" (XIV в.); falsery - "искажение, обман, ложь" (XVI в.).

Все указанные слова содержат в себе смысловую основу "искажение" и в то же время каждое из них характеризуется наличием дополнительного оттенка этого понятия. Отметим, что counterfeit и perversion актуализируют свои значения в XVI веке, а falsery само появилось в XVI веке. В плане семантики наиболее близким к анализируемому слову является perversion - слово латинской этимологии, которое впервые было зафиксировано в конце XIV в. у Виклифа (Библия). Однако оно крайне редко употреблялось, встречаясь в основном в жанре научной прозы, например, у Ф.Бэкона: "Women to govern men, ... slaves freemen,... being total violations and perversions of the laws of nature and nations" - "женщины правят мужчинами, рабы - горожанами,...как полное нарушение и вмешательство в законы природы и наций", (Holy War 1.528).

Наиболее высокой точностью в XVI веке характеризовалось falsehood в значении "обман, искажение, жульничество", т.е. смысловое содержание этого слова полностью покрывает семантику всех вышеуказанных слов, включая и новое заимствование falsification. Гибридное образование falsehood впервые датировано XIII в. (1230) и означало тогда "абсолютная неправда", "ложь", "лживость, обман". В XIV в. возникает ЛСВ "искажение, обман"

(1340), которое и актуализируется в анализируемый период. Ограничений в сочетаемости данного слова в анализируемый период не выявлено.

Анализируемое слово *falsehood* встретилось в 20 произведениях 10 авторов различной жанровой направленности. Наиболее частотно оно в произведениях Т. Мора (15 раз в 6 произведениях) и Э.Спенсера (16 раз в 4 поэмах). Реже встречаемость у Шекспира, Т.Уайета, Дж.Донна, Ф.Бэкона. Широта жанровой представительности и обуславливает частоту употребления слова *falsehood* в анализируемом значении (научная проза (трактат), поэма, драматические произведения, хроника). Небезынтересным представляется факт, что Ф. Бэкон всего 2 раза употребляет *falsehood* в анализируемом значении и только в одном произведении *Adv.Learning*. Автор предпочитает другое латинское заимствование - *fallacy* (XV в.) - из сферы логики, которое в анализируемый период используется как в наиболее общем своем значении "ошибка, софизм, вводящий в заблуждение аргумент", так и в терминологическом - "софистика, ошибка".

В употреблении Ф. Бэкона *fallacy* обнаруживает большую степень терминологичности, при этом оно сочетается с широким кругом слов абстрактного характера, принадлежность которых к научной сфере не подлежит сомнению: *form of~*; *sophistical~*; *defection~*; *~of interpretation*. Отмечено 9 словоупотреблений в 2-х произведениях автора - *Adv.L.*, и *De Augm*. Для других авторов это слово не характерно, по крайней мере в анализируемый период. Что же касается слова *counterfeit*, заимствованного в XV веке из французского языка (O.F. *contrefet*, *-fait*, *ra pple of contrafaire*, f.Lat.type *contrafacere*), то оно в XVI веке употреблялось в несколько ином значении, а именно: "a false or spurious imitation" - "подделка или подложная имитация".

Counterfeit может соотноситься со словом *falsification* как один из видов обмана, связанный с подделкой, имитацией.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ всей группы слов данного понятия выявляет, что новое заимствование XVI в. *falsification* не стало семантической доминантой; эту роль взяло на себя *falsehood* (XIII в.) в соответствующем ЛСВ, актуализация которого полностью соответствовала семантическому объему понятия.

По всем параметрам анализа превалирует *falsehood*, а *falsification*, по крайней мере в XVI веке, остается на периферии. Подавляющее большинство авторов эпохи употребляют *falsehood* в значении "обман, искажение". Широкий диапазон жанровой представленности обуславливает его широкую общеупотребительность. В качестве терминологического слова в данный период выступает *fallacy*, заимствованное английским языком из латыни в XV веке. Терминологичность *fallacy* подтверждает его лексико-семантический контекст в произведениях Ф.Бэкона. В целом в образовании лексического фонда данного понятия основная роль принадлежит латыни (*fallacy*, *falsery*, *falseness*, *falsification*, *perversion*). *Affectation* -1548- (*affectationem*, *affectare*) впервые встречается в произведении Н.Юдалла: "*Affectation of Eloq.*" - в значении "искусственность, показуха". В течении XVI века добавляется еще ЛСВ "жеманство", "неестественность (искусственность) поведения, манер".

В исследуемый период анализируемое слово встречается в произведениях Шекспира, Ф.Бэкона, Т.Нэша, Б.Джонсона, Дж.Донна: в научных трактах, драматических произведениях, корреспонденциях. В лексиконе английского языка к данному моменту (XVI в.) бытовали два слова - *simulation* (1340) и *pretence* (1425), которые в значении "притворство" могли взаимодействовать с указанным выше ЛСВ. Но, как показал анализ, семантика нового слова в данном значении шире и обязательным компонентом включает и смысловое содержание *simulation* и *pretence*. Полноправным выразителем понятия в XVI веке является новое латинское заимствование *affectation*, которое, хотя и не может считаться лакуной,

однако своим появлением на английской почве обогащает систему понятий морально-этического порядка.

Заимствование *timidity* (от лат. *timiditas* 'Timid') проникает в английский язык в самом конце XVI века -1598 и в значении "страх" толкуется в словаре Флорио: "*Timidita, timiditie, feare, dread...*" В анализируемый период *timidity* весьма редко используется в произведениях (преимущественно относящихся к жанру научной прозы).

К моменту заимствования *timidity* в качестве его лексических эквивалентов выступают три слова с семантикой "страх": *fearfulness* (1494), *timorosity* (1490), *timorousness* (1494). *Probity* -1574 - (*probitas, atem*) - честность - впервые на английской почве появляется в произведении "Cyt. & Uplongyshm: What is ... more repugnynge to faythe & probeyte" - "Что является более ... к вере и доверию" (Barclay 23) в значении "moral excellence, integrity, rectitude, uprightness" ("моральная чистота, честность, нравственность, прямота", соответственно). В течении первых 100 лет слово редко встречается у авторов анализируемого периода. Причину следует искать, по-видимому, в отсутствии четких границ семантического объема слова, включающего такие компоненты понятия "честность" как *rectitude, honesty, uprightness* и даже *sincerity, conscientiousness*.

Впервые у Ф.Бэкона отмечено функционирование (в прямом значении) *gravity* как "тяжесть, сила тяжести" в научной сфере: "...bodies are susceptible of the motion of gravity, what of levity and if there be any of an internudiate and indifferent nature." - "...тела восприимчивы движению в силу их тяжести. ..." (De Augm.V.512); "...all bodies have their own dimensions and gravities;" - "...все тела имеют собственные размеры и силу тяжести" (*ibid.v.509*). Как видно, данное значение было широко употребительно в XVI веке. Однако к этому времени в английском языке бытовало еще *authority*, которое актуализировалось в значении "важность, авторитет". Слово особенно было присуще текстам религиозного характера в зависимости от течения,

направления веры (римско-католическая, протестантская церковь, спекулятивная теология) : " Nowe placed in authoritye and called to honoure." - "ныне окруженные авторитетом и почетом..."(Th. More Utopia 15). Широта представленности жанров и способность к семантической деривации позволили gravity стать основным выразителем понятия "важность, почтенность", в то время как authority в таковом ЛСВ носило сугубо религиозный характер. Слова weight и influence к XVI веку не имели в своем составе этого значения ("важность, вес" как черта человека, его положения отмечается только в XVIII веке).

Актуальность gravity была вызвана стремлением выразить противопоставление положительного в человеке его отрицательным проявлениям - levity и gaiety.

В начале XVI века (1526) в английский язык проникло слово латинского происхождения inconstancy (от лат. inconstansia) в значении "непостоянство (характера), изменчивость (в общении или цели)".

Слово inconstancy встретилось в произведениях 10-ти авторов (Донн, Шекспир, Э.Спенсер, Ф.Бэкон, Т.Мор и др.) в трактах, поэмах, псалмах, драматических произведениях. Анализ лексического окружения слова inconstancy в произведениях указанных авторов свидетельствует в пользу широкой употребительности его в анализируемый период и семантической адаптации на почве заимствующего языка.

В том же XVI веке (1564) заимствуется levity (от лат. levitatem, levis 'light') в значении "легкомыслие, непостоянство".

Сравнительно-сопоставительный анализ новых заимствованных слов латинского происхождения - inconstancy и levity - на английской почве показывает большую близость значений, которые, однако, не покрывают семантики друг друга, но содержат единую, общую сему "непостоянство" как черта характера вообще, либо присущая и женщинам, в частности (levity). Эта особенность и выражается прежде всего в своеобразии семантики

словосочетаний, в качестве ядер которых выступают *inconstancy* и *levity*. Таким образом, оба слова в своих значениях выступают как две стороны одного общего понятия - "непостоянство" человека и его морально-эстетических устоев в обществе эпохи Возрождения.

В конце XVI века (1594) английский язык заимствует из латыни слово *aberration* (от лат. *aberrationem*) в переносном значении "отклонение от моральных (нравственных) устоев, заблуждение": "Error in religion and aberration in manners." - "Заблуждение в религии и отклонения в манерах". (T.Beard.tr.La Primandaye's Fr.Acad. & Ep.to Reader). Первое же употребление в контексте приводит к разграничению в употреблении заимствованного *aberration* и средневекового *error* "ошибка", которые "распределяют" сферы употребления, выражая одно понятие при этом. В исследуемый период слово характеризуется дифференциацией по крайней мере в оттенках. Так, если *aberration* носит в себе смысловой объем "заблуждение" с установкой на отрицательную коннотацию в характеристике морально-эстетического порядка, то *error*, актуализировавшееся в XVI веке, делает крен в сторону "ошибка, заблуждение" (особенно в поэзии - Э.Спенсер, Шекспир). В сравнительном плане частотность *error* намного выше нового заимствованного слова *aberration* (7/48 против 4/8), однако в XVI веке *error* актуально и в ЛСВ "ошибка", "ложное мнение" и "грех, моральный поступок"; например, у Шекспира в первом ЛСВ отмечено 35 примеров (24 произведения), а во втором - 7 (4 произведения).

Таким образом, с самого начала семантическая дифференциация между *aberration* и *error* позволила функционировать этим двум словам без ограничений. Хотя семантическая близость в XVI веке обоих слов большая, тем не менее семантическая граница *aberration* четко обозначена - "отклонение от морально-этических устоев", а *error* иногда, переплетаясь с этим смыслом, в целом развивает в анализируемый период еще несколько, как было уже отмечено, значений, что и способствует, на наш взгляд,

размыванию границ его семантики, в различных жанрах. Так, *aberration* в XVI в. встречается в трактатах (Т.Мор, Ф.Бэкон), а *error* - в поэмах (Э.Спенсер, Шекспир) и художественной прозе (Деккер, Шекспир).

Для выражения понятия "жестокость" заимствуется слово латинского происхождения *atrocitate* (1534) - (от лат. *atrocitatem, atrox*) в значении "лютость, суровость" : "For the atrocite of the story ... almost everye childe heard." - "...о суровости этой истории слышал почти каждый ребенок" (Th. More On Passion 1294). Хотя слово и было заимствовано в первой половине XVI века, однако оно не стало широко употребительным в этот период: "The atrocite of her father's nature." - "жестокость природы ее отца..." (Nauton Fragn.Red.183); "They desired justice might be done upon offenders, as the atrocite of their crimes deserved." - "Они желали несмотря на..., чтобы справедливость была оказана противникам, так как жестокость их преступлений сохранялась (Clarendon [J]).

Редкость употребления *atrocite* в произведениях авторов периода затрудняет определение наиболее присущих слову сочетаний, раскрывающих в полном объеме его семантический контекст. Удалось выделить только 3 словосочетания именного порядка: ~of crime; ~of nature; ~of story; эти последние сочетания характеризуют *atrocite* как отрицательную черту характера человека, его натуры. Очевидно, крайняя редкость употребления нового заимствования в XVI веке объясняется наличием в данный период бытовавшего с XIII века слова *cruelty* - латинского по своей этимологии, заимствованное через французский язык в 1225 г. В исследуемый период актуализируется ЛСВ *cruelty* "бесчеловечность, свирепость" как проявление чрезмерной жестокости: "The cruelty and envy of the people." - "Свирепость и ненависть людей..."(Shaks. Cor. IV.5.80); "Crueltie the signe of currish kinde." - "Бесчеловечность есть признак грубого порядка" (E.Spenser Hub.1134); "They cease their crueltie for a time." - "Они чувствуют свою жестокость временами" (Holinshed Chron.1.166). Слово в данном значении весьма характерно для

Шекспира и Эдм.Спенсера (15 и 35 словоупотреблений соответственно). В жанрах художественной прозы и поэзии наиболее ярко проявляется все семантическое "богатство" *cruelty* в его отрицательной коннотации.

Широкая употребительность *cruelty* обуславливает широту его жанровой представительности. В целом можно констатировать, что *cruelty*, актуализировав в XVI в. ЛСВ "жесткость", препятствовало распространению нового заимствованного слова *atrosity*, которое осталось на периферии в этот период. Актуализация *cruelty* легко объяснима, если учесть его многовековой "стаж" пребывания на английской почве (с 1225 года) с указанным смысловым объемом.

В начале XVI века английским языком заимствуется *constancy* (от лат.*constantia*) в значении "постоянство", которое встречается в произведении "The Pilgrimage Perfection" (1526): "Constancy is ye vertue wherby man or woman holdeth hode." - "Постоянство есть ваша добродетель независимо от мужчины или женщины" (W.de W.1531. 136). В таком понимании слово быстро завоевывает обиходность в целом как проявление стабильности и твердости (характера), неизменность: "I would wishe all men to be of such carage and constancie in these affayres." - "Я бы пожелал всем иметь также храбрость и твердость в таких делах" (Eden Treat. Newe Int.9); "Constancy is the foundation on which virtues rest." - "Постоянство есть фундамент, на котором основывается добродетель" (F.Bacon De augm.V,551). В первой же половине века у *constancy* отмечается (на основе предыдущего значения) смысл "верность, преданность" (особенно в любви), выводимой из "постоянства" как ее основы. Так, первоначально заимствованное в значении "постоянство" (твердость характера, стабильность и неизменность в чем либо), это слово распространяется и на область человеческих отношений (сфера любви). Особенно четко это линия проявляется в произведениях Шекспира (14 произведений), включая историческую хронику (H5,H8), поэму (Troil, Phoen, Son.), комедию (Mids, Meas, Ado, All's), трагедию (Oth,

Mcb, Caes): "and while thou livest, dear Kate, take a fellow of plain and uncoined constancy;" - "пока ты живешь, дорогая Кейт, найди парня простого и неподдельного постоянства" (H5.V.2.161); "Therefore my verse to constancy confined. One thing expressing, leaves out difference." - "Именно потому и мои стихи постоянством обрамлены. Выражая одно, не оставляя места двусмыслию..." (Sonnet. 105,7); "Here the anthem doth commence...love and constancy is dead;" - "Здесь и начинается гимн... любовь и постоянство мертвы" (Phoen.22.).

Подробная характеристика слова в интерпретации Шекспира связана прежде всего тем, что в его произведениях, как в фокусе, отражены различные грани смыслового богатства нового заимствования constancy, которые раскрываются через богатства и разнообразие характеров героев.

Отметим, что в произведениях Ф.Бэкона constancy отмечено ("постоянство") как физическое свойство: "this constancy is visible in comets..." - "это постоянство заметно в кометах..." (Descriptio 682); "There is a like constancy in the depths or innermost parts of the earth;" - "Есть подобие постоянства в глубинах и толщах земли" (De Augm.v.542). Тенденция constancy обозначать "постоянство" в сфере человеческих чувств находит словесные эквиваленты в бытовавшей к тому времени лексике - fidelity (XV в.) и loyalty (XV в.), заимствованные ранее из французского (loyalty) и через посредничество французского языка. Однако в XVI веке еще не отмечается четкого разграничения смысловых компонентов обоих слов, которые употребляются, переплетаясь и сочетая в себе указанные выше дополнительные семы. Таким образом, можно прийти к заключению, что новое заимствование constancy со смыслом "постоянство" в наиболее широком смысле (куда включается и компонент "верность в любви", "твердость характера") в исследуемый период является основным выразителем понятия, его семантическое богатство не подлежит сомнению.

По параметру сочетаемости и частоте употребления *constancy* утверждается также в роли ведущего смысловой группы. Освоенность слова в семантическом плане подтверждается приобретением на английской почве (на основе заимствованного значения) новых оттенков в авторской трактовке в различного характера произведениях представителей эпохи. В первично заимствованном значении "постоянство" *constancy* не имеет эквивалентов в XVI веке, закрепление за словом нового тематического направления "верность, преданность" (в любви) встречает лексическое противоборство со стороны актуализировавшихся в XVI веке *fidelity* и *loyalty* в сходных значениях. Однако относительная "туманность" смыслового объема взаимодействующих ЛВС слов (что может быть объяснено, очевидно, разной этимологической представленностью) мешает им конкурировать в семантическом плане с *constancy*, которое сразу же становится основным носителем понятия, наиболее полно и адекватно выражая ее суть по сравнению с *fidelity* и *loyalty*. Можно, по-видимому, говорить о том, что веками на пути становления понятия "верность" в соответствии со взглядами представителей Возрождения являются слова *fidelity*, *loyalty*. Убедительным тому подтверждением служит большая частотность *constancy* у выдающихся титанов Возрождения - Т.Мора, Шекспира и Ф.Бэкона.

В первой половине XVI века заимствуется слово латинской этимологии *modesty* -1531- (от лат. *modestia*, *modestus*), в значении "умеренность". Впервые слово вводит Т.Элиот в "Governor": *Modestie; whiche worde not beinge knowen in the englishe tongue, ne of al them which under stude latin, exsept ...* - "Умеренность; слово это не было известно в английском языке, кроме латыни..." (1.25). Как видно, автор признает за вводимым словом новое понятие, которым английский язык XVI века не оперировал. Вслед за Т.Элиотом, слово в данном значении приобретает известность и в произведениях других авторов эпохи, особенно у Шекспира (9 примеров из 4 произведений): "it will be pastime passing excellent, if it be husbanded with

modesty." (Shr. Ind.1.68); "... but to follow him thither with modesty enough shall say this then, in a friend, it in cold modesty" (Caes,III.1.213); "whom of most hated living thou hast made me with thy religious truths and modesty." (HVIII,IV,2.74). Заимствование modesty в XVI веке является важным вкладом, обогатившим новым (актуальным в эпоху Возрождения) понятием. Появление слова на английской почве еще больше подчеркивало важность осмысления нацией мира во взаимосвязанности "вселенских" пропорций" от "хаоса" в микромире - семье (Барг, 1979:103). А отсюда и особый интерес к самому слову, потенциальным возможностям его семантики. В течение первых 20 лет XVI века уже прослеживается ЛСВ "скромность", который вводится толкованием: "Modesty is an honest shame, fastnesse." - "Скромность есть честный стыд, стойкость" (Т. Wilson Rhet.19').

В утверждении данного ЛСВ на английской почве значительную роль (если не основную) сыграл Шекспир, который широко использует его в своих произведениях (Hamlet, Merchant of Venice, Othello, Twelfth Night): "There is a Kindle (of) confession in your looks; which your modesties haue not craft enough to color" (Hamlet.II.2.289); "to allay with some cold drops of modestie thy skipping spirit" (Merchant of Venice.II.2.195). В 1565 г. Купер в своем "Theasurus" дает толкование modesty с новым оттенком, т.е. он еще больше уточняет сферу приложения нового понятия, которое к этому времени, как видим, уже прочно вошло в обиход: "Modestia,..Virginatis modestia. Maidenly modestie..." Как видно, в семантику слова вводится "женская скромность", целомудренное поведение, манера держаться", последнее четко прослеживается у Шекспира (в 17 произведениях 29 раз): "with soft slow tongue, true mark of modestie." (Lucifer.1220); "since maids, in modestie, say 'no' to that nlich they would love." (Gent.1.2.53); "in human modesty, such separation as may well be said becomes virtuous bachelor and maid" (Mids,11.2.57).

Направление эволюции понятия "скромность, умеренность, благопристойность" в исследуемый период происходит под сильным

влиянием устоев и норм морали личности эпохи Возрождения. В совокупности ЛСВ *modesty* играет всеми гранями своей семантики, являясь одним из важнейших понятий этики. Отсюда и разнообразие оттенков смысла даже в пределах трактовки слова одним автором (в более чем одном произведении), например, у Шекспира: в основном он трактует *modesty* как

а) "целомудренное поведение, манера (жен.)" - "Thou that which maiden modestie doth warrant, left all my sins lock meray." (Ado.IV.181).

б) "скромность" как "отсутствие самонадеянности,наглости" - I have laboured for the poor gentleman to the excrement share of my modesty."(Meas.III.2.266) в) "благопристойность, пристойность, сдержанность (робкая)" - "wins straying souls with modesty again" (HVIII,V.3.64); наличие *modesty* в своих ЛСВ (в большинстве произведений) у Шекспира - свидетельство актуальности самого понятия "скромность" и попытка вскрыть природу скромности, его аппликации к жизни общества.

Рассмотрим параметры, определяющие и подтверждающие широкую употребительность *modesty* в значении "скромность" в XVI веке. Усвоенность нового заимствования в семантическом плане подкрепляет факт, что *modesty* обнаружен в произведениях 14 авторов, включая Т.Мора, Ф.Бэкона, Шекспира, Б.Джонсона, Э.Спенсера, Деккера. Широта жанрового диапазона включает научную прозу, поэму, корреспонденцию, драматические произведения. Наиболее часто слово употребляют Шекспир (55-24 произв.), Э.Спенсер (15-3), Т.Мор (6-6), Ф.Бэкон (6-1). Видно, что смысловое ядро "скромность" проявляется в способности широко и практически неограниченно сочетаться, расширяя свою семантику.

Свойства человеческого интеллекта

Лексико-семантическая группа этических понятий пополняется в XVI веке двумя заимствованиями - *acumen* - 1531 и *perspicacity* - 1548 (от лат. *perspicacitas*, *perspicaх*, *perspicere*) в значении "проницательность".

В период заимствования этих слов в английском языке XVI века отмечается наличие слова *insight* (1200) двух гибридных образований на английской почве - *discerning* (1509) и *discernment* (1586); два последних тяготеют к "различению", "распознаванию" (один из видов "проницательности"). Эти новообразования также единичны в употреблении в XVI веке. Более всего по семантике *insight* раскрывает понятие "проницательность"; оно актуализируется в XVI веке как "способность проникать "визуально" в суть и внутреннюю природу вещей".

Таким образом, основным выразителем понятия "проницательность" в XVI веке выступает *insight*, которое по параметрическим показателям намного превосходит как заимствованные *acumen* и *perspicacity*, так и гибридные образования *discerning* и *discernment*. Анализируемая подгруппа пополнилась тремя заимствованиями латинского происхождения - *tenacity* (1526), *obduracy* и *persistency* (1597), которые обогащают понятия "упорство, упрямство".

Tenacity (от лат. *tenacitas*, *tenaci*, 'tenations') заимствуется для обозначения (физич. или умствен.) "упорство, цепкости": *some whose tenacitie and hardnes is reproved in this peticyon.* - "...некоторые, чем упорство и твердость подтверждены в этой петиции..." (*Pilgr.Perp.(W. de W.1531)175*). *Persistency* (от лат. *persistentem*, *persistere* 'to persist'), *obduracy* (от лат. *obduratus*, *obdurare*) обозначают "упорство" и "упрямство", т.е. утверждают отрицательную коннотацию понятия: *"Thou tnik'st me as farre in the Dinels Booke, as thou, and Falstaff, for abduracie and persistence."* - "Ты думаешь обо мне, как в книге Даниэlsa, что ты и Фальстаф, наподобие упрямства и упорства" (*Shaks. HIVB, 11.2.50*). Особо следует отметить, что с самого начала намечается коннотативная дифференциация между *tenacity*, которое не имеет отрицательной коннотации смыслового содержания "упорство" и *abduracy-persistency*, употребляющиеся только в отрицательном значении "упорство", т.е. с оттенком "упрямство". Учитывая факт, что и лексические

эквиваленты (*perfinacy, pertinacity, obstinacy*) содержат в себе отрицательную коннотацию, можно говорить о том, что данное значение *tenacity* не находит соответствия в анализируемый период, а потому рассматривается нами как новое для языкового сознания.

Появление *tenacity* с положительным оттенком "цепкость, упорство" - было велением времени, когда проблема человека, его положение в окружающем мире, его величие и возможности - все это было возведено в ранг первоочередной важности и необходимости, когда понятия христианской добродетели и человеческого послушания уступили место благородству, моральной добропорядочности человека. Именно в таком ракурсе следует понимать заимствование нового слова *tenacity*.

Sincerity (от лат. *sinceritas, sinserus* 'clean, pure, sound') заимствуется (1546) для передачи понятия, выражающего характер, качество или состояние "истинности" (т.е. правдивости): "That England might the better attain to the sinceritye of Christ's doctrine." - "Англия могла бы быть более приверженной истинности учения Христа" (Udall in Strype *Am.Reb.*1.651). На основе этого употребления, начиная с 1557 г., присутствует и "искренность" как черта характера, присущая индивиду, которая впервые встречается в библейской трактовке: "But as of sinceritie...steake we in Christ." - "...а в искренности... Христу мы обращаем свой взор" (N.T.(Geneva) *Cor.ii.*17).

Лексическими эквивалентами *sincerity* в XVI веке являются *frankness* и, отчасти, *simplicity* (XVI в.): первое - гибридное формирование, а второе - многозначное заимствование (латинской этимологии) из французского языка (1374 - Чосер). Если *frankness* в течение XVI века оставалось семантически не производным, т.е. однозначным, и выражало в основном "искренность" в высказывании, то *simplicity* актуализирует в XVI веке сразу два ЛСВ - "наивность" (отсюда и "простота" как признак глупости - Шекспир) и "простота" в смысле "простодушие, открытость души, характера" - Шекспир и Э.Спенсер. Таким образом, выясняется социальная значимость *simplicity*

как основного носителя отрицательной коннотации, свойственной человеческой натуре в противовес *frankness* и *sincerity*, которые лишены этой отрицательности и сохраняют в себе положительный оттенок (Ср. "in low simplicity. He tends out money gratis and brings down. The rate of usauce..." (Merch.1.3. 44); и "Pardon the frankness of my birth, if I answer you for that." (HV.V.2.318) у Шекспира.

Семантический объем нового заимствованного слова *sincerity* шире и богаче, нежели семантика *frankness* и *simplicity*, а потому вполне очевидна ведущая роль *sincerity* как носителя основного понятия "искренность", воспринимаемая в исследуемый период как с религиозным оттенком, так и в более широком контексте (Ф.Бэкон, Шекспир, Г.Флетчер). Наблюдающаяся семантическая производность *sincerity* - свидетельство ее освоенности в языке-реципиенте в пределах XVI века. Дифференциация существует прежде всего в коннотативном аспекте (*simplicity* - отрицательная характеристика человека, а *frankness* - положительная), а разная сфера аппликации семантики (*frankness* - "открытость" в высказывании) способствует сосуществованию всех трех слов в пределах одной ЛСГ.

Виды человеческого отношения

Новое заимствование *penalty* (от лат. *panalitas, panalis* 'penal') впервые отмечено в 1512 ("Act Hen. VIII, c.6.§2": "The one moitie of every of the said penalties to be to the Kyng") в значении "наказание за нарушение закона, правила или договора".

Лексическим эквивалентом *penalty* выступает ЛСВ возникшего в XIII веке слова *punishment* - "наказание". Новое заимствование своим семантическим объемом дополняет понятие "наказание" и вместе с *punishment* выражает целостный смысл, который в своих индивидуальных

проявлениях отражен как экспликация конкретного (penalty) к наиболее общему (punishment).

В XVI веке в значении "наказание" наиболее частотным было punishment "наказание", которое весьма широко представлено в произведениях разной жанровой направленности. В анализируемый период ЛСВ punishment "наказание" является основным носителем и воплощением этого понятия. Отсюда и преобладание в характеристиках лексического и семантического контекстов.

Таким образом, punishment в значении "наказание" преобладало по всем параметрам, являясь носителем наиболее общего значения. Бытовавшее с XIII века значение в анализируемый период не уступает смыслу нового заимствования penalty, которое в XVI веке сосуществует с punishment благодаря дополнительному оттенку "наказание" (в виде потери, конфискации), например, у Шекспира. В XVI веке penalty в анализируемом значении - это один из способов наказания. Смысловое содержание punishment - наиболее обобщенное, абстрактное. Точность и выразительность нового заимствованного слова, включение новой идеи в уже бытовавшую смысловую группу - в этом результат и причинность введения нового слова латинского происхождения. А употребление его в произведениях различных жанров свидетельствует о том, что заимствованное слово следует рассматривать как составную часть проблемы формирования наиболее точной и логически стройной лексики, находящейся в стадии становления.

Заключая данную главу, подведём некоторые итоги. Не только возникновение, но и расцвет философии в определенную эпоху, как правило, обусловлен глубоким социальным кризисом, когда человеку становится трудно, а подчас и невозможно жить по-старому, когда прежние ценности теряют свое значение. Сфера морали не могла остаться в стороне от общего философского процесса времени взрыва интеллектуальной энергии, когда, как никогда доселе, время поставило столь остро задачи философского

осмысления всего происходящего, отказа от старых схем, обновления мировоззрения. И, как результат, появление в свет глубочайших по мысли и блестящих по литературной форме творений, воздействующих не на один лишь интеллект человека, но и на его эмоции, на весь спектр его духовных потребностей. Параллельно с философским осмыслением, продумывается и весь уклад человеческой жизни, системы ценностей.

Этика, как и всякое другое общественно-гуманитарное философское явление, имеет исторический характер. Для мыслителей Возрождения, а затем и Нового Времени, этика становится учением о разумной, счастливой и полнокровной жизни. Понятия этики, формируемые уже античной философией с учетом мифологии, с одной стороны, и обыденному сознанию – с другой, принадлежат к важнейшим философским понятиям.

Хотя в английской философской, социально-политической и художественной литературе XIV-XVII вв. понятия и термины этики встречаются довольно часто, тем не менее, это не значит, что мыслители страны четко осознавали место этики в общей системе наук и исследовали ее в качестве самостоятельного направления. В рассматриваемые нами века шел активный процесс обособления основных определений и категорий этики. Первично этика как самостоятельная научная система сформировалась лишь в конце XVII века. Этическая терминология в языке английской философии оказала тесное влияние на философскую и общественно-политическую мысль других стран. Одно то, что английские эмпирики в своих этических взглядах где прямо, а где опосредованно признавали смертность человеческой души, производило смятение в умах их современников и последующих поколений.

Таким образом, в результате анализа лексики выделено 4 тематические группы (ТГ):

- а) общие этические понятия
- б) свойства человеческого характера

в) свойства человеческого интеллекта

г) виды человеческого отношения.

Общий корпус слов, составивших фонд лексикона понятий этики на данный период, насчитывает 215 единиц. Слова этих групп зафиксированы еще в древнеанглийский период, но особо интенсивное их пополнение отмечено в XIV-XV вв. (120 единиц от общего числа 215 слов), с наивысшей точкой в XIV веке (75 слов), когда в основном оформляется ядро лексики ТГ этики.

Многочисленность новых заимствований классического характера в XIV-XV вв. в сфере этики объясняется тем, что данные ТГ представляют собой социально и культурно активную лексику, т.е. лексику, изменение которой обусловлено умонастроениями общества, а именно тенденциями английского Возрождения, достигшего своего апогея в XVI веке. Динамика состояний общественного сознания в исследуемый период имеет определенную направленность - это процесс дестабилизации понятия религиозной веры в связи с ломкой старой картины лженаучного видения мира и вытекающих отсюда морально-этических понятий, что и отражается на лексиконе словарного состава английского языка.

Семантический анализ всего корпуса слов ТГ свидетельствует о том, что в числе романских заимствований наиболее многочисленную группу (176 единиц) составляют абстрактные имена существительные со значением общих свойств человеческого характера, а также слова, выражающие понятия, связанные с видами человеческого отношения. Развитие словарного состава ТГ этики в этот период тесно связано с перегруппировкой основных генетико-стилистических пластов лексики, отражающих процесс разрушения двуязычия, начавшийся в XIII веке.

Хотя продолжает существовать двойственность литературных правил, но именно в этот период отчетливо выявляется несоответствие лексико-фразеологических норм средневековья новым тенденциям развития

английского литературного языка все более расширявшего свои функции в период становления нации.

Синонимические ряды тематических групп этики рассматриваемого периода характеризовались следующими особенностями:

1) незамкнутостью, являющейся следствием вхождения иноязычных заимствований в лексическую систему языка XIV-XVII вв. и привлечения исконных или заимствованных ранее семантических эквивалентов, облегчающих освоение этих заимствований;

2) неустойчивостью, зыбкостью и приблизительностью значений части слов, образующих такие ряды, и отсутствием, в итоге, у них четких контекстуальных размежеваний.

Одно из условий, поддерживающих лексический параллелизм в номинации - повышенная вариативность словообразовательных элементов. Множественность и незакрепленность средств выражения свидетельствовали о состоянии определенной семантической неустойчивости, свободы словоупотребления, языковой избыточности и являлись, таким образом, характерной чертой развития лексики этики.

Для данной эпохи, как показал анализ, характерны качественные перемены в словаре этики: формирование новых понятий вызывало необходимость использования для их обозначения не только новых языковых средств (новообразований, заимствований), но также и старых (исконных слов, бытовавшей лексики).

Адаптация имеющихся в языке лексических средств к новым общественно-культурным потребностям и "вхождения" заимствований в английский язык этого периода связано с определенными семантическими процессами в кругу исконной и заимствованной лексики.

Таким образом, проанализированный в главе фактический материал свидетельствует, во-первых, о том, как и в чем проявлялись особый характер понятий и терминов этики в контексте коренного преобразования ею

философии позднего Возрождения. Во-вторых, он позволил убедиться в выявлении места этики позднего Возрождения в истории и философии, рассмотреть подробно классификацию и анализ этических понятий, касающихся особенно человеческого характера, человеческого интеллекта и человеческих отношений и, наконец, подвёл нас к мысли, что никак нельзя считать исчерпанными для нашего времени этическое наследие ренессансного гуманизма Запада XIV-XVII веков и восточного, Центрально-азиатского, Ренессанса IX-XIII веков, поставленные ими проблемы достоинства человека и человеческой свободы, социальной справедливости.

Дело, конечно, не ограничивается теоретическим наследием антропологии и этики европейского Возрождения и восточного Ренессанса. Исследование еще раз с убедительностью показало, что бессмертным вкладом в философскую культуру человечества является богатство человеческой личности – личности самих мыслителей восточного Ренессанса Фараби, Ибн Сина, Беруни, Ибн Рушда и философов европейского Возрождения, как Томас Мор, Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Джорж Беркли и другие, воплотившийся в них гуманистический идеал полного и совершенного человека, единства личности философа и его жизненного пути, мысли и действия, слова и деяния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Без ясного понимания проблем философии, содержания ее основных терминов и категорий невозможно точно уяснить значение тех или иных научных результатов, концепций и теорий. Научная теория историко-философского процесса раскрывает не только ретроспективу, но и перспективу прогрессивного развития философии, её понятийного потенциала. Важность осмысления и исследования философских понятий обнаруживается и тогда, когда мы сталкиваемся с механизмом начального формирования и становления философии, ее понятийной системы. Именно поэтому взгляд на прошлое, которое осмысливается как предыстория настоящего, современного, а новое рассматривается как преобразованное старое, позволяет понять само современное как закономерный результат предшествующего развития.

Каждая эпоха имеет свое мировоззрение, зависящее от уровня знаний и характера цивилизации, от исторического опыта данного народа. Высший синтез культуры осуществляет философия, что отмечено уже в понимании Гегелем философии как эпохи, постигнутой в мыслях. Между философией каждой эпохи и другими формами общественного сознания складываются отношения взаимообусловленности и взаимозависимости. Это устанавливает конкретно-историческую направленность и само содержание развития философии, формируя тем самым присущий каждой эпохе особый стиль мышления, представляющий собой обобщенный образ культуры как целостного процесса, в рамках определенных пространственно-временных ограничений.

Ярчайшие представители философской мысли Возрождения и Нового времени были вполне единодушны в стремлении создать, обосновать научную философию, поскольку они видели в науке новое, неизвестное

прошлому явление, высшую форму всякого возможного знания. Согласно этому воззрению, наука включала в себя философию в качестве своей мировоззренческой и методологической основы. Методологическим эталоном являлось для них чаще всего математика и физика, и научная философия, которую они пытались создать, мыслилась ими как *mathesis universalis*. И это было сознание необходимости продиктованной новой исторической эпохой, с позиций которой античная мудрость отнюдь не казалась наукой.

Философские концепции не только пробуждаются к жизни мировоззренческими потребностями, они существенно отражают эти потребности в своих результатах. Порожденная конкретно-исторической ситуацией, философская система отражает ее на предельно высоком уровне абстракции. Каждое философское учение, школа вырабатывает, как правило, свой специфический язык, стремится сделать свои понятия более точными.

Важным моментом является как раз овладение этим языком, ибо, анализируя, вернее, проникая в мир идей и концепций мыслителя, мы усваиваем, а затем и интерпретируем точку зрения этого мыслителя, раскрываем лингвистическую эрудицию, словарное богатство и понятийный аппарат, представленный в трудах философа в систематизированном и точном виде, семантика единиц которого и аккумулировала в себе достижения философской мысли конкретно взятого учения.

Чтобы проследить развитие категорий мышления на этапе их становления в качестве категорий философии, необходимо изучить эволюцию значений выражающих их слов и грамматических структур в культуре народа-носителя рассматриваемого языка на протяжении длительного (XIV-XVII вв.) исторического периода.

Во-первых, мы пришли к выводу, что бесспорно влияние философских идей восточных перипатетиков на мировоззрение европейского средневековья, а затем и Возрождения. Прежде всего оно шло от трёх

великих философов: Фараби, Ибн Сины и Ибн Рушда. Их философское наследие имело значительное влияние на развитие философии в трех культурных ареалах: на мусульманском Востоке, на мусульманском Западе и на христианском Западе. Влияние Ибн Рушда на эволюцию философской мысли в направлении её секуляризации получила в христианской средневековой Европе, включая и Англию, традиции идущие от Ибн Сины. Это влияние обнаруживается в сочинениях Роджера Бэкона, Дунса Скотта, Альберта Великого, Фомы Аквинского, августинцев и др.

Заочное соревнование между арабоязычными и византийскими философами, а также споры между выдающимися философами внутри научных течений заставляли многих мыслителей развернуто, убедительно обосновывать собственные комментарии Аристотеля, находить для этого новые понятия и термины, но самое главное - активно использовать философскую лексику.

Во-вторых, наше исследование показало, что латинская философская лексика, на которой объяснялись философы средневековья, стала одним из основных звеньев английской философской лексики Возрождения, в течение которых, в свою очередь, сформировалось ядро современного английского философского языка и составная часть современного английского языка.

Научные достижения шли параллельно с серьезными изменениями в общественно-политической жизни, они обуславливали друг друга. На первый план вышло экспериментально-математическое естествознание, которое считало опыт основой продвижения науки. Великая заслуга английской философии перед человечеством, перед философией в целом, состояла в том, что она обосновала эмпиризм, принцип “от действий, опыта, эксперимента к науке, обобщению, к прогрессу” и тем оказала и оказывает принципиальное влияние на весь прогресс человечества и, в частности, философии.

Западная философская мысль, которая воспринимала идеи античности не только непосредственно, но и через восточных мыслителей, усваивала не

только нужные ей античные идеи, но также пригодные ей идеи самих восточных мыслителей.

Одним из малоисследованных духовно-философских источников становления и развития английской философии Возрождения явилось многое прогрессивное, что было создано в философии народов Востока, особенно Центрально-Азиатского региона. Все это оказалось достоянием Запада, сумевшего направить развитие этого наследия, особенно достижений восточных перипатетиков по новому руслу. Таким путем те черты культурно-духовной, философской мысли, которые возникли не на арабской почве, были, тем не менее, восприняты и ассимилированы как арабомусульманской, так и европейской культурой и философией. В контексте общемусульманского, и европейского, освоения они, преодолев свою этно-территориальную и временную ограниченность, стали обретать универсалистский характер. В этом сказывается преемственность в развитии прогрессивных идей и философских концепций Востока и Запада.

В-третьих, изучение вопроса убедило в том, что в развитии преемственных связей между Востоком и Западом свободомыслие представителей Ближнего и Среднего Востока, в том числе Центральной Азии, сыграло значительную роль. Речь идёт о передаче средневековому Западу как философского наследия античного мира, так и достижений естественнонаучной и философской мысли народов Востока и, прежде всего, представителей древней земли Узбекистана.

В рамках настоящего исследования мы попытались осветить фрагменты всеобщности социальной истории и истории культуры различных народов и регионов, существование преемственности в социально-экономическом и культурно-духовном развитии каждого региона в отдельности и наличии различных по своей интенсивности преемственных связей между отдельными странами на конкретных этапах развития человечества. Это ещё

раз подтверждает, что именно через эту преемственность и различные преемственные нити крутится колесо исторического прогресса.

В-четвертых, новое видение восточного перипатетизма, своеобразная интерпретация учения Аристотеля составляли суть прогрессивной линии преемственности в философии, шедшее от античного мира, раннесредневекового Востока и арабоязычного Запада к странам Западной Европы. Восточный перипатетизм дал Западу новую для него философию, внес крупный вклад в формирование и развитие теоретического мышления вплоть до эпохи Ренессанса. Оригинальное толкование, какое дали арабоязычные философы Центральной Азии IX-XIII вв. учению Аристотеля, стимулировало становление и развитие философских воззрений не только Роджера Бэкона, Дунса Скотта, Томаса Мора, Френсиса Бэкона, Джона Беркли, но и воздействовало вообще на философию многих стран Запада.

Философия Аристотеля и её интерпретация на Востоке, легшая в основу перипатетизма ал-Кинди, Фараби и Ибн Сины, естественнонаучные открытия, их собственные оригинальные философские идеи, вольнодумство этих великих мыслителей были восприняты и ассимилированы дальше на арабском Западе Ибн Баджей, Ибн Туфейлем, Ибн Рушдом. Из числа проблем преемственно воспринятых из философии Аристотеля и восточного перипатетизма, наиболее значительными были проблемы бытия мира, видов разума, материи и формы, возможности и действительности и др.

В-пятых, исследование истории философской мысли показывает, что разработка теоретических проблем современности немислима без освоения культурного и духовного наследия прошлого. И чем глубже мы будем вникать в прошлое, тем лучше станем понимать настоящее и будущее. История имеет дело не только с тем, что отошло в прошлое, но и с живой жизнью современности. И именно поэтому мы никогда не потеряем интереса к тому, о чем спорили, что думали наши предшественники, к их поискам и полету мысли. Это справедливое отношение к истории философии, этапам её

эволюции. Именно в свете такого подхода можно констатировать, что формирование философии Возрождения – главный итог этого историко-философского процесса, а её дальнейшее развитие в качестве важного компонента мировой философии – её главная историческая перспектива.

Прослеживая пути формирования английской философской терминосистемы в контексте "включения" в язык повседневного общения философской мысли авторов периода как этапных для английской философии можно убедиться, что он представляет собой процесс все более осязаемого перехода от первоначальных конкретных содержаний рассмотренных терминов к все более абстрактным и обобщающим значениям с точки зрения их онтологического и гносеологического переосмысления.

В-шестых, философская лексика носила четко выраженный научный характер, а сама философия полностью оправдывала на английской почве свое призвание как царицы общественных наук. Философские понятия и термины широко использовались просветителями, политическими и общественными деятелями, писателями, поэтами. Мор, Шекспир, Марло, Элиот и другие в силу своего мировоззрения, интересов, таланта и творческого дарования активно использовали богатые возможности философской лексики. Тем самым они существенно и многосторонне, в том числе и в художественно-философском отношении, обогатили мышление своих читателей. Такая практика стала важным фактором формирования и функционирования философских понятий. Применение философской лексики, направленной на разработку наиболее общих мировоззренческих установок и понятий, в то же время привело к появлению выдающегося звена мировой классической литературы.

Выражение и закрепление с помощью такого языка обобщенных познавательных результатов, осуществление синтеза различных видов опыта составляет содержание одной из сторон творческого отражения человеком мира. Выраженное в специально разработанных понятиях и

категориях философское теоретическое познание, главным образом даёт человеку глубокое и целостное представление о мире, о его всеобщих закономерностях и взаимосвязях.

Специфику философии как теоретического знания особого рода отражает ее язык, понятийный аппарат. Специфической чертой становления категориально-понятийного аппарата английской философии Возрождения, эксплицирующуюся в её терминологии, является то, что это, **в-седьмых**, философская лексика, как никакая другая научная терминология, в своём большинстве формируется, как показало исследование, из слов обыденного языка в результате преемственности в развитии философских понятий и категорий с понятиями обычного человеческого языка. Этот факт является показателем преемственности в развитии философских понятий того, что философские категории вырастают из понятий обычного человеческого мышления. Таким образом, становление категориально-понятийного аппарата английской философии в исторической ретроспективе можно проследить по данным о становлении и развитии её терминологии.

Формирование научно-философской лексики в Англии периода Возрождения имело место под воздействием двух факторов, первый из которых - влияние национальной специфики, социально-экономического и культурного развития; второй – проявление основных тенденций общезыковой эволюции. Имена философского характера отражали различные уровни абстракции в мышлении и познании мира. Первоначально означая только конкретные предметы и зримые ситуации, они свидетельствуют о том, что движение от конкретного к абстрактному находило отражение не только в наименовании единиц языка, но и в характере их функционирования.

Философские термины представляют собой языковую экспликацию определенной ступени в развитии познания, когда стирались границы в осознании разницы между материальным и идеальным, причиной и следствием, личностью и окружающей природой, когда закономерности

перцепции оказывали еще известное влияние на процессы абстрагирования. В терминологии философского порядка этого периода нам встретились слова, которые, на первый взгляд, относятся только к сфере естественных и психологических дисциплин или, вообще, как будто бы не содержат ничего философского. Однако, когда мы соотнесли их с попытками философского миропонимания авторами терминов, то оказалось, что данные лексические единицы несомненно имеют и философский характер.

Основная масса философских терминов сложилась на базе заимствований из классических языков и путем переосмысления значения слов и сочетаний общелитературного языка. При этом особый этап составила их насыщенность обобщенной образностью и абстрагированностью. Это оказалось примечательной чертой периода становления терминологии английской философии в этот период.

Процесс формирования английской науки обусловил собой дальнейший рост и распространение как устного, так и письменного философского английского языка, поскольку в эпоху наиболее бурных общественных трансформаций имеют место и стремительные процессы совершенствования языка. Активизируется как процесс заимствования из других языков, так и вся система словопроизводства. Формирование, эволюция английской терминологической лексики происходило самостоятельными путями, которые и определили "лицо" национальной терминологии, когда большое число слов, бытовавших в обыденном языке и языке науки, определяются терминологически и поднимаются до уровня философских понятий, придавая им обобщенные логико-понятийные значения.

Трансформация основных понятий английской философии Возрождения, детерминирующей и языковую ситуацию, сопряжено как с социокультурным, так и с философским мировоззренческим фоном эпохи, однако качественная специфика формообразования детерминантов генезиса философского знания и, соответственно, оформляющих ее в языковом плане

систему терминов, имеют совершенно различные виды в разных эпохах, составляющих этапы возникновения и утверждения доминирующих новых философских концепций и направлений.

Процессы абстракции и обобщения в английском языке не происходили в некоем неизменном виде на всех этапах историчес-кого развития. Формирование абстрактно-философских значений и их лексико–эпистемологических оформлений тесно связано с развитием процесса абстрагирования и поэтому представляет безусловный обоюдный интерес для философии и филологии, т.к. анализ развития языка и, в особенности, языковых значений и категорий, выступает одним из необходимых компонентов исследования законов развития человеческого мышления и познания, составной частью теории познания любой научно- философской системы.

Философские термины в английском языке представляют собой единицы, употребляемые в функции жестко-информативных номинаторов явлений действительности в рамках философско-терминологической системы, отражающей мировоззрение определенного философа или школы, что характеризует их своеобразие и национальную специфику. Основные тенденции развития понятийной лексики английской философии Возрождения реализовались главным образом в трёх направлениях: во-первых, расширение состава английской философской лексики по своему содержанию отражало возникновение качественно новых явлений в языке общества периода формирования и становления нации; во-вторых, характерной чертой данного периода стало появление новых слов для выражения уже известных понятий, что в значительной мере объяснялось обилием французских заимствований и неотработанностью английского словаря Возрождения, что вело к многообразию и неустойчивости выражения некоторых понятий. В-третьих, введению, ассимиляции и

толкованию новых философских терминов способствовали в основном соответствующие целевые установки авторов.

Закономерности языковой организации философских текстов Возрождения заключаются в следующем: а) тексты, раскрывающие различные аспекты научного знания, созданные авторами, разными по своим профессиональным наклонностям и призванию, тем не менее содержат в себе определенный набор единиц и демонстрируют схожую картину синтаксического оформления текстовых фрагментов; б) основной композиционно-речевой формой используемой мыслителем при создании научных трудов является “рассуждение/ размышление”; в) основная линия трудов философского характера периода – это объяснение, обоснование, доказательство или опровержение.

Английская философская терминология Возрождения представляла собой развивающуюся метастабильную систему, находящуюся в относительно устойчивом состоянии и подверженную разного рода микро- и макроэволюционным изменениям. Несмотря на высокодинамичный характер терминосистемы, элементы статики, составляющие ее ядро, преобладали над элементами динамики, образующими периферию системы.

В-восьмых, в эпоху Возрождения пополнение словарного состава английского языка и создание научной терминологии подъязыка философии шло в значительной степени за счет романских заимствований, главным образом из латыни. Пополнение тематических рядов романизмами и латинизмами обусловлено тем, что, во-первых, этот исторический промежуток был началом систематического изложения на английском языке первых научных, в том числе философских, трудов, и, следовательно, началом формирования на английской почве семантического ряда современной английской философской терминологии.

Предпочтение латинизмов для обогащения словарной базы, в частности философской лексики, объясняется тем, что первые

философские труды на английском языке опирались на канонизированную латинскую грамматическую схему, которая вплоть до XVII-XVIII веков признавалась в Англии почти единственной основной наукой о языке и как образец совершенства и эталон для подражания, а сама латынь была тем центром, вокруг которого велись поиски нормы английского литературного языка. И это понятно, поскольку классическим обобщенным изложением всей предыдущей человеческой мысли была именно эта канонизированная схема, и возрожденческая философия должна была и не могла не продолжить канонизированную латынь, ибо она была сгустком всего предыдущего развития, когда философской задачей Возрождения оказывалось не противопоставление в человеке божественного и природного, духовного и материального начал, а раскрытие их гармоничного единства.

Вторичность, заимствованность английской терминосистемы философии в значительной степени связана с высокой восприимчивостью английского языка Возрождения к заимствованию вообще и к терминотворчеству, в частности. Именно эта особенность английского языка, его “открытость” к заимствованиям, естественный характер этого процесса способствовали в исследуемый период и в дальнейшем его постепенному возвышению как международно-мирового языка-транслятора №1 в современных условиях. Именно длительное и не обставленное научно-бюрократическими формальностями “впитывание” иноязычных слов позволили английскому языку выйти на широкий простор межконтинентальных, межгосударственных и межнациональных отношений и стать действенным средством общения человечества в условиях ускоряющейся глобализации в современном мире.

Употребление философской лексики в произведениях различных жанров, выступавшее одной из характерных черт Возрождения, сопровождалось процессом постепенной профессиональной дифференциации языка философии в связи с ее специализацией, оформлением ее в отдельную

науку, терминологизацией отдельных слов, умножением терминологических сочетаний. Использование слов философской направленности драматургами, поэтами свидетельствует о том, что художественное познание действительности шло параллельно с ее научным познанием, и в этом контексте мыслители эпохи Возрождения зачастую с глубокой прозорливостью подходили к философским проблемам своего времени. Современный литературный английский язык, выросший в основном на фундаменте языков классических, стал сегодня первым мировым языком в значительной степени благодаря своевременно сформировавшейся в ней определенной философской системы.

Семантические параллели в содержании философских категорий в процессе их становления в английском мышлении служат основанием для заключения о принципиальном единстве формирования представлений об этих категориях. Выявленные закономерности процесса формирования категориально-понятийного аппарата английской философии позволяют дать критический анализ некоторых герменевтических положений о их происхождении, концепций каузального характера мышления человека в исследуемый период и теории лингвистической относительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Узбекистан - собственная модель перехода на рыночные отношения. - Т.: Узбекистан, 1993. - 115 с.
2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. - Т.: Узбекистан, 1997.
3. Аверинцев С.С. Образ античности в западно-европейской культуре XX в. Некоторые замечания. В кн.: Новое в современной классической филологии. - М.: Наука, 1979, с. 5-40.
4. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.-218с.
5. Античная культура и современная наука. - М.: Наука, 1985. -344 с.
6. Античное наследие в культуре Возрождения. - М.: Наука,1984.-236 с.
7. Античность в культуре Возрождения. – М.: Наука, 1984.-286 с.
8. Антология мировой философии. В 4-х т. Т.2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. - М.: Мысль,1970. - 776 с.
9. Аристотель. Соч. в 4-х т. - М.:Мысль, 1978-83. -1517 с.
10. Асмус В.Ф. Избр. филос. труды. - М: изд-во МГУ,1971. - Т.2. - 445 с.
11. Барг М.А. Шекспир и история.- М.: Наука, 1979. - 215 с.
12. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. - М.: Наука, 1978. - 199 с.
13. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Наука, 1965. – 424 с.
14. Бертельс Е.Э. Избр. труды История литературы и искусство Ирана. – М.: Наука, 1988. – 558 с.
15. Богомолов А.С., Ойзерман Т.И. Основы теории историко-философского прогресса. - М.: Наука, 1983. - 288 с.
16. Бозций. Утешение философией. - М.: Наука, 1990. - 186 с.

17. Будагов Р.А. Человек и его язык. - М.: Изд-во МГУ, 1976. - 429 с.
18. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? - М.: Наука, 1977. - 263 с.
19. Будагов Р.А. Чему учит нас история науки о языке? // Филологические науки, 1986, №3, с. 13-24.
20. Бычко И.В., Бычко А.К., Шадманов К.Б. и др. Методологический анализ историко-философского знания.- Киев. Вища школа, 1984. - 192 с.
21. Бычков В.В. Эстетика поздней античности. – М.: Наука, 1981. –325 с.
22. Бэкон Френсис. Соч. в 2-х т. Т.1. Новый органон. - М.: Мысль, 1971. - 582 с.
23. Вернадский В.И. Избр. труды по истории науки. М.: Наука, 1981.- 356 с.
24. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингво-страноведческая теория слова. - М.: Рус. язык, 1980. - 320 с.
25. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды.- М.: Наука, 1977. - 312 с.
26. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М.: Мысль, 1974. – 452 с., Т.2. Философия природы. - М.: Мысль, 1975. – 695 с., Т.3. Философия духа. - М.: Мысль, 1977. – 471 с.
27. Герменевтика: история и современность.- М.: Мысль, 1985. - 303 с.
28. Гиляров А.Н. Источники о софистах. Платон как исторический свидетель. Т.1. – Киев: Б.И., 1891. – 358 с.
29. Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. - М.: Наука, 1975. - 531 с.
30. Гольбах. Избр. произв. В 2-х т. М.: Наука, 1963. – 623 с.
31. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. - М.: Высшая школа, 1980. - 368 с.
32. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры.- М.: Наука, 1972. -318 с.
33. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. –М.: Гардарика. 1998 - 472 с.

34. Идрис Шах. Суфизм. – М.: Клышников, Комаров и К⁰, 1994. – 212 с.
35. Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема.- Новосибирск: Наука. 1986. - 207 с.
36. История политических и правовых учений XVII-XVIII вв. - М.: Наука, 1989. - 448 с.
37. Казибердов А.Л., Муталибов С. А. Абу Наср ал- Фараби. Исследования и переводы. – Т.: Фан, 1986. –200 с.
38. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. - М.: Наука, 1988. - 310 с.
39. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
40. Комилов Н. Тафаккур карвонлари. – Т.: Маънавият, 1998. –280 б.
41. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М., 1936. – 158 с.
42. Конрад Н.И. Запад и Восток.- М.: Наука, 1972. с. 446-486.
43. Крачковский И.Ю. Избр. Соч; –М.-Л., 1956. Т.2. – 510 с.
44. Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. - Киев: Наукова Думка, 1974. - 207 с.
45. Культура эпохи Возрождения и Реформации. - М.: Наука, 1981. - 268 с.
46. Культура и общество. –М.: Наука, 1986. –232 с.
47. Лакофф Дж; Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем// Язык и проблемы социального взаимодействия. –М., 1988, с.51-56.
- 48.Лафарг П. Соч., т.Ш, М.-Л., 1931.
49. Линский С.С. Формирование лексических норм английского литературного языка в период с XVI по XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- М.,1974. - 52 с.
50. Локк Джон. Сочинения в 3-х т.: Т.1-2: Опыт о человеческом разумении. - М.: Мысль, 1985. - 1181 с. Т.3: Опыты о законе природы. - М.: Мысль, 1988. -668 с.

51. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. - М.: Наука, 1982.- 632 с.
52. Майоров Г.Г. Судьба и дело Боэция. // Боэций. Утешение философии. - М.: Наука. 1990.
53. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. - М.: Наука, 1983. – 180 с.
54. Маслиева О.В. Становление категории причинности.- Л., Наука, 1980. - 104 с.
55. Меликишвили Д.Н. К становлению грузинской философской терминологии. // Вопр. языкознания. М.,1978,N5,с.121-127.
56. Михаленко Ю.П. Ф.Бэкон и его учение.- М.: Наука, 1975. - 264 с.
57. Нуритдинов М.Н. Из истории общественно-философской мысли Средней Азии в XIV-XVIII веках. Автореф. дисс. ... д-ра наук. Т., 1994. –55 с.
58. Овсянников Н.Ф. Эстетика в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Наука, 1988. – 190 с.
59. Ойзерман Т.И. Философия, наука, идеология. М.: Наука, 1977. - 308 с.
60. Осинковский И.Н. Томас Мор: Утопический коммунизм, гуманизм, реформация.- М.: Наука, 1978. - 326 с.
61. Петрова И.А. Социально-коммуникативная природа письменного текста и проблемы его понимания. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. - 17 с.
62. Платон. Сочинения. Т.1. - М.: Политиздат, 1972.
63. Попович М.В. Философские вопросы семантики. - Киев: Наукова Думка. 1975. - 294 с.
64. Потебня А.А. Из записок по теории словесности.- Харьков: Б.И., 1905. - 340 с.
65. Ракилов А.Н. Историческое познание (системно-гносеологический подход). - М.: Политиздат, 1982. - 303 с.
66. Рассел Б. История Западной философии. М., 1959.

67. Рутенбург В.И. Общество Возрождения. // Культура Возрождения и общество. М.: Наука, 1986. – с. 3-7
68. Сирожов Ф. Масъалаҳои фалсафаи ҳасти дар китоби «Начот»-и Ибни Сино. – Душанбе: Дониш, 1980. – 138 с.
69. Скирбекк Г., Гилье Н. Фалсафа тарихи. – Т.: Шарк, 2003. – 718 б.
70. Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М.: Наука, 1978. - 236 с.
71. Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979. – 170 с.
72. Соколов В.П. Спиноза. - М.: Мысль, 1973. - 224 с.
73. Спиноза Борух. Этика. – М.-Л., 1972. – 222 с.
74. Сулейманова Ф. Восток и Запад. Т.: Изд-во А. Кадыри, 2001. – 405 с.
75. Типология и периодизация культуры Возрождения.- М.: Наука, 1978. - 280 с.
76. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Наука, 1984.
77. Тульчинский Г.Л. Интерпретация и смысл. // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. Новосибирск, 1986, с.37-50.
78. Туманова З.А. Формирование строгих научных понятий и их систематизация. - М.: Изд-во МГИК, 1994. - 72 с.
79. Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. – М.: Наука, 1987. – 160 с.
80. Философское сознание: драматизм обновления.- М.: Политиздат, 1991. - 453 с.
81. Фролов И.Т. Перспективы человека. – М.: Изд-во Полит. лит-ры, 1979. – 336 с.
82. Чалоян В.К. Восток - Запад: Преемственность в философии античного и средневекового общества. М.: Наука, 1979. - 213 с.
83. Честерфильд. Письма к сыну. Максимумы. Характеры. Л., 1971. – 351 с.
84. Хайруллаев М.М. Абу Наср ал Фараби.- М.: Наука, 1982. 302с.

85. Ханазаров К.Х. Пути и путы нашей философии./ Правда востока 2002. 9 октября.
86. Художественный язык Средневековья. - М.: Наука, 1982. –273 с.
87. Шадманов К.Б. Язык - Идеология - Семантика. Ташкент: Фан,1992.-86 с.
88. Шадманов К.Б. Вопросы взаимосвязи языка, сознания и бытия //Преподавание языка и лит-ры, N2, 1996, с.42-46.
89. Шадманов К.Б. Особенности английской философской мысли и лексики XIV-XVII вв. Т.: ТФИ, 2003. – 97 с.
90. Шведов Ю.Т. Вильям Шекспир. Исследования. - М.: Изд-во МГУ, 1977. - 390 с.
91. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. –М., 1988.
92. Швецова О.А. Явления иррелевантности в английской научной прозе XVII-XVIII вв.// Особенности стиля научного изложения. – М.: Наука, 1976. – 270 с.
93. Шефтсбери А. Эстетические опыты. – М.: Наука, 1995 г. - 153 с.
94. Юм Давид. Исследование о человеческом уме. 2-ое изд.,1916.-195 с.
95. Эразм Роттердамский. Философские произведения. - М.: Наука, 1986. - 704 с.
96. Эразм Роттердамский и его время. – М.: Наука, 1989. – 280с.
97. Ярцева В.Н. История английского литературного языка IX-XV вв. - М.: Наука, 1985. - 248 с.
98. Гарб фалсафаси. –Т.: Шарк. 2004. - 720 б.
99. Apel K.-O. Intentions, conventions and reverence to things: dimension of understanding meaning in hermeneutics and analytic philosophy of language. - In: Meaning and Understanding. Berlin-N.-Y., 1981, pp. 79-111.
100. Barber Ch. Linguistic Change in Present-day English. Edinburgh - London: Oliver & Boyd 1964. - 154 p.
101. Barfield O. History in English Words. -London: Faber, 1954. - 239 p.

102. Baugh A.C., Cable Th. A History of the English Language. Third ed. – London, 1978. – 506 p.
103. Berndt Rolf. A History of the English Language. - Leipzig. 1984. –240 p.
104. Bennet J.V. Locke, Berkeley, Hume, Central themes. Oxf, Clarendon Press. 1971. - 361 p.
105. Blake N. The English Language in Medieval Lit-re. – L., 1977 – 170 p.
106. Bush D. The Renaissance and English Humanism. - Toronto: Univ. of Toronto Press, 1956. -139 p.
107. Cowley C.H. The First English Translations of Classics. -New Haven, 1927.- 430 p.
108. English Literature and British Philosophy (Ed. S. P. Rosenbaum). - Chicago, 1971. – 280 p.
109. Erickson C. Medieval Vision: Essays in History and Perception. – N.- Y., 1988. – 85 p.
110. Feyerhabend P.K. Philosophical papers. vol.1,1961, XIV,-353 p.
111. Fodor, Jerry Alan and Katz, Jerrald J. The structure of language: Readings in the philosophy of language. -Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall inc., 1965. -612 p.
112. Foster Br. The Changing English Language. -London:Macmillan, N.-Y., st.Martins press, 1968. -263 p.
113. Grant V. The Evolutionary Process. A Critical Review of Evolutionary Theory. Cambridge Univ. Press. -N.-Y-., 1985. – 275 p.
114. Hoerz H. Der dialektische Determinismus in Natur und Gesellschaft. Berlin, 1986. – 152 p.
115. Howell W.S. Logic and Rhetoric in England. 1500-1700. Princeton, 1956. – 150 p.
116. Mc Dowell A. Meaning, Knowledge and Reality. – Cambridge – London, 1998. – 291 p.
117. Mc Carthy Th. Vocabulary. - Oxf. Univ. Press, 1990 – 250 p.

118. Mc Knight G.H. The Evolution of the English Language.-N.-Y. Dover, 1968. -590 p.
119. Mc Laughlin G.C. Aspects of the History of English. -N.-Y.: Halt, Rinehart and Winston, 1970. -375 p.
120. Nugent E.M. The Thought and Culture of the English Renaissance. -N.-Y., 1979. – 270 p.
121. Pare H. Content of Understanding. -Amsterdam, 1980. p.1-10.
122. Ricoeur, Paul The Conflict of Interpretations. Essays in hermeneutics - Evanston: Northwestern Univ. Press. 1974.- 512 p.
123. Savory Th.H. The Language of Science: its growth, character and usage. L., 1967. - 246 p.
124. Serjeantson S.M. A History of Foreign Words in English. - L., 1935. -309 p.
125. Shadmanov K. Soverign Uzbekistan and Issues of Philosophical Termilogy.// XXI World Congress of Philosophy. Abstracts. – Istanbul, Turkey, 2003. – P. 358.
126. Skirbekk G., Giljie N. The History of Philosophy. Scandinavian Univ. Press. – Oslo, 1996. – 718 p.
127. Söderlind J. The Attitude to Language Expressed by or Ascertainable from English Writers of the 16th to 17th Centuries. – Studia Neophilologica, L., 1964. – 320 p.
128. XXI World Congress of Philosophy. Abstracts. – Istanbul, Turkey, 2003.- 444 p.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Asham Roger. English Works. Ed. by W.A.Wright. Cambridge, Cambridge english classics, 1904. -304 p.
2. Bacon Francis. The Philosophical Works of Francis Bacon,baron of verulam. Ed. by John M.Robertson. L., Routledge, New York, Dutton, 1905. -920 p.: I.

Valerius Terminus (trans.) pp.185-205; II. Filum Labyrinthi, Live formula Inquisitionis (trans.) H.206-211; III.Novum Organum (trans.) pp.212-387; IV.Preparative Towards A Natural and Experimental History pp.388-412; V.Of the Dignity and Advancement of Learning. Books IIIX. pp.413-638; VI.On Principles and Origins According to the Fables of Cupid and Coelum,Etr.(trans.) pp.639-669; VII. A Description of the Intellectual Globe (trans.) pp.670-702; VIII.Theory of the Earth (trans.) pp.703-709; IX. New Atlantis pp. 710-732. X. Essays or Consels Civil and Moral pp.737-814. XI. Of the Wisdom of the Ancients (trans.) pp. 825-858; XII. Apophthegms New and Old pp. 859-899.

3. Bacon Francis. The Essays of Francis Bacon. Et. with introd. and notes by Clack Sutherland. Boston, Riverside press, 1908. -227 p.
4. Bacon Francis. The works of Lord Bacon in 2 vols. London, 1841. – 670 p.
5. Bacon Roger. Compendium Studii Philosophiae, ed. by S.S. Brewer, R.S.15, London, 1859. – 667 p.
6. Berkeley, George. The Works of George Berkeley, Bishop of Claine. Ed. by A.A. Luce and T.E. Jessop. vol. 1-9. L., a.o., Nelson, 1948-1957; vol.1. Philosophical Commentaries. 1948. VIII,279 p.; vol.2. The Principles of Human Knowledge.1949,VII,294p.; vol.3. Alciphron or the minute philosopher.1950,v,337p.; vol.4. De matu with an Eplse translation. The akalyst. A defence of free thinkig in mathematics. Pearsons fruot replyinp to use. Walton's Full answer. 1951, VIII, 264 p.; vol.5. ZIFIS - three letters to Thomas Prior. 1957, IX, 235 p.; vol.6. Passive obedience.1953, VIII,255 p.; vol.7. Sermans.1955,VIII, 389 p.; vol.8. Letters 1956, VIII, 312 p.; vol.9. Notes to Berkley's Letters. 1957, VI, 191 p.
7. Berkeley, George. The works of G.Berkeley D.O., formerly bishop.vol.1-4. Oxf., Clarendon Press,1201; vol.1.Philosophical works, 1705-21,LXXXVII,527p; vol.2. Philosophical works, 1732-33,415 p; vol.3.

- Philosophical works, 1734-52, 412 p; vol. 4. Miscellaneons works, 1707-50,VIII,611 p.
8. Bunyan John. *The Pilgrim's Progress*. Ed. Roger Sharrock. Penguin Books, 1978. -377 p.
 9. Cleveland John. *The Poems of*. Ed. Brian Harris and Eleanor Withington. Oxf., 1967. -175 p.
 - 10.Cotton Charles. Selected by G.Grigson. 1975, Pebguin Books. -198 p.
 - 11.Dekker Thomas. *The wonderful Year. The Gull"s Hornobook. Pennywise, pound fiilish English villaineis discovered by Lantern and Candlelight and Selected Writings*. Ed. E.D.Pendry. L., 1967. -374 p.
 - 12.Dekker Thomas. *The Non-dramatic Works of*, v.1-5, L.,1884-86. -1602p.
 - 13.Donne John. *The Complete English Poems*. Ed.A.J.Smith. Penguin Books, 1974. -679 p.
 - 14.Donne John. *Five Sermons upon special occasions*. Menston Scolar press, 1970. -267 p.
 - 15.Dryden John. *Selected Works of*. Ed.W.Frost. N.-Y.,1953. -424 p.
 - 16.Elyot Thomas. *The Boke Named The Gavernour*.Ed.by Foster Watson. London. Dent., New York, Dutton, 1907. -308 p.
 - 17.Elizabethan and Jacobenian Poets: Marlowe to Marvell.Ed.W.H. Auden and N.H.Pearson. Penguin Books, 1978. -556 p.
 - 18.*English Meracle Plays,Moralities and Interludes. Specimen of the Pre-Elizabethan Drama*. Ed.by alfred W.Pollard. Oxf., 1927. -150 p.
 - 19.Fisher John. *The English Works of. John Fisher*. Ed.John E.B. Mayor. London, 1935. -200 p.
 - 20.Fletcher Giles (elder). *The English Works of*. Ed.Lloyd E. Berry - Madison, 1964. - 546 p.
 - 21.*Four Jacabean City Comedies*. Ed.G.Salgalo, Penguin Books, 1975.—423p.
 - 22.Green Robert Montraville. *The Round Table*. L., 1995. -612 p.

- 23.Hall John. *The Court of Virtue* (1565).Ed.by Russel A.Fraser. N.-Jersey. Rutgers Univ. press, 1961. -424 p.
- 24.John Locke. *An Essay concerning Human Understanding*. Oxf., 1975. - 1128 p.
- 25.Johnson Ben. *The Works of Ben Jonson*, 1816, vol.9 With notes critical and explanatory by W.Gifford; vol.5. *The devil is an ass. The staple of news, The new inn*. -455 p. vol.6. *The Magnetic lady, a tale of a tob. The sad shepherd. The case is altered. Enterfoinments*. -514 p.
- 26.Johnson Ben. *Three Comedies. Volpone. The Alchemist. Bartholomew Fair*. Ed.M.Jamieson. Penguin Books,1978.-489 p.
- 27.Johnson Ben. *The Complete Poems*. Ed. G.Parfitt.Penguin Education, 1975. - 634 p.
- 28.Literature of Renaissance England.Ed.John Hollander and Frank Kermode. N.-Y., Oxford University Press, London, 1973. -1092 p.
- 29.Locke J. *An Essay concerning Human Understanding*, ed. with introduction by Peter H. Nidditch. Oxf., 1975. - 660 p.
- 30.Lodge Thomas. *A Defence of Poetry, Music and Stage-Plays. An Alarum Against Userers; and The Delectable History of Forbonius and Prisceria*. L.,Shakespeare society, 1853. -129 p.
- 31.Marlowe Christopher. *The Complete Plays*. Ed.J.B.Steane. Penguin Books, 1977. - 601 p.
- 32.More Thomas. *The Complete Works of St.Thomas More*, vol.2.History of King Richard III.- 315 p.; vol.3. Translations of Lucian (parts 1-2). - 218 p.; vol.5 (parts 1-2) *Response to Lutter*.- 1036 p.;vol.8.(parts 1-3) *Confutation of Tyndale's Answer*. - 1831 p.; vol.9. *Apology ...* -456 p.; vol.12. *A Dialogue of Comfort Against Tribulation*. -566 p.; vol.13. *Treatise on the Passion; Treatise on Blessed Body, Instructions and Prayer*. - 366p.; vol.14. (parts 1-2). *De Tristitia Christi*. - 1192 p.

33. More Thomas. *Conscience Decides. Letters and Player from Prisson Written by Sir. Thomas More between April 1534-July 1535* (selected by D.B. Foard and Stanbrook Abbey). L., 1971. - 120 p.
34. More Thomas. *The History of King Richard III and Selections from the English and Latin Poems*. Ed. Richard S. Sylvester, New Haven-London, 1976. - 168 p.
35. More Thomas. *The Dialogue of Sir Th. More Concerning Tyndale*. Ed. W.E. Campbell. L., 1927. - 552 p.
36. More Thomas. *The Correspondence of Sir Thomas More*. L., 1974. - 584p.
37. More Thomas. *Utopia* (written in Latine by Th. More and Translated into English by Ralph Robynson). Boston, 1878. - 472 p.
38. More Thomas. *The "Utopia" and the History of Edward V by Sir Thomas More with Roper's Life*. Ed. Maurice Adams. L., 1947. - 288 p.
39. Milton John. *Selected Prose*. Ed. C.A. Patridges. Penguin Books, 1970. - 425 p.
Paradise Lost. Paradise Regained. Samson Agonistes. Ed. Harold Bloom. L., 1972. - 350 p.
40. *The Mirror for Magistrates*. Ed. from original texts. By lyby B. Campbell. Cambridge, The Cambridge University press, 1938. - 544 p.
41. Nabbes Thomas. *The Works of Thomas Nabbes*. Two volumes in one. Ed. A.H. Bullen. N.-Y. -L., Blom, 1968. - 553 p.
42. Norton Thomas, Sackville Thomas. *Ralph Roister-Doister, A Comedy by N. Udall and the Tragedia of Groboduc by Th. Norton and Thomas Sackville*. Ed. N.D. Cooper, L., 1847. - 160 p.
43. *Original Letters of Eminent Literary Men of the XVIth, XVII th, and XVIIIth Centures*. Ed. Sir Henry Elliss. L., Camden soc., 1843. - 460 p.
44. *Original Letters Illustrative of English History*. Ed. Sir Henry Ellis. vol. 1-4 London, Bentley. 1846, vol.1 -381 p.; vol.2 -382 p.; vol. 3 -381 p.; vol.4 -414 p.
45. Puttenham G. *The Arte of Eglish Poesie*. Ed. by Baxter Hathaway Kent (0), The Kent state univ. press, 1970. -320 p.

46. Poets of the 17th Century, vol. 1-2. Ed. John Bradbent. N.-Y. - L., Penguin Books, 1974. - 860 p.
47. Raleigh Walter. Poem of Sir Walter Raleigh. Ed. Hannal. L., 1892. - 261 p.44.
48. Shakespeare William. The Works of. Ed. W.G. Clarke and W.A. Wright. L., 1961. - 1211 p.
49. Rowlands Samuel. The Complete Works of Samuel Rowlands, 1598-1628, vol.2-3. Glasgow, Hunterian club, 1880.-113p.
50. Sidney Philip. An apology for Poetry or the defence of poesy. Ed. Geoffrey Shepherd. London, 1965. - 244 p.
51. Udall Nicholas. The Dramatic Works of. Ed. John S. Farmer L., 1906. 160p.
52. Webster John. Three Plays. Introduction and Notes by D.C. Gunby. Penguin Books. L., 1977. - 459 p. Concordances.
53. A. Concordance to the essays of Francis Bacon. Ed. by David W. Davies and Elizabeth S. Wrigley. Detroit (Mich.), Gale, 1973. - 329 p.
54. A. Concordance to Milton's English Poetry. Ed. William Ingram, Rathleen Swaim. Oxf., clarendon press, 1972.- 683p.
55. A. Concordance to English Poems of Thomas Gray. Ed. Albert S. Cook. Boston - N. - Y., Houghton Mifflin co., 1908. - 160 p.
56. A. Concordance to Spenser's Fowre Hymnes. Ed. Einar Bjorvand. Oslo (Bergen), Trans O, 1973. - 112 p.
57. A. Concordance to the Poems of Edward Spenser. Ed. Osgood, Charles Grosvenor. Washington, 1915. - 997 p.
58. A. Complete and Systematic Concordance to the Works of Shakespeare, vol. 1-6. Ed. Marvin Spevack. Haldesheim, 1968. - 8672 p.
59. The Complete Concordance to Shakespeare. Ed. Clarke Mary Cawden. London, 1874 - 860 p.
60. Shakespeare's Lexicon, vol. 1-2. Ed. A. Schmidt. Berlin-London, 1886. 1451 p.
61. Concordance to the Complete Poetical Works of Sir Thomas Wyatt. Completed by Eva Chatherine Hangen. Chicago, 1919. - 527 p.

62.A. Concordance to the poems of Ben Jonson. (Ed. by Mario H. Cesare and Ephim Fogel. - Ithaca; London: Cornell univ. press, 1978. - 879 p.

СЛОВАРИ

1. Адо А.В. Словарь по этике. - М., 1975. - 392 с.
- 2.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1969. - 606 с.
- 3.Дворецкий Л.М. Латинско-русский словарь. - М.. 1976. - 1096 с.
- 4.Современная Западная философия: Словарь. – М., 1991. – 414 с.
- 5.Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука. 1975. –720 с.
- 6.Философский словарь. - М.: Политиздат. 1963. - 544 с.
- 7.Философская энциклопедия. - М., 1960. Ч.2, 1962. - 575 с.
- 8.Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. - 840 с.
- 9.A. Dictionary of Phylosophy and Psychology including many of the principial conceptions of ethics logic, aesthetics, philosophy of religion and giving a terminilogy in English, French, German and Italian (Ed. James Mark Baldwin), N. - Y. The Machmillan Company, 1928, vol.1 - 644 p.; vol. 2 - 892 p.
- 10.The Encyclopedia of Philosophy /Ed. Paul Edwards, V, 1-8, The Macmillan Company The Frea Press vol., 1967.
- 11.Galperin I.R. New English-Russian Dictionary. In two volumes, M.: Russian Language, 1979. vol.1 -822 p.;vol. 2-863p.
- 12.Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford Univ. Press. L., 1978. - 1055 p.
- 13.Roget's Thesaurus of English words and phrases. - New edition completely revised, moderninzed and abridged by R.Dutch. - Hormondsworth. etc. Penguin Books. 1975. - 712 p.
- 14.The Shorter Oxford Dictionary on Historical Principles. Revised and Edited by C.T.Onions. - Oxf.: The Clarendon Press, 1968. - 2515 p.

15.Stratmann F.H. A Middle English Dictionary containing Words Used by English Writers from the 12th to the 15th century ... A New Edition, Rearranged, Revised and Enlarged in 1878, Oxford at the clarendon, Press, 1881. - 708 p.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение.....	4
Об истоках истории изученности проблемы.....	11

Глава первая

Философия в контексте прошлой и современной науки: формы неадекватного восприятия ее сущности и границ проблемного поля.....

.....	27
--------------	-----------

Методологические принципы истолкования историко-философского знания.....	27-56
--	-------

Бытие, сознание и язык периода Средних веков и Возрождения: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности.....	57-68
---	-------

Философская «метафизика» Нового Времени.....	68-81
--	-------

Глава вторая

Общая характеристика эпохи, взаимосвязи философии и языка

Возрождения.....	82
-------------------------	-----------

Связь восточных перипатетиков и английской философии

Возрождения	82-120
-------------------	--------

Трансформация основных понятий английской философии

Возрождения и их специфика	120-137
----------------------------------	---------

Общая характеристика понятийного аппарата произведений

классиков английской философии Возрождения	137-148
--	---------

Глава третья

Становление системы понятий английской философии.....	149
--	------------

Детерминация философских понятий эпохой и ее основными

представителями.....	149-168
----------------------	---------

Тенденции развития и пополнения состава философских понятий.....	168-181
Своеобразие экспликации авторского "Я" в английской философии Возрождения	181-200

Глава четвертая

Общее и особенное в становлении философских понятий в Англии XIV-XVII ВВ.	201
Особенности формирования и становления философских понятий как отражение в языке кардинальных изменений в общественном развитии	202-210
Роль классических заимствований в оформлении философских понятийных групп.....	210-220
Анализ функциональной специфики философских понятий.....	220-226
Становление понятийных групп.....	226-255

Глава пятая

Особый характер этики Возрождения в контексте ее понятийно-содержательной эволюции.....	256
Этика позднего Возрождения: место в истории и философии.....	256-267
Классификация и анализ этических понятий.....	267-275
Всеобщие этические категории	275-277
Свойства человеческого характера.....	277-289
Свойства человеческого интеллекта.....	289-292
Виды человеческого отношения.....	292-297
Заключение.....	298-309

Список использованной литературы.....	310-317
Источники для иллюстрации.....	317-322
Словари.....	323-324

Доктор философских наук, проф. Курбан Шадманов - известный лингвист-философ. Родился в Бухаре. Является автором более чем 200 научных, научно-популярных работ, а также переводчиком художественных произведений. Им изданы такие монографии как «Методологический анализ историко-философского знания», «Язык-Идеология-Семантика», «Особенности английской философии и языка XIV-XVII веков», «Диалог времен: Центрально-азиатская философская мысль IX-XIII веков и европейское Возрождение» и другие, посвященные раскрытию “белых пятен” истории английского языка и философии Северного Возрождения. Награжден серебряной медалью лауреата «2000 выдающихся интеллектуалов XXI века» (Кембриджский университет, Англия).

В настоящее время работает в Бухарском государственном университете на кафедре английского языкознания.

A well-known linguist and philosopher, professor Kurban Shadmanov was born in Bucharra. He is the author of more than 200 scientific, popular-science and academic works. The following publications like “Methodological Analysis of Historical-Philosophical Knowledge”, “Language – Ideology - Semantics”, “Specificity of the English Philosophy and Language of the XIV-XVII Centuries”, “IX-XIII Centuries Central Asian Philosophy and European Renaissance: Times Dialogue” are dedicated to issues enlightening history of the English philosophy and its language. He is Doctor of Science (Philosophy). At present works at the Bucharra State University. He is entitled as one of the “2000 Outstanding Intellectuals of the XXIst Century” given by the University of Cambridge (England), and academician of the Antique International Association.